

МИР

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

№ 7-1928

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ

ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ

ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.

С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 7 — 1928 г.

	СТР.		СТР.
Столетие рождения Льва Толстого.		«ОСВОБОЖДЕНИЕ», — рассказ К. Боголюбова, иллюстр. С. Лузанова	46
Портрет Л. Н. ТОЛСТОГО работы академ. М. Рундальцева, виньетки и заставки худ. Е. Самокиш-Судковской и Д. Митрохина.	3	«В НОВОМ КИТАЕ», — рассказ Ф. О'Бриен, с иллюстр.	49
«ИСТОРИЯ ФРЕДЕРИКСА («Дьявол») », — статья члена-кор. Академии Наук В. И. Срезневского</td <td>4</td> <td>«БЛАГОДАРНОСТЬ», — рассказ И. Поступальского, иллюстрация Ф. Райляна</td> <td>56</td>	4	«БЛАГОДАРНОСТЬ», — рассказ И. Поступальского, иллюстрация Ф. Райляна	56
«ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПАРТИЗАНА ФИГНЕРА», — статья В. Ф. Боцяновского	8	«ВОЛОСЫ ВЕРЕНИКИ», — рассказ Р. Ауернхеймера, иллюстр. Ф. Шворнштэдта.	60
«БОЯРИН МАТВЕЕВ В СОВЕТСКОЙ МОСКВЕ», — рассказ Г. Добржинского-Дизэ, иллюстр. Н. Кочергина.	10	«ТАИНСТВЕННЫЙ СОСЕД», — рассказ Л. Ларионова, иллюстрация А. Сергеева	71
Систематический Литературный Конкурс «Мира Приключений» 1928 г.—		«МЕДОВЫЙ», — рассказ А. Смирнова, иллюстр. И. Владимирова	74
«ЛУННАЯ ДОРОГА», — рассказ-задача № 8, иллюстр. С. Лузанова	22	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ»: «ХИМИЗАЦИЯ ПИЩИ», — очерк д-ра З., фотографии с природы	78
ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 5.		«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Решение задач на премии Конкурса № 2	70, 73 и 85
Отчет и решение рассказа-задачи «Бандит Клешня».	33	ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ	
«ПУСТЯК», — новелла Г. Миланези, иллюстр. А. Юргенса.	41	стр. 2 обложки.	
		ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК стр. 3 обложки.	

Обложка в 6 красок работы худ. Н. Кочергина.

Виньетки художников Е. Самокиш-Судковской и Д. Митрохина из кн. «Жизнь и творчество Л. Н. Толстого», изд. П. П. Сойкина.

Какие новые похвалы можно воздать первому и непревзойденному русскому художнику-прозаику Льву Толстому! Чем можно еще возвеличить Великого. Какими словами прославить мастера русского слова, не только в России, но и во всем цивилизованном мире превознесенного!

И в празднуемую всей грамотной Россией юбилейную годовщину Льва Николаевича наш скромный цветок, посвящаемый его памяти, не претендует на пышность и роскошь.

Вместо похвал великому писателю мы предлагаем вниманию наших читателей две статьи о Толстом, статьи поучительные и полезные для всех, кто любит и уважает литературу, и особенно для тех, кто сам стремится стать в ее ряды.

Приводимые в работе Всеволода Измаиловича Срезневского совершенно новые данные из жизни Толстого важны не только для уяснения нравственного облика писателя. Они свидетельствуют, как творчество его сливалось с самой жизнью его, они показывают ценою каких личных страданий и самоуглубления великий мастер достигал тех вершин художественной изобразительности, которые воистину обеспечили ему бессмертие в памяти людей.

Статья Владимира Феофиловича Боцяновского учит начинающих писателей, как в творческом преломлении ярко и выпукло отображается самая обыденная действительность, как неграмотный рисунок углем под рукою гения превращается в живую и незабываемую картину.

РЕДАКЦИЯ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
ПОРТРЕТ РАБОТЫ АКАД. М. РУНДАЛЬЦЕВА.

„ИСТОРИЯ ФРЕДЕРИКСА“ Л. Н. ТОЛСТОГО

Происхождение повести „Дьявол“. — „История Фредерикса“, — первое название ее. — Сокрытые рукописи от Софии Андреевны. — Любовь к крестьянке Анисье и увлечение кухаркой Домной. — Личные драмы Толстого, как основа повести.

Статья Члена-Корреспондента Всесоюзной Академии Наук, Заведующего Толстовским музеем В. И. СРЕЗНЕВСКОГО

Среди многих записей дневника Толстого, важных для выяснения истории создания его творений есть несколько записей, касающихся одного его произведения, чрезвычайно интересных своей большой определенностью и остающихся совершенно непонятными при помощи одного только дневника.

Это произведение дневник называет «История Фредерикса» (или Фридрикса); ни в числе произведений Толстого, ни в числе названий потом отброшенных, ни в числе планов или замыслов произведений нет ни одного, которое имело бы это название, и имя Фредерикса, если представить себе этого Фредерикса живым лицом, помимо сочетания с его историей, не встречается в дневниках. Самое имя в записях дневника колеблется: Фредерикси Фридрихс, так что едва-ли можно себе представить, что эти упоминания есть отражение какого-нибудь происшествия действительной жизни. Производит впечатление, что это название и это имя как будто прикровение чего-то такого, что автор желал скрыть.

«История Фредерикса» встречается в дневниках 1889 года несколько раз в ноябре, и один раз в апреле 1890 года.

10 ноября в Ясной Поляне Толстой записал в дневнике: «После обеда неожиданно стал писать я «Историю Фредерикса». С 11-го до 14-го шла работа с увлечением, особенно быстро, потом приостановилась из-за болезни глаза; 19-го он записал: «целое утро писал, кончил кое-как Фредерикса». Далее пошла переработка, так что основная работа определяется числами 10—19 ноября 1889 г.

Именно эти два числа, 10 и 19 ноября 1889 года, связаны с повестью «Дьявол», впервые напечатанной в 1911 г. в «Посмертных художественных произведениях»: 10 ноября 1889 г. поставлено на обложке черновой рукописи в начале писания этой повести, тогда еще не имевшей заглавия, а только ссылку на главу и стихи Евангелия от Матфея (Мф. V, 28, 29, 30), поставленные эпиграфом повести¹; 19 ноября 1889 года — стоит в конце этой рукописи рядом с подписью. Таким образом эти даты естественно сближают повесть «Дьявол» с «Историей Фредерикса», особенно, прибавим, потому, что Толстой обычно ставил окончательной датой при своих произведениях ту дату, которую заканчивал их первоначально.

Записи дневника 18 ноября еще резче, уже не числами месяца и года, а мыслями, «связывают «Историю Фредерикса» с будущим «Дьяволом». В дневнике читаем под 18 ноября: «К Фридриксу думалъ, гуляя перед обедомъ — две жизни представляются ему и два выхода. И наконец третій — себя убить». И та же мысль в 20-ой главе «Дьявола». Герой повести Евгений Иртнев рассуждает: «Да, две жизни возможны для меня: одна та, которую я началъ съ Лизой: служба, хозяйство, ребенокъ, уважение людей. Если эта жизнь, то надо, чтобы ея, Степаниды, не было. Надо услать ее, какъ я говорилъ, или уничтожить ее, чтобы ее не было. А другая жизнь — это тутъ же. Огнать ее у мужа, дать ему

¹ Именно: «А я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделеніемъ, уже прелюбодействовалъ съ нею въ сердце своемъ» и след. два стиха.

лепегъ, забыть про стыдъ и позоръ и жить съ ней...» и пр. И далее: «Только два выхода: жену убить или ее. Да еще... ахъ да, третье есть: себя... да себя. Тогда не нужно илѣ убивать».

Дальнейшие отметки дневника дополняют уже немногим сказанное ранее. 20 го ноября он начал переделывать и поправлять повесть и отметил: «очень хорошо работалось». Потом он ездил в Дворики и «дорогой еще больше уяснилось» в обрисовке характера тещи в «Дьяволе», тещи Иртенева, Варвары Алексеевны («vulgar, лгунья, дарит и говорит про дареное») и в характере самого Иртенева. 21-го ноября Толстому не удалось много поработать над повестью и он жалел, «потому что былъ очень расположенъ — ясно все было». 22 ноября Толстой отметил: «немного пописалъ Фридрикса, поправляя». И этим закончилась работа над повестью.

Толстой, как изредка случалось с ним, написал быстро, без переделок, «залпомъ», как он выразился, страшно увлеченный работой, видимо почему-то ему особенно близкой. Мысль о повести однако долго не покидала Толстого. 30 апреля в дневнике, записывая впечатления и мысли за 25 — 30 апреля 1890 года, он отметил: «Думалъ за это время 1) къ повѣсти Фридрикса. Передъ самоубійствомъ раздвоеніе: хочу я или не хочу? Не хочу, вижу весь ужасъ, и вдруг она въ красной повевѣ и все забыто. Кто хочетъ, кто не хочетъ? Гдѣ я? Страданіе въ раздвоеніи и отъ этого отчаяніе и самоубійство». И после Толстой возвращался к «Дьяволу», как видно по поправкам на копии Горбунова и Черткова, — когда, я не знаю. В дневнике потом один раз, 19 февр. 1909 г., коротко он отметил: «Просмотрѣлъ «Дьявола». Тяжело, неприятно».

Рукописей повести «Дьявол» сохранилось три: черновик Толстого, копия с новым текстом, но без поправок, и копия с очень немногими поправками Толстого.

Черновик представляет собою в высшей степени интересную рукопись: быстрый почерк, приписки на

полях и на отдельных листах, вставки между строками ярко рисуют захватывающую работу Толстого. Эта рукопись была отдана Л. Н. Толстым В. Г. Черткову и хранилась у него до 1911 года. В черновике находится первый вариант конца — самоубийство Иртенева: «Ну, что будет? Он приставил къ виску, замаялся было, но какъ только вспомнилъ Степаничу — решение не видѣть, борьбу, соблазнъ, паденіе, опять борьбу, такъ вздрогнулъ отъ ужаса. Нѣтъ, лучше это и пожалъ гашетку... Когда Лиза вбежала въ комнату — она только что успела спуститься съ балкона — онъ лежалъ ничкомъ на полу; черная, теплая кровь хлестала из раны, и трупъ еще подрагивалъ...»

Копия рукой Н. Л. Оболенскаго, мужа Марьи Львовны — второй вариант конца, но без последних фраз; к сожалению, она не вполне исправна: «Неужели я догибъ? Господи! Да нетъ никакого Бога. Есть дьяволъ. И эго она. Онъ овладелъ мною, а я не хочу, не хочу. Дьяволъ, да, дьяволъ. Онъ подошелъ опять къ пей, вынулъ изъ кармана револьверъ, и разъ, два, три, выстрелилъ ей въ спину. Она побѣжала и упала на воробу» (смерть Степаниды). Где подлинник этой копии, — неизвестно.

В третью рукопись, переписанную И. И. Горбуновым и В. Г. Чертковым, Толстой внес поправки в нескольких местах в конце повести, сделал небольшие сокращения и перестановки и приписал то заглавие, которое осталось за повестью. Последние две фразы Толстой переправил, чтобы придать им тот вид, который нужен для второго варианта — этих фраз и предыдущего абзаца нет в копии Н. Л. Оболенскаго¹.

Все сказанное о «Дьяволе» и об «Истории Фредерикса» ясно говорит во 1-х, что «Дьявол» и «История Фредерикса» одно и то же, во 2-х, что имя Фредерикса — имя вымышленное, в 3-х, что это название намеренно сделано Толстым непонятным, и именно для тех, кому были доступны

¹ При издании, мне кажется, последние две фразы должны быть в 1-м варианте изложены совершенно точно по черновику.

его дневники и, значит, прежде всего для Софьи Андреевны. Наконец самая рукопись «Дьявола» — копия ее, потому что черновик был у Черткова, каким то образом и для чего-то была скрыта от Софьи Андреевны, и только через 20 лет, и то случайно попала ей на глаза. Почему Толстой хотел сделать тайной то, что писал, именно от нее, будет видно из дальнейшего.

Повесть «Дьявол» была действительно чрезвычайно близка к правде жизни Толстого; два сходных, но совершенно различно пережитых им момента, были испытаны Толстым на расстоянии двадцати лет — в 1850-х и в конце 1870-х годов.

24 июля 1884 г. Толстой писал В. Г. Черткову: «Скажу вам то, что со мной было и что я никому еще не говорил. Я подпал чувственному соблазну. Я страдал ужасно, боролся и чувствовал свое бессилие. Я молился и все-таки чувствовал, что я безсилен, что при первом случае я паду. Наконец я совершил уже самый мерзкий поступок, я назначил ей свидание и пошел на него. В этот день у меня был урок со 2-м сыном. Я шел мимо его окна в сад, и вдруг, чего никогда не бывало, он окликнул меня и напомнил, что нынче урок. Я очнулся и не пошел на свидание. Ясно, что можно сказать, что Бог спас меня... Тогда я покаялся учителю, который был у нас, и сказал ему не отходить от меня в известное время, помогать мне. Он был человек хороший, он понимал меня и как за ребенком следил за мной. Потом я еще принял меры, чтоб удалить эту женщину, и я спасся от греха, хоть не от мысленного, но от плотского и знаю, что это хорошо».

Этот «хороший» человек, который как пьянка ходил за Л. Н-чем, был Василий Иванович Алексеев (умер в 1919 г.) домашний учитель двух старших сыновей Толстого, Сергея и Ильи, живший в Ясной Поляне в 1877—1881 гг. В. И. Алексеев крепко держал тайну Льва Н-ча, никому не говорил об этом, и, как пишет в одном письме, до 1911 года был уверен, что

«соблазн Льва Николаевича не известен никому» кроме него.

В полных интереса и еще не опубликованных своих записках, написанных в 1918 году, он рассказывает о случае, про который в 1884 году писал Толстой В. Г. Черткову, и про увлечение Толстого высокой и статной людской кухаркой Домной. Алексеев рассказывает, что через много лет в письме своем к нему Толстой благодарил его, вспоминая его дружескую услугу. В своих записках Алексеев говорит, что оклик сына Ильи был решающим моментом: Толстой как будто очнулся. Но и после он продолжал мучиться, пытался молиться; это не спасало его; он решил покаяться перед кем-нибудь, рассказать все о силе соблазна и о душевной своей слабости; тогда он пришел к Алексееву и просил его каждый день сопутствовать ему во время прогулок, когда он бывает совершенно один. И они ходили каждый день вместе. Так оградились Лев Николаевич от жестокого для него соблазна помощью сына и друга. Толстой не поступил так, как молодой Иртенев, но он был на пути Иртенева, и в его 50 лет страдания сознания его были едва переносимы. В. И. Алексеев был убежден, что в рассказе «Дьявол» и изображен в известном развитии этот случай. Но это было не так.

Еще до женитьбы на Софье Андреевне у Льва Николаевича была удивительная, глубокая привязанность и крепкая связь с одной крестьянкой из Ясной Поляны; она началась, вероятно, в 1858 году и продолжалась несколько лет. О своем увлечении, которое мучило Льва Ник. до самого последнего времени жизни, он говорил в августе 1910 года своему другу и биографу П. И. Бирюкову и сблизил эту свою любовь с рассказом «Дьявол», в котором собственно и есть «намек», как он сказал, на эту связь. Об этом увлечении Льва Н-ча, которое закончилось незадолго до женитьбы, Софья Андреевна хорошо знала. Перед женитьбой он показал невесте свои дневники, а дневник последних лет резко отразил на себе и это увлечение; то, что прочла С. А-на,

она перенесла, как девушка ревнивая и страстная, очень тяжело. Потом уже женою, в Ясной, она испытала много: сцены, подобные сценам Иртеневой с Степанидой, были и у ней с Анисьей. Вот это-то и была главная основа повести. Случай с Домной только напомнил начало шестидесятых гг.; он особенно тяжел был для Л. Н., потому что в конце 1870-х годов Л. Н. был уж иной. Новый случай для него был драмой, тяжелой, ужасной драмой.

Из сказанного видно, какие сложные личные переживания собраны Толстым в его рассказе. Становится понятным, почему он особенно охранял рукопись «Дьявола», отчего дал в дневнике своему писанию непонятное название, соединив его с вымышленным именем, отчего любовно оберегал самое Софью А-ну. Он хорошо помнил свое увлечение конца 1850-х—начала 1860-х годов и ревность молодой жены к его прошедшему, и в то же время он сам тяжело,—даже сильнее, чем прежде увлечение, потому что тогда он ни перед кем не чувствовал своей вины,—ощущал пережитую им драму 1879 года, страдал ею так же больно и через 10 лет, в 1889 году, и позже.

Целых 20 лет после написания рассказа Толстому, как сказано выше, удалось охранить его от ревнивых взоров Софьи А-ны: только в 1909 году повесть попала в ее руки и тогда взволновала и растрожила ее: она вспомнила давнее. «С. была ужасна. . . въ ней поднялись старые дрожжи» — пишет в дневнике Л. Н., и им обоим было тяжело. Потом «она все выска-

зала и я, слава Богу, смягчилъ ее и самъ расплакался, и обоимъ стало хорошо».

Так у Толстого на фоне его любви к Анисье и случайного увлечения Домной и связанного с этим ужасного состояния духа явилась эта повесть. Не только крупные и резкие штрихи из действительной жизни сквозят в повести, даже мелкие детали были близки к мелочам Яснополянской жизни, они не могли не напомнить Софье Андреевне прежнее, не взволновать ее, когда она через 50 лет в ярких образах повести восстановила в своей памяти ревнивые мысли восемнадцатилетней женщины.

Удивительна и иногда жестока была творческая работа Толстого: тяжелым гнетом ложился на него личная жизнь, и он не мог отрешиться от изображения ее тяготы. Так в «Воскресении», «Коневской повести», сквозит его личная жизнь в переживаниях Нелюдова — Валерьяна Юшкина, жизнь, своим ужасом, своим самоубиением увлекшая Толстого к писанию; рассказ А. Ф. Кони разбередил его старые раны. Так и в «своей» драме «И свет во тьме светит» каждое слово—страдание, лично им перенесенное. Так и во многом другом, написанном Толстым. Так и эта повесть «История Фредерикса», в которой «поднялись старые дрожжи» страдания, заставила вновь мучиться обоих, и мужа и жену в последнее время их жизни старыми, давнишними муками.

В. СРЕЗНЕВСКИЙ.

„ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПАРТИЗНА ФИГНЕРА“ у Л. Н. Толстого

Статья историка и беллетриста В. Ф. БОЦЯНОВСКОГО

Всем, конечно, известны прекрасные страницы четвертого тома «Войны и Мира», где рассказывается, как Долохов и Петя, одевшись во французские шинели, отправились во французский лагерь и там беседовали с французами, принявшими их за своих. Но, кажется, далеко еще не может считаться установленным источник, из которого Л. Н. Толстой заимствовал данные для описания этого исключительного по своей дерзости приключения.

Чрезвычайно любопытно поэтому будет сопоставить с ним затерянное в сумбурно изданном сборнике материалов П. И. Щукина¹, обширное письмо полковника Бискупского к издавателю «Отечественных Записок» А. А. Краевскому, подробно описывающее ему, по его просьбе, дерзкие вылазки партизана Фигнера.

Приводим из этого письма, без изменения, место, соответствующее описанию факта в романе Л. Н. Толстого. Бискупский рассказывает, что произошло это для них неожиданно.

На одной стоянке явились два проводника с донесением. Фигнер выслушал, велел слезть с коней и дожидаться его. „Сам не слезал, рассказывает Бискупский, поглядывая на меня, то на Чудовского, сказал: „сидите, поедем со мною“. Проводник вывел на край леса, Фигнер что-то приказал ему и воротил, а мы поехали из леса. У нас в виду широко раскинутое пространство открытых полей и селений, кажется, с каменной небольшою церковью. Почти вокруг села, особенно с нашей стороны, лагерь и полно село французов, которого от нас версты с 2 поля.

„Было прекрасное утро, солнце грело. Смотря из опушки леса, Фигнер говорит: „поедем в этот лагерь“. Я засмеялся, и Чудовский (вот портрет его: росту малого, широкоплечий, лет 30, лицо ужасно изрытое оспой до безобразия, толстые губы, добрый малый, веселый, безбедный и порядочно храбрый), выпуча глаза, покрутил головою, сказал: „а чтож, поехать бы хоть поближе“. Фигнер не в шутку уже на ходу, вперив глаза на лагерь и на местность, мы оба то за ним, то рядом с ним, то поглядываем назад, то на себя, то вперед, молча, не веря еще, что доедем до самого лагеря. Фигнер прибавил шагу и говорит: „вы, Чудовский, хоть худо говорите по французски, если кто спросит что-нибудь, выручайте ответом Кеаверия Андреевича, но коротко, избегая разговора, будто

польские уланы в каком-то хаосе столпившихся в голове мыслей“. Мои глаза разбежались по лагерю: кони расседланы у плетней, то ржат, то головами машут, солдаты полуодетые; далее направо и выше в кочках блестят ружья, пехота то в кучках... По другую сторону села, ниже, налево конные егеря, там и сям обозы и несколько пушек, несут то солдату, то... с села, складывают шалашики, словом, все пестреет разнообразно, огоньки, дым и говор во ста шагах перед нами; а крайние французы смотрят и на нас. Тут вздыхая, я мысленно проклял Фигнера; все как во сне кажется, и мы все трое, уже лавируя промеж лагерьных пожитков, мебелировки, — где кучка пера, где мяса, где торбы и различные предметы, — пробрались к одному огню с горшками и котелками, — ба, вспомнил, тут лежали и сарафаны, и кокошники, и лапти разбросаны. Среди кирасиров остановились (прошу сочинителя употребить свои таланты объяснить за меня, что тут почувствовалось, я не умею сказать, даже и тогда не умел бы); Фигнер стоящих тут двух офицеров с трубами в зубах приветствует добрым утром и залепетали с обеих сторон. Не мне изобразить это состояние, в каком была моя внутренность и наружность, только помню, мы оба стояли позади Фигнера; мне показалось, что от него, Фигнера, несет трупом; я взглянул на Чудовского, — рожа его и глаза, как воротник изношенный, багрово малиновая, как будто баклажку опорожнил, а я (по словам Чудовского) был то белый слишком, то красный. Офицеры в фуражках и шинелях, накинутых на плечи, один бронет, красивый лицом, стоял ближе перед Фигнером, говорил скоро, улыбался; другой молодой, немного рыжеватый, часто обращался к костру, у которого стояли жестяные посудинки.

„В эту минуту один кирасир в жилете, с русыми огромными бакенбардами, вошел между нас двух и спросил меня: какого мы регимента.

— Нон компрен, же сва половина, сказал я, боясь ему в глаза смотреть, чтоб не схватил за удили.

„Чудовский прервал по французски, а кирасир оперся левым локтем о бок коня Чудовского и правой руки пальцем бьет у шпоры его кольцо, чтоб оно шибче вертелось и звенело. Не знаю, сколько минут все это продолжалось.

„Я видел, что из села выходят три человека офицеров, один в каске. Я и подумал: если эти догадываются? Наконец Фигнер распрощался, мы повернули коней восвою.

„Фигне, еще повернул к ним, проговорил о каком-то маршале, а отвечали ему крич: „вуй, вуй“ и еще что-то.

„Мы отъехали шагом, принимая не прямо туда, откуда приехали, а гораздо левее пошли на рысях к лесу. Фигнер сказал нам:

— Это вчерашние кирасиры, что шли ночью, еще поговорил бы, да не хотелось дожидаться офицеров шедших к нам.

Въезжав в лес, приехали к отряду наших. Пошли распросы и рассказы. Тут вспомнил: ведь у нас на чепраках нашиты серебром „А“, конский убор во французский, на киверах кокарды русские.

Чудовский говорит:

— Кирасир, игравший с кольцом шпоры и глядя на Бискупского чепрак, спросил меня: что это „А“, верно имя вашего полка „А“?

— Да, это старые, тешер у нас новые чепраки с вензелем Наполеона.

„Возвращаясь мы и забыли об эт-й мелочи. Фигнер, имея намерение гораздо глубже идти во французские владения, прекрасно осведомился обо всем от самих же французов.

Товарищи наши только плечами пожимали“.

Повидимому проделывал это Фигнер не один раз. По крайней мере,

¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. М. 1908. Часть седьмая, стр. 317—319, 332—333.

в письме того же Бискупского помещено описание и другой его авантюры в этом же роде.

„Желая поспешить за Вороново к Москве, Фигнер хотел осведомиться, когда именно ожидается посещение авангарда Наполеоном, для соображений своих. Ему нужно было узнать не какнибудь от пленных, а на место какого либо штаба, официально по этой своей части и по дружески поговорить.

„В ночь темную, около десятого часа, Фигнер приварядил во французский костюм поручика Орлова, взял одного бородатого, который перевел их 7 верст до села Воронова, где прокравшись через две конные цепи, доехали до самого села, у которого мост, а на мосту пехотный часовой а по ту сторону моста по селению, латери и квартира короля Неаполитанского. Фигнер подъезжает к мосту, часовой воскликнул „квн“. Фигнер отозвался, часовой потребовал лозунга, Фигнер как чорт нашелся, в миг напустился на него за неправильную формальность запроса, и тому подобное, ошеломив часового, который вытанулся, извиваясь; между тем, продолжая этот выговор, проехал в мост, как свой и хозяин на бивуаки к своим, перед глазами часового.

„Он и Орлов (хорошо говорят по французски) подъезжали ко многим кострам, почти через весь лагерь, по какой-то надобности и до самого штаба, называя себя такого regimenta, которого тут нет,—а где онны? Ему уже прежде известно, но ему было дело до тех, которые тут есть; ища кого-то, спрашивая о разных особах, разговаривая со штаб- и обер-офицерами, преспокойно наведши справки и посовествовавшись, поехал себе обратно на тот же мост и еще не вытерпел, чтобы не сказать ласково наставительных слов знакомому часовому, который ему сделал накарал; далее первую цепь проехал удачно, другою неудачно, или с пренебрежения. Часовой заметил, закричал „квн“, потребовал лозунга. Фигнер шпоры, пикет выстрелил и пошла стрельба“.

Сам Бискупский отзывается о своем письме как о «пачканыи, грубом, безобразном и бестолковом», но думает, что «охотнику писателю есть за что в нем ухватиться, чтоб расплодить на порядочную книгу презанимательные, не выдуманные вещи».

Несомненно Л. Н. Толстой более чем блестяще оправдал надежды Бискупского. Сопоставляя его рассказы (они приведены нами дословно со всеми их иногда действительно «безобразными» особенностями) с кар-

тинкой, написанной Толстым, невольно возникает предположение, не была ли в руках писателя эта рукопись? Тем более, что Бискупский сам несколько раз на пространстве своего рассказа прямо говорит, что это письмо он пишет с целью дать материал для кого-то другого, для настоящего писателя.

«...Прошу сочинителя, пишет Бискупский, употребить свои таланты, объяснить за меня, что тут почувствовалось».

Для кого предназначал Краевский это письмо, написанное 30 марта 1849 года, точных данных не имеется. Сам Бискупский упоминает в нем Гоголя и Достоевского («На этот класс людей—барышников нужно бы навесьть кинжал—перо единственного Гоголя, а потом погладить перышком господина Достоевского»). Возможно, что в том или ином виде рассказ этот попал и Л. Н. Толстому, весьма тщательно собиравшему откуда было возможно материалы для своего романа.

Во всяком случае, рассказ Бискупского представляет собою большой интерес, так как дает возможность видеть почти наглядно, как историческая действительность, под кистью художника реалиста, превращается в правду художественную, и дает ценный материал для характеристики творчества Л. Н. Толстого.

ВЛ. БОЦЯНОВСКИЙ.

Боярин Матвеев

В СОВЕТСКОЙ МОСКВЕ

Рассказ ГАВРИЛА ДОБРЖИНСКОГО-ДИЭЗ
Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

1. ДВОЙНИК

Раннее майское солнышко только-что выкатилось алым затуманенным шаром и заиграло косыми лучами на золотых маковках московских церквей, на резных гребешках дворца и боярских палат, а в хорамах «ближнего» боярина Артамона Сергеевича Матвеева жизнь уже шла полным ходом.

Скуластый боярский возница Махметка уже щедро поливал дегтем оси высококолыесной боярской колымаги; толстая боярская ключница Федосевна бегала, позвякивая тяжелой связкой ключей, по бесчисленным кладовушкам, чуланам и погребкам заповедным, а на кухне мешался с запахом всякого варева и жарева пряный аромат только что вскипевшего сбитня.

Но едва девка-чернавка Хриська налила полный кувшин этого пахучего золотистого напитка и понесла его вместе с прочей утренней снетью на широкое подище в стольную горницу, как из дверей выскочил ей навстречу старый стремянной Григорий Саввич, побывавший с боярином в Пустоозерской ссылке и, испуганно подняв седые брови, замахал на Хриську обеими руками:

— Куды? Куды? Вертай! Опосля скличу!.. Боярин с сыном отай замкнулись и никого пущати не велено. — И тотчас ушел во внутренние покои, осторожно ступая мягкими сафьяновыми сапожками с «боярской ноги».

Хриська повернула было обратно на кухню, но подумав немного и почесав босую ногу об ногу, поставила поднос со снетью на скамью и, стараясь не шлепать голыми пятками, подошла к двери в горницу и припала к узенькой щелке карим любопытным глазом.

А в горнице было трое: сам боярин Артамон Сергеевич, ходивший из угла в угол в легком утреннем кафтане, сын его Андрей, наклонившийся над рундуком распахнутым, и еще кто-то — неведомый Хриське, стоявший, почтительно прижавшись широкой спиной к самой двери. Этот неведомый человек переминался с ноги на ногу и только изредка ронял слова приглушенным басом.

Боярин Артамон Сергеевич ходил неторопливой важеватой походкой, спокойно поглаживал свою широкую бровную бороду, подернутую серебром и, шуря острые серые глаза, с расстановкой говорил сыну:

— Неделю удумал, Андрей: мне ли, старому, в сей машкерат виницейский играти и за спину холопа таитися? Кому, как не нам, Матвеевым, за царя всем животом стоять, коли то будет надобно? А и сам ты ведаешь: роду мы незнатного, из дьячих сынов, и только многою милостью блаженной памяти Алексея Михайловича взысканы. А и от него же в ближние бояре попал и приказами стал ведати. Мне ли теперь за сына его Петра не стоять, тем паче, что сам царевич умен zelo и зрит с малых годов на закат солнца, отколе на Русь всякая премудрость течет... Сколь бы Хо-

ванские да Толстые ни тывкали, аки злые псы — Руси на боярскую быдую стать им не повернути... Будет им сидети в думе, брады уставя в землю, да над нами; родом малыми, кичатся.. А и робети нам почего. И цариды Наталья Кирилловна, да и царевич Петр с нами одну думку думают, а под их высокой рукой никакому лиху не быти... А ты вздумал молочного мово братца Серегу под мою личность уряжати, особу мою боярску машкерадом двоить людям на посмешище, — чего боишься и сам доподлинно не ведаешь!

Андрей поднял от рундука свое раскрасневшее лицо и торопливо заговорил:

— Как, чего боюся, батюшка? А неведомо тебе, что стрельды каждый день с пищалами стоят, в набат бьют, криком кричат по кружалам да баням торговым: «Не хотим Нарышкиных да Матвеевых; мы им шею свернем!» А надесь стремянной то твоей Григорий сам слыхивал от холопа Толстовского: «А сидел бы ваш Артамон в Пустоозерьи, али Мезени, дел бы был, а приехал ваш Артамон на Моекву антихристовы порядки вводить, — так от наших бояр ему и конец живота». Посему то опаски ради и хочу я Серегу урядить под твою стать. Пушай за тебя, куды надобно, в колымаге ездит, во дворец красным крыльдом ходит. Коли лихо приключится — постоит за боярина своего да и брата молочного, а от нас зато и дети его, и внуки вольными без выкуду пойдут на спокон веков, а не станет лиха — поуймутся твои вороги со стрельдами, — Сереге отседет в вотчину с нашим жалованьем и поминками.

Человек, стоявший у двери, почтительно откашлялся в кулак и проговорил отрывистым басом:

— Живет положити не отрекаюся.. А вот сумленне: ликом то я с боярином схож, и очи, и борода под стать, и ростом подхожу, а вот брюхо-то у меня не боярское — тоще..

— Ну, на брюхо-то навертим чего..

— И глас, — продолжал Серег: — инакий у меня с боярином. Боярское дело ученое: речь ведет, что на гусли кладет, а я по лесному, прости Господи, что бугай-птица нечистая... Как бы с того какой улики не вышло?

— А и много ли те баять-то? — горячо перебил Андрей. — Как урядишься, сядешь в колымагу, да и поедешь во дворец. А там тебя к цариде отай в покои проведут и сокроют до поры до времени. А батюшка опосля тебя туда же верхом пожалует. Не станет шуму да лиха от ворогов — опосля вечерни домой вернешься... А ты, батюшка, не гневайся! Не гораздо таких, как ты, что за новину стоят теперь на Моекве. Поколь дело не сделано, зря голову под секиру совать нечего.

— Ну, ин быть потвоему! — махнул рукой Артамон Сергеевич. Одевай, Серег, боярскую одежду да большого царского выхода. Дай ему, Андрей, порты мои акамитные алые, да ферязь желтую с зеленым

жилком. А еще шапку горлатную, а я ин в простой поеду... Сдваивай меня, Серег, а ужо все царевичу обскажу, пушай над машкерадом сим потенитесь... Эй, Григорий, докличь Махметке коней в колымагу впрягати..

И боярин так неожиданно распахнул дверь, что Хрисья не успела отскочить, шлепнулась задом на тесовый пол и громко взвизгнула. Выбежавший на этот крик молодой боярин схватил девку за горло и закричал истошным голосом:

— А, подслух проклятый! Не от тебя ли, гадока, из наших хером к Хованским да Толстым изветы ползут?! Крути ей руки, Серег, бей змею подколенную!..

Но старый боярин оторвал руки сына и произнес все с той же усмешечкой:

— И чего ты трепещешь, Андрей, аки куст на ветру? Подслухала девчонка сглупу, а тебе уж и Хованские подслышкини, и Толстых подслули мерещатся?! Запри, Григорий, девку в клеть. Ужо я сам сие разберу. — И прибавил стремянному:

— Ты со мной на другом коне верхником поедешь. Не горазд я в седле скакати, да и вороной кабы не забаловал. Ну, с Богом!

Через час из широких боярских ворот, тяжело поскрипывая, выехала неуклюжая колымага, в которой сидел один боярин Артамон Сергеевич Матвеев, а немного спустя другой Артамон Сергеевич Матвеев выехал верхом из тех же ворот и вместе с Григорием веторопливой рысью сытых коней поехал к недалекому Кремлю. А в полуверсте от Кремля в стрелецком посаде, что у Срегенских ворот, трещали барабаны и бубны, завывали сигнальные волынки, спешно выкатывались пушки, и стрельды, сверкая на солнце пиками и бердышами, бегом становились в ряд, на ходу кида друг другу:

— Насынай в пищали зелья..

— Тащи горшки с углем для припалу!

— Царевича Ивана убили; Матвеев с Нарышкиным немецким садобьем извели!.. Гауда на Кремль! Покажем осударевым душегубам.

А между нестройными шумными рядами стрельдов гардовали, сдвинув на бекрень шапочки с плицовым верхом, Толстой да Милославский и громко подзадоривали:

— Не выдайте, други!.. Всем конец, кто в списках тех, что у ваших голов на руках указаны. Смерть Артамошке Матвееву! Смерть Нарышкиным! Не дадим Русь онемечивать!

Залязгал частый набат посадских колоколов и ряды, колыхаясь острием пик, с трубами, волынками, пушками и распущенными знаменами спешно двинулись к воротам Кремлевским..

2. ЛИХАЯ БЕДА.

Молодой боярин, Андрей Артамонович, проводив отца, плотно позавтракал и стал не спеша снаряжаться на соколиную охоту, на которую он еще с вечера был приглашен царевичем Петром.

Но едва он, скинув домашний наряд, успел надеть щегольской короткий кафтан немецкого покроя из алого шелка с серебряными пуговидами, как к нему в горницу вбежал растерянный и запыхавшийся стремлянный Григорий и еще с порога закричал:

— Батюшки мои!... Лихо-то, лихо какое!... Обоих убили!..

Андрей Артамонович выпустил из рук подорок отца, редкую ликовинку, зеркальце виндгейского стекла, и оно мелкими искрами рассыпалось по тесовому полу.

— Кого убили? Отца?... А что же Серега? Да сказывай поскорей, аль язык отнялся? И молодой боярин начал трясти Григория за рукав.

Стремянный немного отдышался и стал говорить более связно, хотя его белое от страха лицо то и дело передергивала судорога, а из выцветших глаз текли и расплывались в морщинках крупные слезы.

— Ох, и то сказываю... Приехали мы с боярином во дворец, ая валят в Кремль стрельцы туча-тучей!.. «Смерть — кричат — Матвееву, да Нарышкину: погубили царевича Ивана!.. Ну, вышел к ним Иван-то царевич живехонек, так они невраз поварили, на крыльцо повскакали, лапают его воробьими ручищами: «Жив ты, али нетути? Кто тебя, сердешного, уморил?» Ну, видят, что царевич целехонек — осаднили, поунылись малость. А тут вышел твой батюшка, речью ласковой успокаивать начал красольников. Сзади-то кричат: «смерть Матвееву», а передовые стоят — не шелохнутся, боярина слушают. С тем бы из Кремля пошли, да тут князь Долгорукий дурным коршуном наскочил, пужать да ругать стрельцов зачал. Ну, вестимо, те зашумели, взъерепенились, зараз князя-то и прикончили!..

— Да не про Долгорукова сказывай, — с батюшкой то что?

— Ох, пронали наши головешки!.. Боярин то от крыльда в царидыны покои пошел, а тут, слышу я, в сенях Грановитой Палаты крик и шум великий!.. Ну, я туда побег. Гляжу: Серегу-то, что мы урядили под твою батюшку, стрельцы волокут, на ходу на части рвут!.. Бердышами порубили, пиками покололи, одно крошево сделали, на сапогах разнесли!.. Да еще и бахвалятся, вору проклятые: убили да Артамона Матвеева, так ему и надобно!..

Андрей широко перекрестился:

— Упокой, Господи, новопреставленного раба твоего Сергея! Ну, а батюшка-то скоро домой прибудет?

Стремянный всплеснул руками:

— А ты слушай дальше-то что. Побег я от душегубцев к боярину в царидыны покои. Ан, лежит он на полу безешенек и не дышает!.. Обмер, что ли, со страху, али иное что попритчилось!.. Царица-то матушка, Наталья Кирилловна, в голос над ним вопит. Царевич Петр водой прыскает, а батюшка-то и не чует, видно, кончился!..

Андрей Артамонович схватил шапку.

— Побежим во дворец скорее!

Но старый стремянный покачал седой головой.

— Не стачное дело, боярин, во дворец бежать. А вдруг люди-то дознаются, что убили-то не батюшку, боярина, а Серегу подставного, и горшее лихо выйдет. И стрельцы то, чай, теперь пьянехоньки, по кружалам сидят, пьют-едят на казну Милославского да Хованского. Только слово скажи, зараз подымется. А лучше мы боярина, как стемнеет, после всенощной, сюда привезем, а я покамест к лекарю, Стефану, что боярина пользовал, сбегаю. Авось что хитрый немец и думает.

Но хитрого немца и след протыли!.. Услышав про смерть Артамона Сергеевича и про то, что стрельцы грозят всем «немцам» башку сорвать, лекарь, захватив свои скудные пожитки, сел на таратайку и спешно выехал из Москвы.

Погоревал, погоревал молодой боярин, подержал тело отца в налетах двое суток, по обычаю христианскому, а на третьи — тайно, хоронясь от людей, предал земле. Погребли боярина Артамона Сергеевича здесь же, при московских палатах, в небольшом новом склепе, так как в родовом склепе бояр Матвеевых при вотчине был схоронен Серега с боярской честью и пышностью.

Старый стремянный Григорий, глядя на лицо покойного боярина, лицо, которое не хотели подернуть тени тления, сомнительно покачивал головой.

— И что бы это значило? Рыхл боярин и телом добер, сколь дней лежит, а мертвого духу нетути!

И по причине того же сомнения, верный стремянный, замуравывая дверь склепа, умышленно оставил в ней малую продушину и потом долго ходил и прикладывал ухо: не стонет ли боярин, не кличет ли себе на помощь старого слугу!..

Но дни шли, а в склепе боярина Артамона Сергеевича Матвеева стояла прежняя, могильная тишина!..

3. ПРЫЖОК.

В кабинете профессора психиатрии Чукина резко звонил телефон. Не успел почтенный профессор отложить немецкую книжку, которую он читал, и лениво приподняться с мягкого уютного кресла, как звонок затрещал еще и еще раз, все настойчивее и продолжительнее. Профессор не любил, когда его отрывают от работы, а потому, сняв трубку, сказал очень недобро и сухо:

— Алло! Вас слушают! Да. Что угодно?

Но почти тотчас же его лицо приняло изумленное выражение, потом некоторую растерянность!.. Насмешливая, недоверчивая улыбка и снова удивление!..

— Позвольте, уважаемый коллега!.. Да ведь этого не может быть. Двести пятьдесят лет летаргии!.. Такого случая наука еще не знает!.. Где? Где? В могильных раскопках старой Москвы?.. Я не сомнеюсь, коллега, по Матвееву? Какой Матвеев? Артамон Сергеевич, убитый в 1682 г..

Невероятно!.. А скажите, уважаемый коллега, вы вполне здоровы? Голова не болит? Нет! Нет! Ничего! Не смею сомневаться... Что? Что? Шважаемый коллега Семен Семенович тоже там? Ну, разумеется, разумеется, спю минуту еду, только распоряжусь...

Профессор ошалео бросил на вилку телефонную трубку, с каким-то испугом окинул взглядом кабинет, растерянно потер лоб и снова схватился за аппарат:

— 2-90-86. Да, да! Да, да! Благодарю.

Клиника? Ах, это вы, Лазарь Михайлович?.. Вот что. Приготовьте отдельную большую палату и вынесите из нее всю мебель... Да, да... И койки. Все, все.. Придется ее обставить из музея. Примите под росписку вещи, когда привезут. Некогда, некогда, дорогой... Поговорим после...

Чужак снова брякнул трубкой, наскоро выбежал в переднюю, крию, бантом назад, надел шляпу, набросил пальто и даже не застегиваясь кубарем покотился по лестнице, громко пришепывая на каждой ступеньке вышитыми домашними туфлями, которые он второпях забыл переменить.

Степенный швейцар, читавший визую газету, удивленным взглядом проводил седовласого профессора, который, как мальчишка, трусил по улице, совсем не профессорски размахивая руками и кричал на ходу:

— Извозчик! Такси!— и тут же, не дожидаясь неторопливо подъезжавшего извоз-

...выехала в Кремль неуклюжая колымага... в которой сидел боярин Артамон Матвеев...

чика, почти на ходу вскочил на площадку трамвая и скрылся за дверцей, непочтительно оттолкнув какую-то пожилую гражданку с корзинкой...

А на улице, в ярком блеске электрических фонарей, сиянии витрин, реве авто, звоне и зигзагах молнии трамвая, уже пныряли и крутились волчками мальчишки газ-тчики, крича надорванными, истощенными голосами:

— Экстренный выпуск! Живо! человек тысячу лет в гробу!..

— Вечерняя газета! Царь Артамон приехал в СССР с того света!

А привыкшие ничему не удивляться советские граждане торопливо шли по своим

делам и только некоторые недовольно брюзжали себе под нос:

— Знать что-нибудь «Вечерка» напутала... И как это не стыдно такими сенсационными пустяками заниматься?! Бузотеры!

4. ВОСКРЕСШИЙ.

Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев глубоко вздохнул, слегка пошевелил пальцами и медленно раскрыл глаза. Первое, что поразило его, — это необычайно сильный мягкий свет, льющийся не из окна, а откуда-то сверху. Этот свет был так ровен и благостен, что боярин снова закрыл глаза и подумал: «Откуда неизреченное сияние сие? Не от лица ли Твоего, о Господи?»

Но в эту минуту чья-то ласковая и настойчивая рука сильно потрясла его за плечо.

— Довольно, боярин! Пора бы, кажется, и выспаться... Вам больше нельзя спать!

Артамон Сергеевич снова открыл глаза и на этот раз уже долго не закрывал их, оглядываясь вокруг с большим удивлением. Просторная, светлая горница, с высокими окнами, белыми блестящими стенами, полом в узорных плитках, как в Винодее, или Лунде английском, а убранство — русское... Широкие скамьи, покрытые цветным сукном, стол под узорными убрсами; на нем гребки, блюда и суеи с каменьями, дорогой заморской работы. Кресла ровные дубовые, точь-в-точь, как у него в московских хорах. Большею золоченое ложе с узорной деревянной спинкой в ногах... На ложе он сам, и ложе особенно задержало взор Артамона Сергеевича. Он долго и с большим трудом вспоминал что-то.

— Где я зрел лепоту сию? и вдруг вздрогнул: — Ахти, батюшки! Да ведь ложе сие блаженной памяти даря Алексея Михайловича! На нем он опочивал, да и представлять соизволил... А и как же я, боярин скудный, возлежу на ложе царском?

И до того испугался боярин, что снова зажмурил веки, но в эту минуту седовласый человек, бритый, как «немец», в белой одежде, наклонился к его лицу, потрогал лоб, посмотрел пристально в глаза и взял за руку повыше кисти.

— Ну что, как, Артамон Сергеевич? Слабость большая? А покушать чего-нибудь не хотите?

Боярин уставился на «немца» и с новой тревогой подумал:

— Что за человек? Риза апостольская, а язык брит, аки у басурмана поганого... — И медленно шевеля отквашими от движения губами, глухо спросил:

— Где я есмь? На земли, али в каком ином месте? А коли на земли, то в каком граде и стране обретаюсь?

Профессор Чукин пожал плечами и, стараясь подделаться под старо-русскую речь, заговорил, запинаясь:

— На земле, на земле, батюшка... В СССР, то-бишь, виноват, на святой Руси... Да не где-нибудь, а в самой Москве — золотые

маковки... А находитесь вы на Девичьем Поле, чай оно вам ведомо? В клинике-лечебнице, построенной не при вас, а много позднее... То-бишь, при вас, конечно... А я той лечебницы главный лекарь, профессор психиатрии — Чукин.

— А долго ли я почивал?

— Многовато, боярин, многовато... То есть, конечно, если рассудить и сравнить с вечностью, то оно и совсем недолго... Чукин досадливо поморщился и подумал: — И что за чепуху я болтаю... Ни с одним психопатом не было так трудно. — И в досаде на себя закончил строго: — Вам нельзя много разговаривать! А сейчас вам подкрепиться надо!

«Немец» протянул руку через кровать Артамона Сергеевича и тронул какую-то пуговку на стене, отчего далеко, далеко раздался приятный, дрожащий звон. В комнату вошла женщина тоже в белой одежде, в белом апостольнике на голове.

— Вот, Марья Васильевна! Поручаю вашему надзору больного боярина. О нем я вам уже рассказывал. Сейчас дайте ему куриного бульону. Если больной захочет, может посидеть на постели. Вставать рано. Я зайду часа через четыре, после приема. До свидания!

Чукин встал, поклонился боярину, сделал знак сестре, вышел с нею за дверь и быстро зашптал:

— Главное — покой и поменьше впечатлений. В палату кроме вас и служителя для уборки — вход всем воспрещается. Да и вы будьте как можно осторожнее в речах и поступках. Скачок из семнадцатого в двадцатый век — штука не легкая.

— Голубчик, Михаил Иванович! Да как же с ним разговаривать... Да ведь я и бы-то семнадцатого века очень плохо знаю. Вы бы лучше другого кого-нибудь...

Профессор только отмахнулся:

— Что же, нам из могилы что ли выкапывать его современников? Я откажусь, вы откажетесь, что-ж это такое будет? Приспособляйтесь, матушка, приспособляйтесь какнибудь.

И торопливо пошел по корридору.

Марья Васильевна уныло посмотрела ему вслед, глубоко вздохнула и, бесшумно ступая войлочными больничными туфлями, пошла за супом.

Через несколько минут Артамон Сергеевич, откушавший и уже несколько окрепший, полулежал на постели, прислонясь спиной к подушке и, привычно поглаживая бобровую с серебром бороду, беседовал с Марьей Васильевной.

— Как тебя, красавица, звать-величать?

— Марья Васильевна.

— А какого ты роду-племени? Княжия дочь, али боярская, али из заморских каких?

— Я крестьянка Тульской губернии.

— Тулу-град знаю, а Губернию-град не слыхивал.

И вдруг ехидно прищурил серый глаз:

— А коли ты роду незнатного, из холмопей простых, как же ты ко мне, боярину, без земного поклону вошла? А и так на

Руси никогда не водило, и княжны, и боярышни, попригоже тебя, нам, боярам, поиншой поклон кладут. Ну, да я не стану гневаться! Мы тоже не лыком шиты. Во послах ездили, разные виды выдывали. А и пущай от вашего лекаря немецкие порядки идут. А скажи, лебедушка, к матушке Наталье Кирилловне, посыл от меня был? Коли нетути, так пошли хоть сейчас моего стремянного Гришку в Кремль... Пусть обскажет, что надобно, а не то матушка Наталья Кирилловна прогневаться изволит, что от ее холопа Артамошки ни слуху, ни вестей нетути...

— Какую Наталью Кирилловну известить в Кремле?

Боярин сурово нахмурил брови:

— Да ты что, Марья, белены объелась, что ли?—Баешь русская, а своих царей не знаешь!

Марья Васильевна потушила глаза и промолчала. А боярин стал гневаться еще пуще:

— А ты вот что. Великось мне обед подавать. Да чтоб лапшу со свиной, гуся жареного с кашею, меду сыченого жбан, да прижнецов пибирных, да еще баранинки жареной, да еще...

— Вам нельзя, большой! Бульону покушали и довольно...

— Булен, булен! — передразнил Артамон Сергеевич. — Только брюхо тощает с ваших буленов немецких. Ну, ступай, ступай, Гришкю ми: покличь. Да Анрюшке—сыну скажи, чтоб суды шел. Я с ними скорее дождусь, чем с тобой, немецкой прихвостницей. Ну, чего стоишь, очи выпучила? Ступай, говорю, отсель!

Марья Васильевна тяжело вздохнула, встала и пошла к двери, проговорив тихо:

— Позовите, если что надо будет...

Но боярин запальчиво закричал ей вдогонку:

— А и что я за пономарь, чтоб в колокола звонить. Звони сама, коли у вас такие свычаи, что бабы звонят... Тьфу!..

А вечером профессор застал боярина в еще большем раздражении. Едва Артамон Сергеевич увидел главного «лекаря» в дверях, как уже начал сердито стучать кулаком по кровати:

— Ты что же, немчин поганый, удумал на ло мной, боярином, потешатся? Всю утробу надорвал, криком кричавши. Ни хопей, ни смердов нетути. Наконец, притек один эдакий же белобрысый, как ты, Говорю: одежду подай, не пристало боярину без портов за нуждой, ходити. А он мне што, дурень немецкий, принес? Глядикось сам: порты, хоша и аксамитные, да узкие, токмо на твое брюхо немецкое тощее, а сапоги широки зело, а кафтан, хоть и гожи, да не с моего плеча. А я и на Мезени был, так чужих обносок не нашивал. И такой нуждишки не выдывал. А и Гришку ко мне не покличали, а и к дариде посылу не было. Не пристало тебе меня, боярина, в полону держати. Вели Мазметке колымагу подкатывать, не то пеш на твой сором уйду. И дариде, и царевичам на тебя, немца, бить челом стану.

Еле-еле отвертелся профессор психиатрии и, выйдя в корридор, безнадежно развел руками и сказал вполголоса Марье Васильевне:

— Посмотрим денек, другой, а потом, пожалуй, придется вниз перевести. Кстати там, в изоляторах, и окна с решетками.

А после ухода Чукина Артамон Сергеевич долго лежал, тяжело вздыхая, и, повернувшись лицом к стене, о чем-то горестно раздумывал... И только, когда в палату с колокольни Новодевичьего монастыря донесся тихий звон к заутрене, боярин торопливо и радостно перекрестился и прошептал:

— Слава Те, Господи, хоть храмы то на месте стоят. Звон колоколов мазиновых слышу. Помози из немецкого полону уйти! Покинуть это место поганое, чай, одно оно такое во всей Москве и есть. — И тяжело уронил на подушки свою горемычную голову...

5. ПОБЕГ.

Утреннее солнце уже начало припекало булыжники мостовой, когда на Царицынской показала странная фигура прохожего. Редкие встречные граждане с любопытством поглядывали на дорожного человека с сильной проседью, одетого, несмотря на летнюю жару, в высокую меховую шапку и тяжелую парчевую шубу (охабен) на пышном бобровом меху. Под распахнутой шубой виднелся еще и кафтан с высоким козырем-воротом, расшитым золотом и камнями. На ногах у прохожего были зеленые сапоги с разными цветистыми узорами и алым отворотом, и кривые носы этих сапог остро загибались вверх. А шел он не тротуаром, как полагается каждому толковому советскому гражданину, а самой середкой улицы, между рельсами трамвая, шел неспешно, и все время с робостью оглядываясь на окружавшие его здания и бормотал:

— И что за диво-дивное, прости Господи... И словно Москва-матушка, и словно — нетути. Там, где царская изба для соколиной охоты стояла, статуи немецкий с книжкой сидит. А тута бы роше да мосту малому быти, — таковых нетути, только полосы железные проложены. А золотые маковки вижу и звоны московские слышу...

Заметил прохожего милиционер, стоявший на перекрестке, около клиник, но решил спокойно:

— Никакого безобразия гражданин не делает, а потому, кажется, представлять его в отделение не за что. Разве вот, что по дороге идет да одежда что-то чудная больно... Но и то сказать: мало ли теперь разного интернационального народа в Москве бывает... Ты его задержи, к примеру, ан хватя, это товарищ делегат из Самарканда, или какой там сочувствующий советской власти. И тебе же от начальника неприятность будет...

И постовой милиционер, не задерживая боярина Артамона Сергеевича, все-таки зоркими глазами наблюдал за ним:

— Мало ли что с гражданином-азиатом случиться может... И с дороги собьется, запутается, и под автошку ненароком попадет, да ведь и московские «ширмачи» охотники до такого непонимающего народу...

А сам Матвеев и рад бы спросить кое-что и разузнать кое о чем, но, окидывая взглядом прохожих и поглядывая на красную шапку милиционера, с тоской думал:

— И хоша бы единого православного встретить... Все немцы аглидкие короткохвостые... А вот тот, что в красной шапке стоит, надо быть, короля польского шляхтич. А и мы таких в граде Аршаве выдывали, коли в послах гостевали...

Вдруг из-за поворота, прямо на Артамона Сергеевича, выскочило страшное чудище с тупой злой мордой и оком zelo великим, заскрежетало и рассыпалось мелким бесовским звоном...

Артамон Сергеевич в страхе попятился, судорожно перекрестился.

— С нами крестная сила! Чур-чур меня, окаанный... Воистину змей-горыныч, али дракон пучеглазый, что в сказках сказывается. Видно, погнать мне постыдной смертью...

Но чудище зашипело по-змеиному и остановилось в двух шагах от боярина. Из его пасти, сбоку, неожиданно выглянул «немец» в короткой куртке и закричал не только по-человечески, но и по-русски, по настоящему:

— Ты чего, чортова голова, на рельсах торчишь? Чуть тебя, дьявола, так твою растак, не переехал. Милиционер!

И оглушил боярина свистом соловья-разбойника. И тотчас же на плечо Артамона Сергеевича легонько опустилась рука «польского шляхтича», и «малиновая шапка» заговорила тоже по-русски:

— Никак невозможно, товарищ-азиат, по рельсам ходить. Этак и раздавить трамвай может. Пожалуйте на тротуар...— И учтиво поддерживая боярина под локоть, отвел его на панель. Избегнув стыдной, непокаянной смерти, Артамон Сергеевич так возрадовался своему спасению и настоящей русской речи, что, не выпуская руки «шляхтича», заговорил и сам:

— А и спасибо тебе, добрый человек, за избавление! А и скажи ты мне, что за диво на меня наехало? Уж, кажись, давно чудища-змеи Тугарина во святой Москве видо не видано.

Милиционер широко улыбнулся:

— Какое же чудище, гражданин? Просто трамвай 17-ый номер. Известно, как в вашей стране этого не водится, то оно может, и удивительно. А как у нас электрификация, Волховстрой, Днепрострой там и разные другие, то скоро трамвай по всем деревням побегут... А вам куда собственно надобно?

— До Кремля. К выходу послеваго. К матушке. Наталье Кирилловне челом бить на свои обиды тяжкие, нуждишки великие...

Милиционер опять улыбнулся:

— В Кремль? Ну так, значит, и есть! А насчет обид это вы правильно. Потому, как Советская власть всем угнетенным первая опора и защита... А что касается Натальи Кирилловны, то такую не знаю. А, может, в Кремле и проживает такая... Товарища Рыкова, товарища Сталина и товарища Бухарина—этих знаю, что в Кремле. Да вы вот что, гражданин. Давайте-ка я вас на это самое чудище номер 17 посажу, до центра доедете, а там дорогу в Кремль спросите. И товарища Наталью Кирилловну найдете. Только помните: по мостовой в Москве строго воспрещается. Тут еще ничего, место тихое, а в центре, да попоздней, тут вам и автомобилей не счесть, и трамваи опять же. Пожалуйте.

И вежливо взяв боярина под руку, милиционер подвел Артамона Сергеевича к подкатившему 17-му номеру, посадил на заднюю площадку и, прожая двинувшийся трамвай взглядом, подумал:

— Чудной гражданин... Одежда азиатская, а разговор наш русский. И как это таких иностранных гостей одних по Москве пускают.

А боярин в это время с великим смятенем в душе мчался в утробе чудища, со страхом прислушиваясь к великому шипу и звону змеиному, и приглядываясь, как быстро несутся мимо столбы и здания... Ранний трамвай был почти пуст. Только несколько молочниц с пузатыми жбанами да две-три торговки со Смоленского рынка перешептывались между собой и с любопытством поглядывали на странного пассажира. Одна из молочниц, старушка в большой пуховой шали, с круглым личиком, в морщинах, как печеное яблочко, особенно внимательно приглядывалась к боярину, умильно моргая слезливыми глазками, жевала губами и даже несколько раз украдкой перекрестилась:

— Ох, милые мои, уж не Микола ли угодник? — И борода-то святительская, и от рыз-то сияние!

А когда кондукторша, подойдя к Артамону Сергеевичу, несколько раз настойчиво повторила:

— Ваш билет, гражданин! — и, не получая ответа, сделала озабоченно-строгое лицо и собиралась дернуть за веревку, чтобы остановить трамвай и высадить «зайца», старушка внезапно засуетилась, достала тряпочку, вынула оттуда восемь копеек, протянула их кондукторше, досадливо приговаривая:

— На, на, подавись сиротскими деньгами! Али не видишь, что человек не тужиного свету. Вам бы тодько деньги сорвать! У-у, окаанный! — и, окончательно уверовав в святость боярина, укоризненно покачала головой и сердито заворчала:

— Ну, чего пристала? Пропаси на вас нет! У самого угодничка билет просит! И не боишься, бесстыдница, что тебе на том свете эти самые восемь копеек горячей смолой к паскудному твоему языку припечатает? Тыфу!

Кондукторша звонко щелкнула замком денежной сумки и пожала плечами, а старушка, сложив руки калачиком, прибавила, обращаясь к боярину:

— Помяни, батюшка, болящую рабу божию Наталью во святых молитвах твоих.

Но Артамон Сергеевич только отмахивался да побряхтывал, когда безлошадная колымага подбрасывала его на месте, неожиданно рвала то в ту, то в другую сторону, качала и вертела так, что в глазах зеленело и утроба выпирала вон. Несколько остановок боярин как-то кое как выдержал, но когда кондукторша громко сказала «Смоленский рынок», и все бывшие в вагоне двинулись к выходу, боярин торопливо пошел следом за другими, грузно соскочил с площадки наземь и сразу очутился в густой людской каше...

6. «МИЛ-ЧЕЛОВЕК».

Боярина со всех сторон смяли, затискали, затолкали, в уши ему назойливо лезли разные голоса:

— Пирожки горячие! Кому пирожков горячих? С мясом, с рисом, с яйцами — съешь с пальцами!.. Один возьмешь, — другой сам подкочит! Во-от горячие пирожки!

— Бим-бом — веселит весь дом! Не бьет-ся, не ломается, — физкультурой занимается!

Но именно здесь, в людской толкучке, Артамон Сергеевич почувствовал себя гораздо вольготнее. Во-первых, здесь люди занимались знакомым, понятным делом: той же куплей-продажей, что и в старой Москве, а во-вторых, в толпе то и дело мелькали фигуры с истыми «брадатыми лангами», в длинных одеждах, почти таких же, какие носил «черный люд» Алексеевских времен.

Правда, некоторые ларьки, особенно с зельем табачным или диковинными надписями, вроде «Моссельпром» или «Цветмет-промтрест» Артамон Сергеевич обходил с опаской, чтобы «незначай не опоганиться», но зато у других поздерживал шаг и с любопытством разглядывал разложенные вещи: и ткани пестрые, явно заморские, и струмент разные, и часы ручные малые и такие хитростные, каких не было, поди, и у самого царя Михаила Федоровича, на что тот был охоч до часов и прочих немецких выдумок.

Около же лотков со снедью боярин Матвеев и совсем приостановился. Почувал он, как сосет под ложечкой и урчит в брюхе после скудного «немецко-лекарского харчу» и с грустью подумал о том, что в кармане его аксамитных портов нет ни денежки.

Стоял Артамон Сергеевич да с завистью поглядывал на тех счастливых чиков, что забирали всякую снедь и явства разные, совали продавцам какие-то цветные грамотки (надо-быть, ярлыки торгового приказа государева) и уходили, захватив товар да еще и дополучив целую кучку настоящих серебряных и медных денег.

Вдруг кто-то дернул боярина за длинный спущенный рукав охабня. Артамон Сергеевич оглянулся и увидел перед собою человека с рененькой, словно выдерганной бородкой, с красным носом луковкой и большим синяком под отекишим, закрывшимся глазом. Словом, точь-в-точь «ярыжка», птица хотя и малая, да когтистая... Человек этот хитро подмигнул здоровым глазом, шмыгнул носом, лихо кинул на затылок замасленный блин картуза с оторванным козырьком и спросил осипшим голосом:

— Что, ваше степенство, на ситник буркалы пучишь? Али шамать охота, а в одном кармане густо, а в другом и совсем пусто? По нашему-то, по-расейски, допочешь али нет? Жрать-то хочешь, спрашиваю?—И указал на лоток с калачами и баранками корявой, трясущейся рукой.

Артамон Сергеевич ответил тихо, стыдливо потупляя очи:

— А и отведал бы я снеди разные, да не имею при себе кошель с медью, али серебром чеканным...

Рыжий только присвистнул:

— Эх, ты, мил-человек! То-то я по вывеске вижу, что жрать тебе шибко охота! Денег нет—не беда! Дашь Сеньке, мне товсь, на полдиковинки, зараз все обстряпаю! Ишь, шуба-то на тебе, мил-человек, кака знатная. Гляди, червонца полтора, а то и все два дадут. А куда-те в шубе в такую жарилу? Скидывай, зараз смальханям!

И «ярыжка» начал услужливо стягивать охабень с боярских плеч. Боярин сперва было заупрямился:

— Не пригоже мне, ближнему боярину, не в полном уряде на выходе осударевом быти!

Но рыжий уже перекинул шубу через локоть и, стоя рядом с боярином, начал покрикивать:

— Дашь Сеньке на полдиковинки, зараз все обстряпаю... Куда-те в шубе в такую жарилу?

— Вот шуба — покупай кому любо. Бобер да парча, — продаем для харча. — И поманил пальцем носатого старика, равнодушно стоявшего в стороне. Носатый лениво подошел к шубе, пощупал мех, прищелкнул ногтем парчу, дружески хлопнул по плечу Сеньку, сунул в руку боярина четыре больших белых грамотки и с неожиданной быстротой затерялся в шумной, крутящейся толпе. Боярин недоуменно поглядел на «грамотки», с трудом прочел на одной из них слова, написанные странной, не церковной вязью: «Один червонец. Билет Государственного банка СССР» и сказал растерянно «мил-человеку»:

— А что за грамотки они, не ведаю. А и какая им цена, не разумею. Кабы серебро, а и злато было, то иная статья...

Сенька лихо закрутил рыжий ус, выставил остатки гнилых зубов и ответил:

— Ну, насчет «злата», — это уж вы ах оставьте, гражданин... А серебро это мы тоже можем!

И ловко выхватив у боярина разом все четыре бумажки, спрятав две из них в карман продранных штанов, подбежал к ближайшему ларьку и через минуту принес Артамону Сергеевичу целую кучу блестящих серебряных монет.

— Получай, мил-человек... Эти знаешь, гражданин фрайер? Ну, а теперь неча тут стоять. Еще мильтон наскочит, в беду с тобой попадешь, гражданин дубовая башка. Айда в трактир: там и подзакусить, и зарядиться можно... Вади со мной через бульвар в «Свидание Другей», ваше высокопреподобие. По одеже ты не поп, не монах, а дурак в штанах! Айда! Сегодня — ты угощаешь, а завтра — я, потому денежки поровну...

7. ДЬЯВОЛИЦЫ.

Часа через два Артамон Сергеевич с несколько затуманенным взглядом и слегка размякшимся лицом важеватой походкой шел по Арбату и уж без прежнего ужаса, а лишь с большим любопытством поглядывал на разные бесовские действия. И на колымаги бесконные, что хрючат по свинячьи, лают по-песьи, ревут по-туриному и на прочие сатанинские голоса, а пронесая мимо, оставляют такое смердие, что с души прет от духа адова. Глядел боярин и на трещотки двухкольные, на кои сидит «немец», согнувшись в три погибели, ручкой вертит да на честных людей фукает, и на окна «амбургского стекла», за коими разложена всякая всячина, и на белых «дьяволиц» бесстыжих, кои в коротких юбочках с обнаженными руками и персями, старые и младые шли навстречу боярину и бесстыдно улыбались размалеванными губами на великий емо, Артамону, соблазн и прельщение... Рядом с боярином рыжий «мил-человек», очень веселый, бойко отстукивал по асфальту опорками, растакивая прохожих и говорил без умолку.

— Должен ты меня, мил-человек, больше отца родного почитать, дубовая твоя башка! Другой бы, мил-человек, дал с твоей шубой тягача и Митькой звали... А я тебя на-

поил — накормил и теперь куда хошь предоставлю. До самого Кремля доведу. Только зачем тебе, индюку, в этот самый Кремль ходить? Дура ты, мил-человек, дура и есть. Я спрашиваю: кто такой? а ты: боярин! Ты эфти фортели брось, мил-человек. Нынче баров да князьев нету, им всем хвосты повывергали и остался один гражданин-товарищ. Значит, край, — «товарищ» — и больше никаких гвоздей! Спросит тебя у Кремля мент: куды, мол, а ты и валяй: — я, товарищ часовой, к товарищу Наташке. — Понял? Ты Сеньку, мил-человек, слухай. Потому у Сеньки башка-то во как работает! Сенька, я то-ись, все огни и воды и медные трубы прошел... Ой, не ходи в Кремль. Вертай, мил-человек, на Смолягу. Там вашего брата, буржуев, страсть сколько околачивается. Я тебе для ночевки и «машину» найду... Ишь, на тебе сапоги гожи, а кафтан тоже.

Но умный боярин давно уж раскусил, что за птица его спутник, а потому долго шел молча. Наконец, остановился и сказал сердито:

— Ну, чего пристаю, акп лист банный... Тать и вор, вот кто ты... Мотри, прикажу уже бить те на торговой площади кнутьями...

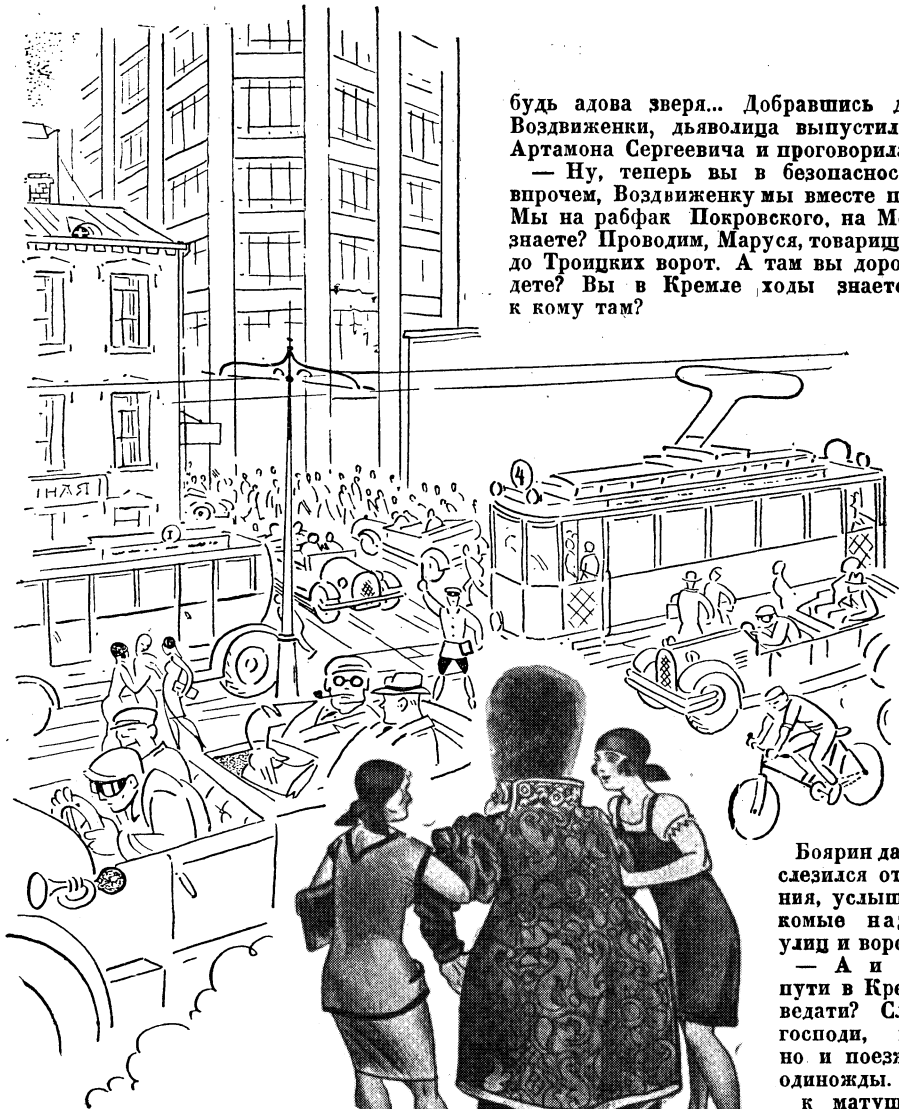
Мил-человек сперва разинул рот от удивления, а потом так и покотился со смеху.

— Ах ты, фон барон грачей да ворон!.. Кнутьями? А кого? Меня, свободного гражданина республики? Ах ты, дурья башка. Я же тебя пожалел, а он, на-кось, что выдумал! А не хошь, я тебе сейчас всю морду искрапаю... И нарсуд ничего не скажет, потому что взаимное оскорбление...

Но вдруг приостановился, заметив милиционеру, который с особым вниманием смотрел на эту странную пару, и зашпел:

— Снегирь рисует. Еще засыпишься. Погодь маленько, я сичас.

И быстро шмыгнув в один из Арбатских кривых переулочков. Но Артамон Сергеевич не стал ждать. Той же неторопливой важеватой поступью он шел за другим, осторожно поглядывая по сторонам и стараясь во время перехода через переулки держаться поближе к другим пешеходам, а иногда, если бесовская колымага с ревом заворачивала в этот переулок, боярин пухлой рукой робко прихватывал кургузую полу ближайшего «немца». Так боярин Матвеев благополучно добрался до угла Арбатской площади, но здесь ревущих бесовских колымаг и чудих звенящих стало так много, что он вынужден был остановиться. Много раз Артамон Сергеевич пытался сойти с тротуара и сделать несколько шагов по площади, но тотчас же стремительно бросался назад, испуганный лаем или ржанием налетавшего на него смердящего чудища... Наконец, устав пережидать, Артамон Сергеевич поднял очи к небу, занес руку для крестного знаменья, хотел уже ринуться через растреклятую площадь «во вся воли Божия», как вдруг кто-то тронул его за локоть и над самым ухом прозвучал голосок:

Белые дьяволицы подхватили боярина под руки: «Вы, товарищ, не здешний, а из каких-нибудь нацменьшинств?»

— Вы что, больны, гражданин? Вам помочь перейти через площадь?

Боярин опустил глаза и руку и увидел двух «белых дьяволиц» в ало-огненных повязках на головах. Из-под этой повязки, с длинными ушами сзади, у одной выбились черные, у другой русые волосы. Черная татарторила:

— Вы, собственно, куда хотите пройти, товарищ? Вы, вероятно, не здешний, а из каких-нибудь нацменьшинств?

— Во Кремль, на выход пробираюсь, красавица...

— В Кремль? Отлично, нам по пути, идемте!

И дьяволица с черными глазами ловко подхватила Артамона Сергеевича под руку и начала пробираться между чудищами, то приостанавливаясь, то стремительно увлекая боярина под самым носом какого-ни-

будь адова зверя... Добравшись до угла Воздвиженки, дьяволица выпустила руку Артамона Сергеевича и проговорила:

— Ну, теперь вы в безопасности... А, впрочем, Воздвиженку мы вместе пройдем. Мы на рабфак Покровского, на Моховую, знаете? Проводим, Маруся, товарища прямо до Троицких ворот. А там вы дорогу найдете? Вы в Кремле ходы знаете? Вам к кому там?

Боярин даже прослезился от удивления, услышав знакомые названия улиц и ворот.

— А и как же пути в Кремле не ведать? Слава те господи, искоже-но и поезжено не одиножды. А иду я к матушке Наталье Кирилловне челом бить.

Дьяволицы переглянулись.

— К Наталье Кирилловне?..

Вы не ошибаетесь? Может быть, к Надежде Константи-

новне или Марии Ильиничне? Они там... А кто же ваша Наталья Кирилловна?

— А царица-матушка всяя России.

— Царица? Странно... У нас никаких цариц нет. У нас диктатура пролетариата. Вы что-нибудь о теории Карла Маркса и учении Ленина слышали, товарищ?

— Нетути, Ленина не ведаю. А Карлов знавал дух. Одного в Гишпаниа, а другого в...

— О Ленине не слышали? Да ведь это имя гремит по всему миру, на устах не только трудящихся, но и у их врагов.

Артамон Сергеевич усмехнулся.

— А скажи, красавица, коли у вас дарей и цариц нетути, кто же теперь Русью правит?

— Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов. Ну, как бы вам сказать попроще? Круг избранных от народа людей, что ли.

Артамон Сергеевич задумчиво погладил бороду.

— Ладил вор Болотников в лихолетье смутное бояр да князей порушить, Русью на казацкую стать кругами правити, да на том и живот скончал. Ужли теперь такое лихо подеядлось? И тотчас, как умный политик, побывавший во всяких переделках, добавил с тонкой усмешкой:

— А уряда у вас гожа, хошь и холопыя власть, и живете богато, а и хоромы высокне, и премудростей много всяких дело.

А про себя подумал:

— Облыжно девка показывает, запутлять хочет, недаром и до крестного знамени не допустила. Коли Кремль со святыми соборами на месте стоит, так како в нем дарям не быти?

А черныя снова затараторила:

— Откуда вы, товарищ? Откуда у вас такие странные понятия? Вы кто такой?

Артамон Сергеевич присанислся.

— А я ближний боярин государев, Матвеев, Артамон Сергеевич... А и приказу посольского голова, да и приказу стрелецкому и другим приказом начальник.

Белая дернула черную за короткую юбочку и шепнула:

— Пойдем, Шурка... Разве ты не видишь, просто сумасшедший!—И прибавила громко: — Ну всего, пока, а то мы на лекции опоздаем...

Но Шура удержала подругу и приздумалась.

— Матвеев, Матвеев?... Позвольте, я что-то читала в газетах. Вы — очнувшийся боярин 17-го века? Ах, это интересно! Вы, вероятно, и революционное движение Степана Разина помните? А может быть, его самого лично видели?

Но белая уже тащила черную: — Пойдем! Гражданин и сам теперь дорогу найдет...

Черная на минуту остановилась, вынула малую книжидку, что-то настрочила и протянула листочек боярину:

— Вот, товарищ Матвеев, когда кончите в Кремле, непременно, непременно заходите по этому адресу. Очень, очень любопытно. До свидания. — И возмущенно сказала подруге: — Странная ты, Маруся. Ведь, это же совсем сырой материал. Даже Ленина не знает... Необходимо брать таких в строгую индивидуальную обработку...

А Артамон Сергеевич, едва только дьяволды скрылись в толпе, закрестил и разорвал грамотку, не читая бросил доскутки наотмашь по ветру и плюнул троекратно через левое плечо. Потом с умилением взглянул на знакомые кремлевские зубцы и башни, поднял голову, присанислся и двинулся к Троицким воротам, расчесывая на ходу пальцами пушистую бороду.

8. СМЯТЕНИЕ ВЕЛИКОЕ.

Увидав у Троицких ворот стражу в двоявниных шлемах, не стрелецкого народа, с фузеями заморскими, боярин подумал.

— Знать, дарица-матушка немцев али шведов для опаски выписала... Мятутся, вишь, стрельчишки воровские. И все им не любо. Недаром и Петр-даревич ладит войска урядити на иноземную стать. А и мы не раз дарице указывали, что стража заморская дело доброе, верное.

И тому не подивился Артамон Сергеевич, что в Троицкие ворота входят или «немцы» короткохвостые, или простой, незнатный люд.

— А и для того стража строга, что во врата сии входят люди незнатные, а нам, боярам — иные ходы, знать, положены... — И не спеша двинулся знакомой дорогой, вдоль зубчатой стены, к Спасским воротам.

Вдруг из-за Тайницкой башни взвилась огромная блестящая птица и, несмотря на то, что она лишь одно мгновение промелькнула перед испуганными глазами боярина, он успел разобрать, что на птице той человек сидит. Птица с треском поднялась на высоту, а боярин со страха чуть окарачь не пошел, и не успел еще как следует откреститься и оправиться, как над самым его ухом заиграли громкая музыка. Слышит боярин: трубы гудят, гусли звонкие наигрывают, барабаны да литавры бьют, а ни трубачей, ни барабанщиков нигде не видать... Поднял боярин голову и вдруг увидел невеликую трубу на столбе, а из той трубы и шла вся музыка... Вдруг как грянет труба, словно сотня брячей: Алло! Алло! Алло! Сегодня из психиатрической клиники первого МГУ через окно убежал находившийся там на излечении боярин 17-го века Артамон Сергеевич Матвеев! Повторяю: Артамон Сергеевич Матвеев! Где бы он ни находился и кому бы ни встретился, каждый сознательный гражданин СССР должен доставить Матвеева в ближайшее отделение милиции. Приметы...

Дальше Артамон Сергеевич не мог слушать... Поблуднев, как мед, выпучив глаза и подобрав полы кафтана, он бросился бежать во всю мочь от страшного дива, а труба догоняла боярина своим исполинским ревом...

Испуганным очам боярина мерещились, как в тумане, какаля-то старуха — «немка», сбивая его дородностью и кубарем покачивавшаяся на мостовую, звон большого стекла амбургского, разлетевшегося от его руки, опрокинутые ящики, чьи-то крики:

— Держи! Лови хулигана, — и переливные разбойные повисты...

Кто-то сбил с Артамона Сергеевича бобровую шапку, чья-то рука ухватила боярина за ворот и он рванулся так, что ворот остался в длани у похищника. Потом какой-то пустырь, заставленный штабелями дров, а он, боярин, ужом вполз между поленищами, залег и затаился там...

Вылез Артамон Сергеевич только тогда, когда на небе уже давно слабо мерцали тихие звезды, а на Москве светило множество лун, привязанных хитростью немедкой проволоками к высоким столбам, а во всех окнах дрожали малые луны...

Долго потом боярин бродил по улицам, прижимаясь к каменным стенам домов и отворачивая свой лик от прохожих... Искал

боярин хоть одного дому знакомого и, не смея спросить, лишь украдкой читал слова, написанные на разных хоромках: — «Вхутемас», «Обомху», «Наркоминдел», «Тресттам-сук», и многие другие... И вдруг на одной двери увидел Артамон Сергеевич большую зеленую грамоту, на которой явственно было начертано:

«ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ».

В мозгу Артамона Сергеевича вихрем пронеслась радостная мысль:

— Батюшки, родимые... Я тут брожу, аки тать в нощи... А царь-то, сынок Иван Васильевича во святой Москве... Не попал к матушке Наталье Кирилловне, пойду хоть по койничку Федору Иоанновичу челом бити...

В усталой голове Артамона Сергеевича, после стольких виденных чудес, восстание из гроба царя Федора уложилось как-то само собою и не вызвало никакого сомнения, Торопило распахнул он тяжелую дверь и стал подниматься вверх по широкой безлюдной лестнице. Какой-то человек на минуту задержал боярина:

— Опоздали, гражданин... Сейчас последний акт начинается... А билетик у вас есть? Может, возьмете по дешевке: один остался?

Артамон Сергеевич машинально взял протянутую ему грамотку.

— А девьги?

Боярин молча выгреб из кармана все серебро, что осталось у него от угощения «мил-человека» и, не оглядываясь и держа грамотку в дрожащей руке, вошел в коридор, наполненный «немцами» и «дьяволидами» бестыжими и размалеванными.

Затрещал звонок, и Артамон Сергеевич вошел вместе с толпой в приемный дарский покой, сплошь установленный рядами стульев и кресел. Там боярин пробрался вперед и робко прижался к стенке, дожидаясь вечернего царя выхода...

9. СВОИ НЕ ПРИНИМАЮТ.

Тихо шурша, поднялся занавес. Измученный Артамон Сергеевич своими собственными очами увидел родное и близкое... Вот паперть дерковная, на которой он сам, боярин, хаживал под веселый трезвон малиновых колоколов от обедни и всенощной... Вот нищие и прочий московский люд, бородатый, одетый по-истовому... Царь с дарницею в одеждах золотоканнх... Боярышня бьет царю челом с просьбою слезною. И царь вся Руси ей благостно и милостиво улыбається...

— Чего же я мешкаю?— пронеслось в голове боярина,— самый час припел!..

И публика, замолкшая в созерцании былых времен, неожиданно была поражена странным зрелищем. Дородный человек в ризодранном кафтане и грязных зеленых сапогах с кривыми острыми носами, со спутанной окладистой бородой и длинными волосами, ринулся через оркестр, вскочил сначала на стул, затем на попюитр и вскарабкался на сцену... Там он рухнул на колени рядом с боярышней, ударил себя

в грудь кулаком, распластался на подмостках и завопил жалобно:

— Помилуй, осударь-батюшка... Бью тебе челом слезно... А избавь ты меня от полона немедкого, от бесовского навождения...

Все сразу смешалось и смуталось. Суфлер неистово замахал из будки руками... Режиссер затрещал звонком... Среди ошалевшей, вскочившей с мест и гадающей публики, к сцене пробиралось несколько человек военных и штатских с решительным видом... Царица присела в страхе и смятении, а царь растерянно схватился за голову. Венец Мономаха с картонным мягким стуком упал на подмостки, благостная улыбка исчезла, а из-под съехавшей на бок бороды выглянуло растерянно-бритое лицо... И внезапно острая мысль пронзила Артамона Сергеевича:

— Лицедейство комедийное... Ничего нетути: ни царя милостивого, ни Москвы златоголавой, ни всей России. И меня, боярина, нетути... Все показ один!

Мысль эта, как хищная птица, ударила железным клювом в самую средину сознания Артамона Сергеевича, закрыла его широким черным крылом, и боярин вскочил, растерянно оглянулся вокруг, взмахнул руками и рухнул на пол всем грузным телом, увлекая за собою целый дерковный свод легкой декорации... А на сцене уже стоял бритый человек с энергичным лицом и говорил, властно отчеканивая каждое слово:

— Граждане, спокойствие! Прошу очистить сцену и зрительный зал. Товарищ Семенов, распорядитесь! Товарищ Серпов— по телефону «Скорую помощь». Затем позвоните в Главнауку и профессору-психиатру Чукину. Ну, чего же вы топчетесь?

Через полчаса глазастая автокарета доставила боярина в психиатрическую клинику. Дородное тело Артамона Сергеевича бережно уложили на широкую койку, его сразу окружило несколько человек, и один из них, бедный, поблескивая золотыми очками и поправляя сухожаровой рукой седые волосы, скорбно говорил:

— Как жаль, как жаль, уважаемый коллега Михаил Иванович! Сколько бы любопытного мог рассказать нам этот живой памятник 17 столетия... Сколько бы исторических сомнений и споров он разрешил... И как это вы не уберегли?

Чукин вдруг покраснел и сказал язвительно:

— Не уберегли-с?! А попробовал бы я поступить поостроже, так вы бы, достоуважаемый коллега, первый вцепились:

— Ах! Разве можно так относиться к памятникам старины, да еще живым-с!

Человек в очках сказал примиряющим тоном:

— Но, может быть, это только новый глубокий обморок?

Профессор психиатрии Чукин приложил ухо к рыхлой, белой груди боярина, долго и внимательно слушал, потом выпрямился, сокрушенно вздохнул и пожал плечами.

Систематический литературный конкурс

В каждой книжке «Мира Приключений» печатается по одному рассказу на премию в 100 рублей для подписчиков, то есть в течение 1928 г. будет дано 12 рассказов с премиями на 1200 рублей. Рассказ-задача № 1 напечатан в декабрьской книжке 1927 г.

Основное задание этого Систематического Литературного Конкурса нового типа—написать премируемое окончание к рассказу, помещенному без последней, заключительной главы.

Цель Систематического Литературного Конкурса—поощрить самостоятельность и работу читателя в области литературно-художественного творчества.

Рассказ-задача № 8

РАССКАЗ О МИЛЛИОНАХ

Иллюстрации С. ЛУЗАНОВА

- Хогюй! Хогюй!..
- Эка сила! Горы ломит!
- Херга! Хюгой!..¹
- Шибакo шанго!..
- У-ух ты! Мать честная...
- Наддай! Наддай!.. Вот так!..

И надавало. Гудело, гремело, рокотало. Бухало орудийными залпами. Ударяло в невидимые гигантские барабаны. Верещали в предсмертных погугах струны—не струны, тросы—не тросы, а что-то туго натянутое, звонкое, что не выдерживало напряжения и лопалось с визгом. Кто-то катал по горам гудкие полые шары, шары ухали, досужее эхо утысячяло звуки, перебрасывая их далее,—в дебри, в тайгу, через шапки сопок.

Испуганно, вздрагивали прибрежные обрывистые скалы, неуверенные в своей устойчивости. Кто-то стремительный и враждебный подкапывался под их первозданную несокрушимость. Тряслись как в лихорадке раскидистые тысячелетние кедры. Стройные, белостволье, стреловидные грабы трепетали живым трепетом.

- Силен Шилкар!¹
- Эхе, Хе-лун-дзян!..²
- Ой-ой, Гамура!³
- Ай, да Мамур! Эка прет!
- Держись, робя!.. Амур взбунтовался!..
- Тоже—революция, язви его в бок!..

Толпа ахата от восторга, упивалась проявлением стихийной мощи, пьянела от хмельной весенней свежести. Амур рвал

¹ Тунгусские восклицания, выражающие удовольствие.

¹ Старинное название Амура.

² Китайское.

³ Гиляцкое.

свои зимние цепи. Орудийный гул висел над сбежавшимися к реке горами. У отвесных каменных громад громоздились громады ледяные. Мимолетные фантастические постройки воздвигались в первую минуту и взвергались во вторую.

Могучая река, рвущая на своем пути гранитные запруды гор, сжималась здесь, как тисками, скоплением скал. Скалы дрожали, но не уступали стремительному напору. Немного выше, где расступились горы, образовался огромный водоем, крутящийся в водовороте. Медленно передвигались целые островки сплетенных корнями деревьев, оторванные от берега и ждущие своей очереди втиснуться в бушующую стремнину. Их обгоняли нагроможденные льдины, похожие на циклопические постройки друидов. Тысячи деревьев, перетертых в кашу, образовали какое-то дьявольское месиво. Постепенно это месиво пережевывалось ущельем. Там, где ущелье неожиданно расширилось, река низвергалась вниз крутым водопадом. Здесь грохотал гигантский оркестр, миллионы разноголосых инструментов ревели победную фугу.

В предверьи ущелья, на льдинах, билась застигнутая врасплох жизнь: группа горностаев, выгибаясь вопросительными знаками, металась вокруг обломанного пня. Дальше, вытянув стройные шеи, в группе безысходного отчаяния, дрожали две козули. Изредка они меняли положение, делали несколько шагов и снова застывали, растерянные и трепещущие.

Вокруг водного разлива, там, где не было людей, по берегам рыскали дикие собаки-рыболовы. Шныряли выдры, куньицы. Стрелой промелькнула мускусная кабарга. Тревожно пригнувшись свирельный кабан. Захожий гость—черный тибетский медведь, опершись передними лапами на поверженное дерево, равномерно, как маятник, покачивал головой. Его равнодушный вид так не гармонировал с бушующим вокруг адом, и поэтому зверь напоминал дрессированного циркового артиста. Высоты ущелья, крутые, обрывистые, поросли орешником и ильмом. На прогалине сгрудилась большая толпа: рабочие с ближайших лесорубок. Десятки глаз светятся восторгом. Возгласы созвучны буйной игре стихии. Дело под вечер. Пьяный, влажный воздух заставляет жадно раздуваться ноздри.

— Весна идет, братья!

— Отудобела земля-мать...

— Ядрено набухает...

— Гляди, гляди!.. Вот это—кошечка!

— Эха махина!

— Одно слово—волкодав!..

Громадная льдина входила в узкое ущелье. На льдине, грациозно извиваясь, то припадая на снег, то пружинисто взметываясь, кружилась большой бенгальский тигр. Льдина с разбега ударилась в отвесный берег. Зверь метнулся, припал на передние лапы, готовясь к прыжку вверх. Льдина переломилась со звуком пушечного выстрела, две половинки начали медленно опрокидываться на внешнее ребро, образуя

крутой конек. С ревом, покрывшим на минуту рев реки, тигр одним прыжком очутился на гребне конька. Мгновение он высился на подвижном постаменте, как изваянный монумент. Но вот постамент рухнул, и зверь исчез в бурлящем месиве ледохода.

— Эх, оплошал, дяля!..

— Лососкам на ужин.

— Айда, робя, к баракам. Солнышко садится.

— По-мо-ги-те!..

— Никак кричат?..

— Да не...

— Чего не... Мне и ране казалось. Вон, вон, гляди. два пятнышка...—Несколько человек, рискуя головой, бросились по направлению залива, где на одной из льдин чернели две движущиеся точки. Скользя по подтаявшему снегу, обрываясь и скатываясь, передние достигли входа в ущелье.

— Держись, ребята!.. Давай шесты!..

Веревку бы... Веревку... Опояски снимай!..—Опояски не понадобятся. Два человека, оборванные и полузамершие, наиргая последние силы, прыгали по сгрудившимся льдам и деревьям. Оступаясь, проваливаясь в месиво и вновь выползая, где на животах, где на четвереньках,—они карабкались к берегу.

— Сюда, сюда!.. Вот на эту глыбу!..

Здесь сподручней... Держись!..

— Давай руки!.. Вот так!.. Молодчаги!..

Пробежал восторженный гул.

— Энти, выходит, половчее тигра!..

— Кто такие?..

— Рабочие... Хотели перебраться... Лед тронулся неожиданно!..

Один—высокий, мускулистый, с серебром в бороде, глаза дерзкие, живые. Другой—худенький, узкогрудый, сильно измучен, но ласково улыбается, как бы извиняясь за доставленное беспокойство.

— Как зовут?

Отвечает высокий:

— А это важно? Тогда.. я—Миرون, а он—Михайло!..

Несколько голосов протестуют и оттирают любопытного:

— Вот, чертяга, нашел время!.. Люди из гроба встали, а он!..

— Веди, робя, к баракам... отогреем!..

Утихомирился буйный Амур. Величаво и гордо катит свои желтоватые воды. Любуется сказочной панорамой берегов. Радуетя своему спокойному подноводью.

Весна в неистовом разгаре. Буйные соки земли отдают свою силу наружу. Первобытно, могуче кудрявятся деса. Кто-то невидимый отчаянной кистью размалевывает все в изумруд. Брызгает щедро яркими крапами: рубины, топазы, да карбункулы. По тихим заводям реки, переходящим порою в перламутровое озеро, кипит первобытная жизнь, идет нескончаемая борьба за существование. Пернатое царство переливается всеми цветами радуги. Ибисы, фазаны, аисты, журавли и прочие другие, с именами и без имен, щеголяют праздничными нарядами.

Хищники всех пород и размеров шныряют среди непролазных зарослей, шутя пожирают друг друга. На малом участке

Охотники всех племен и вооружений, — от первобытного лука, до скорострельного ружья, — терпеливо выслеживают добычу, а добыча терпеливо выслеживает их.

Тунгусы и орочены, японцы и манчжунды, манчжуры и корейцы, китайцы и

мелькнут перед глазом соболя и барса, рысь, в тигр, кабарга и росомаха, волк и лисица, изюбр и пятнистый олень. По

айпы, русские и дауры, и десятки представителей других племен прокладывают себе дорогу через непроходимые дебри, через непролазные болота, через неприступные горы.

И всюду жизнь! Буиинал, мощиал, неукротимая!

Немыслимо...

риса, орехового и пробкового деревьев. На горные склоны устланы розовыми коврами дветущего рододендрона. Под валежником и травой сгустками крови аяют дветы легендарного жень-шеня.

Ледоход на Амуре.

Все дветет и растет.
Ревет, щебечет и гомонит.
Пьет ласковое солнце и изощренно
борется за жизнь.

По соседству с рекой, за грядой сопок, на высоком таежном плато лесные дебри потревожены. Неугомонный человек задумал нечто небывалое: рвет скалы, валит столетние деревья, корчует разлапые корневища, подбирается к богатарию Амуру с хитрым намерением: взнуздать его неукротимую мощь. Завидно человеку смотреть на даром расточаемую силу стихии. Пыхтающие стальные гусеницы, — пособники человека, — с корнем, как былинки, валят многообхватные замшелые кедры. Пока светит солнце — со стержневием пыхтят дьявольские игрушки человека.

По вечерам возле низкорослых барачков копошатся полураздетые люди: сильные, обросшие, обветренные и — слабые, безвольные, всех оттенков, впадающих в медь.

Пылают пахучие костры — отгоняют комаров, мошкару и прочий надоедливый гнус. Люди, как победители, раскидывают широко тела и разноязычно гуторят. Открытые раскатыстые звуки переплетаются с гортанными, прищелканными и дребезжащими. Группировки случайны, но люди одного языка невольно тяготеют друг к другу, сбиваются в один когтун.

У большого костра, на зеленых пахучих ветвях, как на мягких перинах, их много — людей, — поболее десятка. Одни — видели в жизни все и все от нас взяли, другие зна-

и все одинаково окрашены отблеском костра в медно-красное. Преобладает «интеллигентия»: несправные пскатели приключений,

для которых жизнь хороша с любого угла; люди, сбитые революцией с командных высот; люди, для которых тяжелый, бодрящий труд — потребность. Остальные — просто люди и люди-дети, дети природы: простые, примитивные, нескученные. Среди них два тощих китайца, толстощекий тунгус и еще один, национальность которого, как и его костюм, давно пропали без вести. Он гол, обмотан по бедрам тряпичей, грязно-коричнев и подслеповат. Зовут его — Вханья. Он любит говорить и любит слушать. Сейчас Вханья жует табачный корень и гортанно попискивает:

— Два год сзади — моя искала жень-шень. Лашка лежала много теньга... Ой, много!..

— Где они, твои деньги? — спрашивает молодой парень, со смехом нажимая на «о».

— Бородага отымала... Хунгуза... Нету теньга...

— Попадаются пистолеты, держись токо!.. — окает парень.

— Тыри года сзади моя копала песок, золото копала — вспочинает неудачник. — Моя богата пила... Ой, богата!..

— Где оно, твое богатство?

Лучезобразное личико Вханья все расплывается от удовольствия.

— Моя мало-мало кутила... Шибакко кутила!.. Хо-хе!..

— На кой они — деньги? Мы сами — голое золото, — презрительно сплевывает парень.

— Нет, я люблю деньги. Деньги — все! — вздыхает горбун, у которого глаза почему-то напоминают удочки. — Кабы мне да деньги — я умел бы распорядиться.

— И моя умела... И моя умела... — вздыхают оба китайца.

— Распоряжаться деньгами — самая трудная работа на свете, — замечает крепкий, красивый человек с посеребренной бородажкой.

— А ты много распорядился? — колет удочками горбун.

— Случалось.

— А ну, Мирон, Расскажи что из жизни, — оживляется окаящий парень. — Страсть люблю, когда ты — из жизни...

— Правда, Мирон, Расскажи из прошлого. Тоска, а спать не хочется, — поддерживает «интеллигентия».

Мирон вскидывает крепко посаженной головой и меняет положение. У него энергичное лицо, в глазах — жесткая настойчивость.

— Расскажи, как ты попал сюда,—пристает парень, влюбленными глазами поглядывая на Мирона. Помнишь ледоход? Ведь я первый тебе руку протянул...

Мирон улыбается в ус и похлопывает парня по плечу.

— Это не интересно. Я лучше о другом. Вот вы о деньгах начали. Знал я одного человека, у которого было чертовски много денег.

— Сколько тысяч?—перебивает горбун.

— Много, тебе до смерти не сосчитать.

— Ну, и врешь. Я считать горазд. У меня самого...

— Заткнись! Чего мешаешь? Дашь, Мирон, про человека!

Мирон снова улыбнулся, окинул всех оживившимся взглядом.

— Был такой человек. Знал я его. И еще кое-кто из здешних знал. Нашумел в свое время парень, прославился. Захожу я однажды,—за границей это было,—в паноптикум... Это, знаете, такие музеи есть, где восковые фигуры знаменитостей показывают. Смотрю, а мой парень, как живой, стоит, только желтенок немного, в роде покойника.

— За что же это он сподобился?—проницески спрашивает один из бывших людей.

— А вот слушайте. Лет семнадцать назад жила в Астрахани купчиха Тюньтина. Богачиха страшная и скряга. Был у ней единственный племянник, из породы недорослей. Держала его тетушка в черном теле, хотя парень и являлся наследником всех ее капиталов. Наследнику о пускалось сто рублей в месяц и больше ни копей. Звали его, скажем, Иваном Гавриловичем. Парень учился в Москве, не доучился.

Потащился за границу, — так, баклуши бить. Попал там в компанию таких же бездельников побогаче, которые занимались тем, что мотали нагребленные панашами денежки. Тогда, впрочем, наш Иван Гаврилович об этих материях еще не задумывался. Он просто хлопал жадными глазами на роскошную жизнь других, да вздыхал о том, что ему было недостижимо. А жизнь проносилась мимо на всех парах, во всей ее раззолоченной гнустости. Для дурака, каким был тогда Иван Гаврилович, все это было очень заманчиво. Сидел он где-то на чердаке, грыз кровавую колбасу, потягивал кислое вино, когда были лишние гроши, а аппетиты его, глядя на роскошную жизнь других, разгорались все более. Дошел парень, что называется, до белого каления. И вот тут-то, как раз, случилась с ним одна история.

— Украд?—захлебываясь от любопытства, спросил горбун.

Не совсем. Получил наследство. Богатая тетушка сама отпала, а ему приказала долго жить. Иван Гаврилович вернулся в родные палестины и вступил в права владения.

С этого момента для богатого наследника начинается жизнь, с которой не может сравниться никакая каторга. Денег оказа-

лось много, а ума мало. А деньги такая вещь, которая не любит лежать неподвижно, их нужно или увеличивать, или тратить. Наш Иван Гаврилович выбрал последнее, и в этом заключалась ошибка его жизни. Как ни странно, а оказалось, что тратить деньги гораздо труднее, чем наживать их, особенно когда имеешь дело с миллионами, часом, этак, приблизительно до семнадцати...

Слушатели насторожились, кто-то крикнул. Рассказчик закурил от костра и продолжал:

— Гнусное это дело—богатство, друзья мои. Оно заслоняет свет, солнце, наваливается на человека свинцовым грузом, мешает ему жить и дышать. Из всех проклятий человека самое страшное—глупое богатство. В первое время Иван Гаврилович не сознавал своего несчастья в полном объеме. Он ошалел от золота и сопутствующего ему угара. Неизвестно откуда слетелись стаи друзей, советников, обувальщиков. Новоиспеченный миллионер жил в беспросветном чаду похмелья. Как от надоедливой гнуси, щедро откупался от толпы просителей, шангажистов и вымогателей. Он избежал опеки, так как лица, имевшие право поднять этот вопрос, сочли более выгодным самим вступить на путь вымогательства. Но деньги измерялись грудями и растратить их было не легко. Несчастный миллионер изнемогал. Жизнь превратилась в какую-то пытку, в кошмар, в сумасшедший дом. В редкие минуты просветления Иван Гаврилович не раз подумывал о добровольном выходе из жизни,—другого выхода не предвиделось. Но выход нашелся. Как-то мелькнула счастливая мысль: свалить заботы о богатстве на другое лицо, найти надежного человека, который принял бы на себя обязанность по расточительству.

Разумеется, умный человек нашел бы и иной выход, но Иван Гаврилович был глуп. К тому же, по его выходило: что поручить капиталы благотворителям, что выбросить самому—одно и то же.

Как на своем спасителе, Иван Гаврилович остановился на одном из друзей своей скитальческой юности—некоем Ряхине—и немедленно вызвал его из Парижа, где этот бесштаный гений изошрялся в способности жить, увертываясь от моментов расплаты.

Рассказчик остановился, сунул в костер ветку и, когда она загорелась, закурил новую самокрутку. Вспыхнула папироза, на момент вспыхнули насмешливой отгаивой глаза. Все напряженно молчали. Слегка книжная речь никого не смущала. Для большей части слушателей она явилась привычной: на людей же, не искусственных культурой, сильнее действует речь, которую они понимают не вполне, лишь бы она была искренна и оборотами они видят что-то шаманское, богатое скрытым, угадываемым смыслом.

— Ряхин... да... Славный это был парень. Такие за деньги не продаются. Для них

важнее всего мысль, дея. Вы знаете, что такое—идея! Это то, что управляет жизнью, ее механизм. А Ряхин смотрел на жизнь, как на заводную игрушку. Для него важнее всего было знать: отчего игрушка крутится и можно ли заставить ее крутиться по иному? В прежние времена такие люди или открывали новые страны, или становились предводителями разбойничьих шаек. Основная черта их характера—любопытство и жажда новизны. Они не терпят навыков, неподвижности. Все, что было—для них не имеет значения, все, что будет—стоит посмотреть. Таков был и Ряхин.

Если бы весь мир разделили на двое занавеской и сказали ему: «Эта половина твоя, тут тебе—власть, богатство, бессмертие. Только не смеешь поднимать занавеску, ибо тогда потеряешь все». Ряхин непременно ответил бы: «Шалите, за занавеской-то и есть самое интересное!» И отдернул бы занавеску. Для одних он—глупец, для других—гений.

Ряхин приехал в Астрахань, явился к Ивану Гавриловичу и задал вопрос, как волшебник в сказке:

— Вот я. Зачем ты звал меня?

— На помощь,—ответил Иван Гаврилович.—К моим ногам привязали груз золота, он меня тянет на дно, помоги мне освободиться от него.

— Это можно,—ответил Ряхин.

С этого момента, друзья мои, для Ивана Гавриловича и его приятеля начинается любопытная странячка, которую стоит проследить. Гениальная машинка, спрятанная в голове Ряхина, заработала быстро, без перебоев. Он раздробил груз миллионов на части, рассовал части по банкам различных стран, потом задал Ивану Гавриловичу такой вопрос:

— Какого ты мнения об умных, но голодных людях?

— Их не должно существовать,—ответил тот.

— А о неумных, но тоже голодных?

— И их также...

— Правильно. А так как вторых больше, и нам со всеми не справиться, то начнем пока с первых. Попробуем их подкормить...

На окраине небольшого приволжского городка покупается богатая усадьба с роскошным парком. Переоборудована и оборудуется согласно требованию. У входа в парк две каменные девицы держат надпись:

ДВОРЕЦ ГОЛОДНОГО УМА

Все газеты пестрят четкими объявлениями:

Каждый нищий-гений может реализовать свои идеи

ВО ДВОРЦЕ ГОЛОДНОГО УМА (адрес).

Полное обеспечение в течение года. Издержки по содержанию возмещаются впоследствии, когда придет слава и богатство. Для поступления требуются подробные проспекты будущих работ. Предпочтение—не имеющим за душой ничего, кроме первобытной повязки.

В самый короткий срок приволжский городок превратился в уголок Центральной Африки. Улицы кишели толпами людей, препоясанных по чреслам кусками полосатого тика. Объемистые папки под мышками делали их похожими на обитателей иной планеты. Люди худые, как жерди, и толстые, как надутые бычьи пузыри, безбородые юнды и бородатые старцы, женщины, похожие на ангелов с картинок, и женщины ведьмообразного типа—все одинаково жаждало попасть во Дворец Голодного Ума. Следует отметить,

Слушатели насторожились...
Рассказчик продолжал.

что передники женщин были несколько кокетливее, они напоминали скудное одеяние вышедших модниц, но все же это были лишь распространенные негритянские передники. Дворец быстро переполнился до отказа. Несмотря на свою обширность, он мог приютить лишь часть желающих. Те, что остались за флагом, переломали решетки, выбили все стекла во дворце и разбрелись по окрестностям промышлять себе одежду и пропитание.

Несколько дней царил подлинный африканский террор. Люди в передниках разлевали всех, кто попадался им на пути, при чем, по свойству оскорбленной человеческой природы, раздевающие не предоставляли раздетым даже отслуживших свою службу передников. Часть полиции, пытавшаяся помешать раздеванию, была тоже раздета. Другая часть—под шумок раздевала сама.

Через некоторое время голые люди рассосались. Администрация Дворца возместила все убытки потерпевшим, в том числе и бюстистам порядка, как раздетым, так и одетым. При чем бюстисты порядка любезно справились о сроке следующего приема. Ведь бюстистам порядка выгодно всякие беспорядки.

Каждый из принятых во Дворец Голодного Ума принес с собою идею или секрет какого-либо изобретения или открытия. А так как было много людей, то много было и идей. Все было взвешено. Каждая такая идея в течение года должна была принести человечеству частицу блага. Голодный ум, помещенный в сытые условия, не мог не развернуться во всю свою ширь. Следовало надеяться, что сейчас же, вслед за первым выпуском подкормленных гениев, для человечества начнется новая жизнь.

Комиссия из глубочайших ученых проверяла умственный багаж каждого из кандидатов в гении. Взята была установка на общественную, социальную полезность будущего изобретения. Тем лицам, которые этому наиболее отвечали, оказывалось предпочтение. Утопичные, невыполнимые или шарлатанские проекты браковались.

Ученые из Комиссии сияли, потирая себе руки и лысины. Казалось, вся бездна молодого ума, юного творческого гения собралась под их благодетельную опеку. Посев был сделан, оставалось только ждать урожая.

Среди представленных проектов были и такие, которые обещали перевернуть всю жизнь. Здесь были проекты искусственного выращивания хлебов чуть ли не в одну неделю, извлечения руд на поверхность земли без рытья шахт, изменения погоды и климата по собственному усмотрению, ускоренного воздухоплавания без громоздких машин, омоложения человеческого организма путем пустякового укола в некую мозговую точку, проекты добывания пищи из окружающей среды, и многие другие, вплоть до завоевания соседних планет. Нужно ли добавлять, что все эти проекты были признаны Комиссией по-

строенными на строго научных данных и, следовательно, вполне выполнимыми. В отношении условий работы для инженеров Дворца Голодного Ума было предусмотрено все: они имели возможность сытно есть, мягко спать, разумно развлекаться, располагать прекрасно оборудованными мастерскими и лабораториями. Одним словом, каждый и в любую минуту без всякой помехи мог сосредоточить все силы своего ума на овладевшей им идее. Итак, благодаря ничтожному обстоятельству: смерти одной бесполезной астраханской купчихи, более напоминавшей при жизни огромное скопление слизистого студня, чем человека, человечество в целом получило возможность облегчить тяготы жизни сотен миллионов разумных существ. В будущем,—конечно! Впрочем, для нас важна идея, а в будущем или настоящем—это дело второстепенное. Извините, друзья мои, я немного увлекся и зафилософствовался.

Оставим пока обитателей Дворца Голодного Ума выковыпывать для нас новую жизнь и проследим дальнейшие шаги наших закомцев.

Ставши поводом Ивана Гавриловича, Ряхин не дремал. Его гениальный ум ни одной минуты не мог оставаться в бездействии. Имея в виду подростокую армию своих собственных гениев,—питомцев Дворца,—а также учитывая большое количество замечательных чем-либо людей, разгуливающих на свободе, Ряхин напал на мысль увековечить память каждого из них для потомства. Он предложил своему доверителю основать такой музей, где любой из замечательных людей мог бы быть представлен какою-либо частью, наиболее связанной с его osobой.

После вдумчивого обсуждения решено было открыть музей подтяжек знаменитых людей.

Может быть, друзья, не все из вас знают, что за штука — подтяжки. Подтяжки суть часть туалета, которая, будучи перекинута через плечи, не позволяет штанам сползать с брэнного тела. В выборе предмета в качестве экспоната для музея сказалась неопытность Ивана Гавриловича в житейских делах. Он тогда наивно полагал, что все замечательные люди должны принадлежать к классу, знакомому с употреблением подтяжек. Кроме того, здесь имели косвенное влияние два обстоятельства. Во-первых, Ряхин в ранней молодости служил продавцом в газантерейной лавке, а во-вторых, в то время как раз наделало много шума самоубийство одного видного ученого, повесившегося на подтяжках. Впрочем, вскоре было выяснено, что ученый повесился на подтяжках, утянутых у соседа, сам же не обладал такой роскошью.

В центре Европы есть город Вена. В центре Вены имеется улица Грабенштрассе. Вот на этой-то улице, как раз против памятника, кажется, одному из императоров династии Габсбургов, памятника, замечательного помещающейся под ним шикарной общественной уборной, и

был торжественно открыт музей подтяжек знаменитых людей.

В мае в газетах всего мира было напечатано объявление Музея о желании приобрести за хорошую плату подтяжки знаменитостей. Через несколько дней во всех магазинах подтяжки исчезли из продажи. А еще через некоторое время все они оказались сосредоточенными в приемных комнатах Музея.

Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что на улицах тех городов, где ценится эlegantность в костюме, появилось огромное количество хорошо одетых людей, брюки которых имели поплзновение ежесекундно сползать вниз. А так как тогдашний законодатель мод, принц Уэльский, страдал от отсутствия подтяжек не менее других, то такая небрежность в костюме не замедлила стать модой. И в то же время, хотя подтяжки и вышли из обихода, фабриканты подтяжек вынуждены были ввести у себя вторую смену.

Очень многие жаждали попасть во Дворец Голодного Ума. Все кандидаты были препоясаны по чреслам...

Обозревая залежи подтяжек, доставленных для музея, Ряхин и Иван Гаврилович искренно изумлялись обилию среди человечества замечательных людей. Впрочем, тут были подтяжки многих эпох и многих культур, вплоть до исчезнувших давно с лица земли. Одному католическому священнику даже посчастливилось откопать где-то веревочные подтяжки самого Адама.

Комиссия из замечательных археологов, к слову сказать, хорошо оплачиваемых, с рвением, достойным лучшего применения, принялась за разборку подтяженных залежей. В короткий срок музей имени Ивана Гавриловича обзавелся таким количеством исторических экспонатов, на котором без труда можно было бы перевешать всех людей, носивших когда-либо подтяжки.

Прошло некоторое время. Как-то, обозревая свои сокровища, Иван Гаврилович на подтяжках с ярлычком римского гладиа-

тора Спартака обнаружил затертую надпись. С помощью многократного фотографирования на затертом месте удалось выявить марку одной современной германской фирмы. Это дало толчок к переоценке подлинности всей коллекции. Была создана вторая Комиссия, уже из самых замечательных археологов. К концу второго месяца работы Комиссии все экспонаты были признаны поддельными, за исключением подтяжек самого основателя музея—Ивана Гавриловича (Ряхин никогда подтяжек не носил). Да еще подтяжки Адама, доставленные католическим священником, оказались действительно принадлежащими Адаму Мюллеру, немецкому часовщику, замечательному своей близорукостью.

После усиленных трудов второй Комиссии в музее болтались в печальном одино-

честве только одни подлинные подтяжки—подтяжки Ивана Гавриловича. Остальные, как сомнительные, были принесены в дар венскому музею имени Марии-Терезии.

Ни Ряхин, ни Иван Гаврилович не были обескуражены этой неудачей. Ведь кроме побочных целей социальной пользы, главной их задачей являлось уничтожение мешающих жить миллионов. А миллионы быстро таяли.

Друзья в каком-то идейном угаре метались по всему свету. Идеи рождались одна за другой. В одном месте они культивировали умственные способности людей, в другом—физические. В Англии, в классической стране спорта, они основали общество прыгунов, девизом которого было: «Прыгай выше головы». В короткий срок члены общества натренировались до такой степени, что всем известной поговорке «выше головы не прыгнешь» угрожала серьезная опасность выпадать из разговорного языка. И действительно, на первой же Олимпиаде прыгунов один паренек скакнул так высоко, что уложил поговорку на обе лопатки, за

что и получил первый приз. Паренек оказался русским. Благодаря этому, на почве национальной гордости, между Англией и Россией едва не произошел разрыв дипломатических сношений. Ивану Гавриловичу и Ряхину, как угрожающим политическому строю Британской Империи, навсегда был запрещен въезд в местности, где развевается британский флаг. Та же неудача постигла пионеров кусания собственного локтя и в ряде других стран. На родине, в России, доклад украсился такой резолюцией: «Опасно и не во благовремении».

Трудно сказать, до чего дошли бы наши друзья, опечаленные крушением локтекусательной идеи, если бы администрация Дворца Голодного Ума не вызвала их в известный нам городок на Волге. Приблизилось время экзаменов для питомцев Дворца.

Когда Ряхин и Иван Гаврилович прибыли на место, они были изумлены картиной жизни в этом святилище науки. Повсюду лениво бродили раскормленные, ожиревшие фигуры с тупыми, сонными, досидающимися физиономиями. Кричали и переругивались сварливые, расплывшиеся женщины. Пищали беспризорные, лишенные ухода, грудные младенцы. В лабораториях сушилось белье. Кое где играли в кегли и на бильярдах, кое-где шли оживленные танцы с обильной выпивкой. Администрация, разжиревшая не в пример прочим, на все вопросы только разводила руками и что-то бормотала о непригодности климата для успехов мысли. По ее мнению, Дворец Голодного Ума следовало передвинуть южнее, куда-нибудь в Крым, и значительно увеличить сроки для усовершенствования изобретателей.

При проверке успехов гениев, основатели Дворца очутились как бы в роли подсудимых. На них набрасывались, как на эксплуататоров чужого мозга, преподавали попробовать изобрести что-нибудь самим, а не загребать жар чужими руками, упрекали в недомыслии, выразившемся в неудачном выборе местности, в скаредности, не позволяющей работникам мысли пользоваться самым необходимым, например, солидным выбором вин избранной марки, скаредности, от которой страдали сложные процессы творчества и т. п. В заключение, все пансионеры, как по уговору, потребовали увеличения срока для завершения своих работ от десяти до двадцати лет.

Наши друзья, не обмолвившись ни единым словом, пришли к одному и тому же выводу: голодный ум, будучи убит и избалован праздностью, перестает быть творческим. Этот момент сыграл роль поворотного круга в жизни Ивана Гавриловича. Недалекий миллионер, осмыслив эту простую истину, начинает перерождаться в другого человека.

Что касается Ряхина, для него на первом плане стоял опыт, проба, эксперимент. Он получил возможность личный раз взглянуть во внутренний механизм человека, проверить его движущие пружинки и

остался доволен. Для него не важно было, в каком объеме, в каком масштабе вести опыты, лишь бы вести. Когда у него не будет средств на большее, он примется дрессировать ежа или анатомировать лягушку. Про людей, подобных Ряхину, говорят, будто они рождаются в сорочках. Они носят внутри себя то, что называется счастьем, то-есть—полное внутреннее удовлетворение, способность пользоваться радостью жизни при всяких условиях и во всяких обстоятельствах. Кроме всего, такие счастливые обладают секретом заражать своей жизнерадостностью тех, кто близко с ними соприкасается. Они—настоящие люди.

Рассказчик замолчал и подбросил в костер кедровых ветвей. Эта жертва огню ярко вспыхнула, окрасила отблеском багрянда группу полураздетых людей, застывших в свободных, непринужденных позах. Никто не пошевелился. Вся группа казалась прочно вылитой из меди, только глаза, зажженные жадным любопытством, лучились по живому. Молчание несколько затянулось. Наконец, горбун, сидевший в позе собирающейся прыгнуть лягушки, не вытерпел и спросил:

— А где он теперь, этот... Ряхин?

Мирон улыбнулся.

— Вот видите... я так и думал, что главным действующим лицом в моем рассказе является не сам миллионер, а именно он, Ряхин. Ряхин сейчас... Впрочем я доскажу все по порядку. Постараюсь быть краток, главное мною все сказано.

Ученые болтают, будто наша Земля бегаёт по какому-то кругу, на манер шарика, который катится по ободу колеса. И будто ровно через год возвращается к тому месту, откуда вышла год назад.

Так вот, пока эта вертушка Земля успела сделать свой полный круг, Ряхин сумел освободить богатого наследника от его обузы. Именно—ровно в год. Хотя и по истечении этого срока наши герои продолжали пользоваться некоторым кредитом, на самом деле их миллионы улетучились. Они были свободны.

Теперь представьте себе паршивенькое внутреннее море и паршивенький пароходик. Стоит душная летняя ночь, и светит полная самодовольная луна. Пассажиры, не торгующие поэзией в разнос, спят, кто где полагал. На палубе только две бодрствующие фигуры, да и те больше похожи на надгробные памятники, чем на живых людей. Эти двое—наши старые знакомцы. Друзья стоят, перегнувшись через борт, и наблюдают, как из-под ленивого парохода убегают ленивые волны. Думают ли они о чем-нибудь? Думают. И, как увидим из дальнейшего, об одном и том же.

Молчание нарушает Иван Гаврилович:

— Ты подсчитывал?

— Подсчитывал, — сразу отвечает Ряхин.

— И что же?

— Да по моему—в чистую. Даже как будто переборщили слегка, так, миллион-

В святилище науки лениво бродилт-порь раскормленные, ожпревшие фигуры с тупыми, сонными физиономиями...

чика на полтора. Хотя, если продать кое-какую недвижимость, — наверное удастся свести концы... Впрочем, без сложной бухгалтерии тут не разберешься... Как это называется? Дебет... кредит... Надо специалистов... — Плюнь...

Иван Гаврилович, в виде иллюстрации, плюнул за борт. Ряхин, из солидарности, последовал его примеру. Опять поползло молчание. Луна закуталась в облаке, как в истрепанном ватном одеяле. Где-то тяжело топотали и нудно мычали коровы. Рядом, поскрипывая на блоках, в такт надорванной машине, работающей толчками, моталась подвешенная небольшая шлюпка.

— Сложный механизм у этой штуки? — спросил Иван Гаврилович, кивнув на шлюпку.

— Можно исследовать, — ответил Ряхин.

Он осмотрел приспособление и заявил:

— Пустяки. Здесь — подтянуть, там — ослабить. Сползает по блокам — и на воде. Весла здесь же...

— Так как же? На новую жизнь?

— Есть, капитан! — по-морскому ответил Ряхин.

— Вали, действуй!.. Воспользуемся лихорадочным состоянием луны.

Есть, капитан!

Через несколько минут шлюпка с двумя друзьями была на воде. Подпрыгнув несколько раз и едва не перевернувшись, она мягко закачалась на потревоженной морской глади. Непозадеку, надсадисто кряхтя и урча в старческой немощи, шлепала слабо освещаемая парходная масса. Как бы сжимаясь в объеме, она постепенно таяла, тусшевалась в прозрачном мареве. Скоро все превратилось в расплывчатую точку. Но вот исчезла и точка. Снова выплыла луна.

— Если нас будут судить за похищенные шлюпки, то вполне справедливо будет

привлечь и луну, как активную пособницу, — съобстрил Ряхин.

— Победителей не судят! — весело отозвался Иван Гаврилович.

Кругом было безгранное море и безгранное небо. С той стороны, где сияла луна, на воде, в виде гигантского конуса, слегка трепетала серебряная лунная дорожка. Берег, смутной полосой маячивший вдали, когда они стояли на пороходе, теперь исчез. Было тепло, тихо и волнующе-загадочно в природе. Легко, волюно и радостно на душе. Хотелось петь, кричать, размахивать руками.

Ряхин расхохотался:

— Воображаю, как у тех олухов, которые соберутся нас встречать, вытянутся глухие физиономии!.. Пропали без вести!..

— И навсегда, Ряхин. Ну, а теперь за работу! Да здравствует труд и его бодрящая радость! Только — труд! Один труд! Все остальное — так, между прочим. Чтобы быть последовательным, я сажусь на весла, а ты иди к рулю.

— Куда же править? — спросил Ряхин.

— Куда править? Вали прямо по серебряной лунной дорожке... Куда-нибудь да приплывем... значит, так надо... Во всяком случае, Ряхин, мы оставили жирную точку после этой глупой истории с миллионками.

Рассказчик умолк. Костер потухает. Слушатели выжидательно всматриваются в лицо Мирона. Им не терпится и почему-то неловко задавать вопросы, как будто неосторожным словом бояться отпугнуть очарование навеянной сказки.

Мирон встряхивает головой. Так как он сидит близко к костру, серебряные нити в его волосах особенно заметно поблескивают в эту минуту. Ночной ветерок неожиданно приносит с собой целую серию лесных ароматов, как будто где-то близко пролили бочку соснового экстракта и еще чего-то пряного и возбуждающего, от чего на мгновение захватывает дух. Опускается ночь, постепенно гаснут вокруг звуки затихшей трудовой жизни. Как из огромного глубокого кессона — сверху слабо

сияет манищее ласковое небо. Крупные, спокойные, желтовато-жирные звезды так и напрашиваются на сравнение с масляничными аладьями.

— Так вот так-то, значит, братцы, — неопределенно роняет Мирон.

— Ну, а как же они, эти то... Доплыли куда? — приглушенно, как в присутствии покойника, спрашивает кто-то.

Мирон интригующе улыбается:

— А вы как думаете?..

УСЛОВИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

1) Читателям предлагается прислать на русском языке недостающую, последнюю, заключительную главу к рассказу. Лучшее из присланных окончаний будет напечатано с подписью приславшего и награждено премией в 100 рублей.

2) В систематическом Литературном Конкурсе могут участвовать все граждане Союза Советских Социалистических Республик, состоящие подписчиками «Мира Приключений».

3) Никаких личных ограничений для конкурирующих авторов не ставится, и возможны случаи, когда один и тот же автор получит в течение года несколько премий.

4) Рукописи должны быть напечатаны на машинке или написаны чернилами (не карандашом!), четко, разборчиво, небело, подписаны именем, отчеством и фамилией автора, и снабжены его точным адресом.

5) На первой странице рукописи должен быть приклеен печатный адрес подписчика с бандероли, под которой доставляется почтой журнал «Мир Приключений».

П р и м е ч а н и е. Авторами, состязующимися на премию, могут быть и все члены семьи подписчика, а также участники коллективной подписки на журнал, но тогда на ярлыке почтовой бандероли должно значиться не личное имя, а название учреждения или организации, выписывающей «Мир Приключений».

6) Последний срок доставки рукописей — 15 сентября 1928 г. Поступившие после этого числа не будут участвовать в Конкурсе.

7) Во избежание недоразумений рекомендуется посылать рукописи заказным порядком и адресовать: Ленинград 25, Стремянная, 8. В Редакцию журнала «Мир Приключений», на Литературный Конкурс.

8) Не получившие премии рукописи будут сожжены и имена их авторов сохранятся втайне. В журнале будет опубликовано только общее число поступивших рукописей — решений литературной задачи.

9) Никаких индивидуальных оценок не премированных на Конкурсе рукописей Редакция не дает.

Следующий рассказ на премию в 100 рублей будет напечатан в августовской книжке «Мира Приключений».

ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 5

Решение рассказа-задачи „БАНДИТ КЛЕШНЯ“

На 5-й конкурс прислали заключительные главы 65 подписчиков и 19 подписчиц. Всего поступило 84 решения. Среди этого большого количества литературных работ, к сожалению, не оказалось ни одной безупречной, отвечающей всем требованиям; ни одной, которую можно бы назвать лучшей. Есть очень много удовлетворительных, много не плохих, в некоторых отношениях даже хороших, но все они страдают однобокостью или сухостью изложения. Авторы увлекались какой-нибудь одной стороной и забывали о рассказе в его целокупности или, наконец, о манере, в которой написаны первые главы, т. е. сама задача.

Что представляет собою рассказ? Это главный, основной пункт. На какие отдельные задачи распадается? Таких вопросов почти никто себе не задавал. Это ясно из присланных заключительных глав. И — хотим надеяться — анализ типичных ответов поможет читателям в дальнейшей их литературной работе, будет ли это самостоятельное творчество, или хотя бы сознательное усвоение прочитанного.

Один из читателей очень хорошо и метко охарактеризовал рассказ «Бандит Клешня». По его правильному выражению, «вся суть этого рассказа в его втором этаже, в его внутреннем содержании, которое должно проступить сквозь прозрачную и четкую фабулу». Этот читатель чутьем понял или додумался — не беремся решить, — что «за такой скорлупой скромно спряталось зерно настоящей задачи, подчеркнутой подзаголовком («Грустная повесть...»)».

Ведь, в самом деле, рассказ веден в таких тонах, что трудно не догадаться кто такой Беспрозванов, принятый в деревне за агента угрозыска. Значит, повествуя, как был разоблачен бандит и угончавшие председатель и писарь сельсовета, необходимо было в решениях художественно отобразить и идеологическую сторону рассказа, его социальный смысл. Подчеркиваем: художественно, потому что иначе рассказ перестал бы быть беллетристическим произведением.

Решив основное задание, т. е. проникнув в суть рассказа, найдя угол, из которого нужно смотреть на произведение, следовало разобраться в элементах сюжета: например, неужели все, что приписывалось молвою Клешне, дело его рук? Бандит, — убивающий селькора? Бандит, балующийся, как деревенский хулиган, и мажущий баб колесной мазью? Так ли это? И многие, как увидим ниже, на эту сторону обратили внимание и дали соответственные реплики в своих заключительных главах. Но если такой вопрос решающим заданию был задан себе, то предположительные ответы неминуемо должны были стозваться и на всем содержании заключительной главы, окрасить ее.

Далее, необходимо было задуматься над художественной постановкой сильной последней картины. Вариантов здесь могло быть несколько, а деталей — множество, но во всех окончаниях должно было представить себе правильную и жизненно-правдивую бытовую обстановку и на фоне ее рисовать яркими красками. Некоторых соблазнил «Ревизор», и о нем и Гоголе вспоминали даже в решениях. Это не верно. Здесь развязка «Ревизора» не годится, потому что бессмертная пьеса построена иначе. В ней все лица выпукло проходят перед зрителем-читателем и одной короткой фразы достаточно для завершения развернувшегося действия. Здесь, в «Клешне», автор многое умышленно не договорил, кое-что скрыл, кое на что намекнул. И это должно было быть выяснено и художественно оправдано в самой короткой заключительной главе.

В указаниях этих заключается общая схема работы над конкурсным рассказом, но только подробный разбор присланных глав живыми примерами своими уяснит правильное теоретическое построение заключительной главы к «Клешне». Мы сделаем на этот раз еще больше. Лучшие части отдельных решений будут отмечены. Познакомившись внимательно с премируемым текстом, этими фрагментами, как отдельными кусками смальты, читатель воспользуется, чтобы создать в воображении цельную художественную как бы мозаичную картину. При вдумчивом отношении—это не трудно. Хорошо было бы сесть потом и попытаться написать самому для себя, ради опыта, такую превосходную и все охватывающую заключительную главу, составленную из чужих лучших мыслей и образов, но уже слитую воедино и прокаленную в горниле собственного мозга. Конечно, это не будет творчество, но и полезное технически упражнение, при отсутствии литературных навыков, представляет большую ценность, особенно в этом случае, когда над одинаковой темой параллельно и самостоятельно работало несколько десятков людей.

С точки зрения общественной нельзя не отметить в большинстве работ два лейтмотива. Это — присущее авторам чувство законности. Часто делается упрек, почему сельские власти не проверили и даже не заинтересовались мандатом самозванца агента. Одна подписчица вкладывает в уста Чегонадова такой ответ уже настоящему агенту: «Да как же, стеснение берет бумаги-то у начальства смотреть, кабы это наш брат, то мы живым манером»... Звучит это чувство законности и в устройстве суда над преступниками.

Вторым по занимаемому месту лейтмотивом является сознание необходимости общительности. Клоун жил одиноко, чуждался всех, и его заподозрили. Узнали — и ему стало лучше.

* * *

А. В основном сюжетном решении есть варианты, но преобладающее количество заключительных глав сходны: авторы видят в Беспрозванове бандита Клешню. Но иные обнаруживают и хорошую способность к анализу и расчлениют преступления. В этом отношении одной из лучших работ является глава М. П. Полозовой, по мнению которой «кобылы Вавилы Загуляева угнали цыгане-конокрады, а в селькора стрелял кулак, разоблаченный им. Что же касается двух раздегых в лесу и вымазанных колесной мазью баб, то это была проделка парней из Большой Дули. Но, по некоторым причинам довольно-таки пикантного свойства, бабы и эту историю решили взвалить на Клешню. Также и в ограблении Степана не виноват Клешня». Пьяного его встретили несколько человек из работающих на железной дороге. Шутки ради его раздели, сбросили в кавану, а на подводе уехали. Деньги Степан пропил сам. Лошадь вернулась, а одежда была в соломе на телеге. — Другие идут совершенно иной дорогой. Например С. В. З. (Свердловск) дает такую любопытную главу. Месяц велось следствие. Население радовалось отряду милиции. Был изобличен писарь Чегонадов. Он изобличил и председателя, что тот уговорил стрелять в селькора. Была в сговоре и волостная милиция, и патроны, в которых не отсчитывались, расходовались не на дело защиты, а на дело бандитизма. Волостных бандитов отравили в город. Клоун вернулся из под ареста и хотел ликвидировать уржай, но было уже нечего ликвидировать: мальчишки все растаскали. Спустя семь лет автору пришлось быть в Порточинске. Он спросил о деле, и агент «ткнул безмолвно пальцем в пол, что означало «вышку», т. е. высшую меру наказания. А Беспрозванова не нашли. «Талантливый негодяй», — сказали про него. — Литературную главу прислал А. М. Смирнов (Туапсе). У него преступления — дело рук своих односельчан. Бабы пострадали от охальников с железнодорожной постройки. «Ухорезы» после всей этой исто-

рии прозвали порточинцев «огрызками Клешни». Это характерное замечание повторяется у разных авторов. — Есть и такой вариант решения: «Следствие обнаружило, что писарь Чегонадов ограбил (?) Степана. Пьяный Липат, смазывая гайки (?) на железной дороге, смазал и баб. Под руку Клешни «клешният» не мало еще разведется. — Или такой: «Писарь самолично ограбил Степана. Клешни вообще нет, а все орудуют молодцы из соседнего уезда. Председатель просит уволить его, потому что «бывший писарь Чегонадов во мне совсем всякую веру в человека убивши» (подписчица Н. К. Р. П.). Это единственный случай идеализации председателя волсовета, идеализации, неизвестно чем вызванной, и такое же непонятное обвинение писаря, польстившегося неизвестно на что.

Не перечисляем всех решений такого типа: Клешня убит 2 года назад в другой губернии. — Судили Клешню, часть уголовщины оказалась делом местных рук.

Отметим тут же характерную черточку. В очень многих решениях озорство над бабами приписывается именно Липату. Чем это вызвано? Неужели здесь проявилась несамостоятельность мысли, и решавшие задачу усмотрели в розовой рубашке так симпатично нарисованного автором протеста-дудочника, обожающего вольность и природу, специальный намек, тропинку, по которой обязательно следует идти?

Особую, психологически любопытную группу составляют решения, видящие в клоуне и Липате совсем не то, чем они в действительности являются. Невозможно подыскать какое-нибудь логическое объяснение таким решительно непонятым выводам: клоун—арендатор сада и случайно попавший к нему Липат—тайные агенты милиции, следящие за Клешной. — Или: клоун умер от ран, когда село было подожжено, и храбрый «тайный агент» с ружьем бросился за поджигателями. — Или: клоун—агент милиции, а Липат—помощник Клешни. Это Липат-то, к которому так подходят образы Пушкина из «Цыган»:

Как вольность весел их ночлег
И мирный сон под небесами...

Это Липат-то, который не умеет красиво сказать, но глубоко чувствует и решительно не может жить жизнью плененных городом, где

...Люди в кучах, за оградой,
Не дышат утренней прохладой
Ни вешним запахом лугов.

Сыскная фантазия ведет иных так далеко, что создаются прямо уродливые комбинации, в роде: Липат—тайный агент Клешни, Степан—подослап им же, а клоун—тайный агент милиции (в своем уединении, не общаясь ни с кем?), следящий за Клешной.

Или есть такая громко кричащая нелепость: получена бумага, что Клешня задержан, а Безпрозванова нужно доставить в уезд. Бабы вцепились в Липата. Он сознался. Все, кроме убийства артельщика, дело его рук... Липат, видите ли, решил исправиться и поселился у клоуна, но «из любви к искусству» (так и написано!) вытряхнул из штанов подвыпившего Степана. И автор проводит курьезную параллель между Липатом и певцом: «Так, порой, престарелый, ушедший на покой певец, неожиданно дрогнет, выпрямит сгорбленный стан и, закинув голову, с горящими глазами заляется волшебной песней для того, чтобы потом опять замолкнуть на долго, часто — на-веки».

И эта патетическая лебединая песня Липата была... — хулиганское «вытряхивание из штанов» пьяного человека.

Помнит ли автор этой дешевой тирады—в «Лесе» Островского: «Аркашка, не говори красиво!»

Хочется повторить еще и еще раз: дисциплинируйте вашу мысль, рассчитывайте и уточняйте каждое слово, как рассчитываете движения рук и ног.

Цветок берут не так, как сапог. Солонку ставят на стол не тем движением, каким опускают на пол тяжелую гирию. Уважайте и любите слово, подбирайте одно к другому, как ювелир цветные камни. Ведь это тонкая и яркая оболочка самого драгоценного — человеческой мысли. И гармония искусства зиждется на слиянии формы с содержанием.

* * *

Таковы главные типы основного сюжетного решения.

Но само решение варьируется весьма сильно в описательной части. Больше всего заключительных глав, где центральным моментом является приезд настоящего агента, который разрубает узел и обличает глупых сельских властей. Тут — также разные темпераменты и вкусы. То агент является просто, то переодетый, но тогда почему-то непременно с рыжей приклеенной бородой. Неизвестно, как это она у него держалась целый жаркий день, когда он обливался потом. У одной подписчицы (Т. Б. К.) не плохая в общем и литературная главка, но с большими бытовыми натяжками. Агент загримирован охотником «по Тургеневу». Устал, изнемог. Рабочие железной дороги приняли его за Клешию. Избивали, но он твердо хранил (для чего?) свое инкогнито. Освободил несчастного другой агент, почему-то прибывший в ту же деревню. — Кузнечного деда молотобоец М. И. И. (Сумы) хорошо понял и хорошо, несколько книжно, рассказал как произошло убийство артельщика, но, к сожалению, конец изложил не в действии, а в виде разъяснения от себя и этим испортил главу.

Попадают в решениях непростительные срывы, опять свидетельствующие, что автор не направляет мысль, не продумывает всесторонне каждое положение. Например, прибывший в такую трагическую минуту агент хохотал, слыша, как попались доверчивые и пугливые сельские власти. У другого автора: агент угрозыска выругал председателя и писаря и сейчас же уехал. Мысль не доведена до логического конца. Ну, хотя бы акт составил, что ли. Мы останавливаемся на этих примерах потому, что они должны научить читателя и думать, и правильно излагать свои мысли. Это обязательно не только для литератора, но и для каждого человека, раз ему дана природой способность речи.

Продолжаем характеристику описаний развязки. У одного: бандита привели крестьяне. Он заночевал в избушке в лесу и стал грабить бабу, приютившую его. Прикончили бандита самосудом. — У другого: Липат в городе пошел выпить самогона. Самогонщиком оказался Клешня — Беспрозванов. Арестовали. — Бандита отыскала полицейская собака и т. д.

Много дано решений, где крестьянские самосуды (П. И. Тихвинский и др.) являются бытовой основой развязки. Это правильное и хорошее наблюдение, и в большинстве случаев нарисовано не плохо.

Есть и вторая тонко и психологически глубоко подмеченная подробность: Клешня посылает записку сельским властям с благодарностью за прием. В одном случае (Ксения Ковальчук, ст. Кавказская), такое письмо он отправляет в уездную милицию, и издевку бандита предъявляют арестованным писарю и председателю. Это хорошо сделано! — Общий недочет этих решений, что почти ни одно не нашло верного тона для самого письма Клешни. Есть и третья хорошая черточка в нескольких решениях: агента «схлопотал» в городе клоун, не надеясь на письменную волокиту. Упомянем стоящее особняком решение И. С. М. (ст. Каневская). Прибыл агент. В это время припелся волсоветский мерин с пакетом, привязанным к шее. В пакете Беспрозванов возвращает деньги, похищенные при обыске у клоуна: хватит и награбленных у артельщика. Бандит вовсе не Клешня, и не бандит, а пробирался искать счастья на железной дороге. Сельские власти сами надумили его на пре-

ступление. — Прimitивна и недостаточно литературна глава, присланная М. М. Н., окончившим сельскую школу. Беспрозванов приехал к приятелю и рассказал ему всю историю. Здесь заслуживает похвалы логический ход мыслей. — Не плохо окончание, присланное И. И. Ш. (г. Свободный, Амурского округа), написано правдоучительно, не совсем в тоне и духе рассказа. Есть бытовые погрешности, неустраимые.

Чтобы покончить с решениями этого типа, отметим две маленькие группы, сюда же относящиеся. Это: 1) романтики. Вот образцы. Приехал агент. На Клешню — облава в лесу. Посчастливилось Липату. Слышит он песенку, а где — разобрать не может, где-то на дубе. Влез. Видит дупло. Дупло расширяется в пещеру. В пещере сидит Беспрозванов и мурлычит. Позвали милиционера. Тот отважно прыгнул в дупло. Но Беспрозванов уже застрелился и оставил на одном из червонцев красную надпись: «Будьте прокляты, Клешня». — Здесь, так сказать, акклиматизировавшаяся романтика, в известной мере приспособленная к нашей природе и быту. А вот яркий пример не только бесполезного, но вредного засорения мозгов иностранной чепухой. Выписываем, конечно, с большими сокращениями, но дословно:

„Беспрозванов очнулся. С удивлением обвел глазами обстановку. Ковры, богатство, роскошь. Пол блестел, как зеркало. Беспрозванов лежал на диване, обложенный многочисленными подушками. В углу — фигура в восточном одеянии: черная борода почти закрывала лицо. — Где я? — глухо спросил Беспрозванов... Беспрозванов бросил подушкой в своего стража и бросился в окно. Различил очертания гор и тропинки. Бросился по одной из них. Он слышал за собой топот догоняющего его неизвестного (восточного человека). Обрыв. Оба летят в пропасть...“ — к несомненному удовольствию читателей.

Вторую маленькую группу составляют любители иностранных слов, плохо усвоившие их и еще хуже пользующиеся ими. Чего-чего не припели в русский бытовой рассказ! Даже теорию Эп(н)штейна. Один такой любитель иностранщины пишет:

Когда явился настоящий агент, председатель и писарь сидели и сочиняли донесение о событиях. Чегонадов рекомендуется:

— Мы здешние лидераторы, а вы по какому меморандуму изволите обращаться?

Можно было бы предположить, что автор высмеивает Чегонадова и ему приписывает «словечки». Ничуть не бывало. Председателя и писаря посадили в караулку. Автор восклицает:

— Представьте себе, читатели, в каком положении оказались наши лидера (лидеры — главы партий? Ред.) и пожалейте их хоть немного.

И тон скверный, и рассказ, очевидно, не понят.

* * *

Б. В начале разбора мы указывали, что лейтмотивом присланных глав является чувство законности, и что в основном сюжетном решении преобладает та или иная «ликвидация» Клешни. В другой группе, меньшей, образчики которой мы отчасти уже привели выше, также правильный, но иной исход. Судят не только Клешню, но и сельских властей — судили и б. начальника уездной милиции Халатина (и фамилия сатирическая подобрана!). Приговорили «к большим срокам лишения свободы с поражением в правах и неприменением амнистии». Хорошо подмечено в этом же решении, что бабы Дарья и Марья после несчастного случая в лесу стали неразлучными подругами. Еще меньшее количество решений выдвигает на первый план клоуна и дудочника. Вот примеры. В городе расстреляли их обоих, как бандитов, по одному донесению (?!) писаря и председателя. — Или: клоуна нашли убитым. Липата — с раздробленной головой, также и писаря. Возле лежала записка: «писарь прикончен за дерзкое обращение, а клоуна в фруктовом саду делать нечего». Подпись: «Командир карательного отряда Клешня» (В смерти клоуна, погибшего по воле суровой подписчицы, очевидно, виноваты автор и редакция, поселившие заканчивающего свой век старика, любящего природу, не в каморке на заднем дворе большого города, а в саду). Или: крестьяне самосудом убили клоуна и дудочника, не позволили везти

их в город. В это время на взмыленной лошади прискакала женщина зачем-то оповестить деревню, что Клешню убили. Она радуется, потому что Клешня «променял ее на полюбовицу». Арестовали и участников самосуда. — Или: в городе заперли клоуна, как бандита. Выручило письмо из Харьковского цирка, приглашающее старика на работу. А Клешня все орудовал, пока велась переписка. «Это-то самое грустное», — замечает автор. Сельские власти были отстранены от работы и им объявлен общественный выговор. — Или: клоуна обыскали в сельсовете. У него оказался паспорт Беспрозванова, а у Липата — чистая бумага. Бабы, конечно, узнали Липата. Быть бы беде, но приехал агент угрозыска. — Или (решение подписчика В. из Самары): Липат бежал, а старого клоуна посадили в городскую тюрьму. В бандитизме не признавался, а все заботился о собачках отсутствующих. Сочли закоренелым симулянтом. Заболел сыпным тифом. Фельдшер случайно прочитал о поимке Клешни. Но было уже поздно: клоун умер. Собачек взяли председатель и писарь. «Как бы знать, — говорил председатель, — конечно, пожалели бы. А то кто его знал — честный он человек, или бандит. Разбери их нынче».

Особняком стоят решения: мужички прибежали с радостными криками: «Клешню поймали!». Избитым и задержанным оказался агент угрозыска. — Клешня сел в поезд, взял купе 1 класса до Симферополя, «мечтал о знойном Крыме» и не забыл отправить с ближайшей станции насмешливое и совершенно безграмотное письмо сельским властям. Разумеется, это — курьезное решение, данное по трафарету прочитанных уголовных романов.

Было бы бесцельно продолжать дальше выписки решений. Приведенная нами классификация достаточно выяснила типы, и литературную, и общественную ценность их.

Отметим и выделим из общей массы хорошие решения: Н. В. Поворозника (Бобруйск) и Г. Е. Туркина (Астрахань).

Справедливость требует упомянуть на ряду с очень плохими выражениями и удачные, меткие. У одного автора: шустрый мальчишка Иван Зоб бежит оповестить, что едет человек, а кепка у него «в клетку разделана, как вся в заплатках разных». — У другого подчеркиваем смелый, но свежий образ: «Солнце, зацепившись первыми лучами за степь, стало медленно выползать»...

Не удовлетворяют условиям конкурса по форме, но не плохи сами по себе главы: читателя В. Д. М. (объем одной «краткой заключительной главки» едва ли не превышает весь рассказ и для чего-то введено много новых действующих лиц), и другого автора, продлившего рассказ на две главы (7-ю и 8-ю).

Одно окончание подписано: «Коллектив». Письмо с такой же подписью просит «зачитать» главу и допустить на Конкурс. Прочитали. Рукопись — среднего достоинства. Но если бы она была и превосходной, премии она не получила бы. Мы вознаграждаем только индивидуальную работу. Здесь состязание музыкантов, а не оркестров. Нельзя, чтобы сложный оркестр конкурировал с солистами. И оркестр-то выступил случайный, образованный по территориальному признаку. Ничто не мешает каждому из членов любого коллектива-подписчика прислать свое отдельное решение, попробовать свои личные силы. Вот этот раз прислали решения две пары: два мужа и две жены, а, конечно, не каждый из них получит отдельно журнал. Кстати: обращаемся к этому искренно нам симпатичному коллективу-автору с просьбой не употреблять больше испорченного русского слова «зачитать». В литературном языке говорится: «зачитать» (книгу) — только в специальном смысле: не вернуть чужую, взятую для прочтения.

Будем беречь до мелочей наше драгоценное достояние — наш язык! По необходимости спешно составляемые газеты не могут нам служить образцом. Да и там теперь серьезно поднят вопрос о засорении, о порче языка и необходимости культурной революции и в этой области.

В. Б.

Из всех присланных решений нет ни одного, которое могло бы по праву быть названо лучшим, удовлетворяющим всем требованиям рассказа - задачи № 5. Не желая, однако, оставлять очередную премию в 100 р. вовсе неприсужденной, Редакция вынуждена по справедливости разделить ее между двумя авторами в неравных долях.

По присуждению Редакции, 60 рублей премии на Конкурсе № 5 Систематического Литературного Конкурса 1928 года получает

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖЕЛЕЗНИКОВ (Москва)

и 40 рублей премии

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ СТЕПАНОВ (Москва),

выступающий впервые, рабочий - фальцовщик, безработный, 20 лет. Эти сведения о нем значатся на обороте рукописи),

за следующие заключительные главы к рассказу

== БАНДИТ КЛЕШНЯ ==

Грустная повесть XX века.

Глава VII — самая короткая и самая грустная, служащая также и эпилогом нашей незамысловатой истории.

1-й ВАРИАНТ.

Ночью прибыл следователь, а в воскресенье понаехали власти и из Порточина, и из губернского города. — По сведениям, полученным из Карманова, минувшей ночью там был арестован Клешня. Оказалось, что из примет, разосланных по волосоветам, соответствовал действительности, главным образом, лишь последний пункт: даже самый момент ареста застал Клешню за смелой порывистой кожанки на рыжий больничный халат. Он явился прямо с поезда в амбулаторию с кровоточащей огнестрельной раной. Выяснилось, что из Карманова никакого идеологически проверенного сотрудника не посылалось. Зато взялись теперь проверять идеологию Кулагинского Волосовета. В результате этого исследования Аникин вместе с Чегонадовым заняли в «холодной» места, не успевшие еще остыть после Вонифантьева и Липата. Следствие установило, что из числа преступлений, приписываемых Клешне, в действительности, им были произведены в Кулагинской волости лишь ограбления Зыкина, Степана Князькова, лошадь которого он бросил у Голодаевки, — и, наконец, артельщика. От остальных преступлений многих нитей сходилось к Аникину, хотя он прямого участия в них не принимал, но тем не менее не был их чужд: покушал краденое, получил свою долю при ограблении кооператива за благожелательное молчание, знал о готовившемся покушении на селькора и т. п. Несколько непосредственных виновников было выуждено на участке земляных работ. Кстати взялись там обследовать общее положение дел и в результате — пришлось даже остановить временно работы. Учет и отчетность были из рук вон плохи; процветали кумовство, взяточ-

ничество, хищения. Культработы никакой не велось; охрана труда спала. Работавших там крестьян иногда прямо обсчитывали. И все это осеялось знаменем зеленого змия. Непрерывно расширявшийся и углублявшийся ход ревизии и следствия охватил и сельсоветы, и кооперативные учреждения, перекинулся в уездный город. Потом всюду открывалась одна и та же печальная картина: на фоне невежества, пьянства, примитивного бюрократизма — хищения и эксплоатация неорганизованной бедноты.

Вонифантьев в экстренном порядке ликвидировал урожай потрепанного за время его ареста эдема, поспешил уйти от злополучных козлодобов. За ним увязался и Липат. Они пришли друг другу по душе: оба были по натуре вольные артисты-бродяги.

— Чего кручинишься, — сказал Липат, когда деревня осталась позади, — вырвались, чай! И ну их к лешему! Будем ходить мы с тобой, да две собачки. Нас четверо, а ног-то двенадцать — ходи, знай - отмахивай,

— Да, ходить, — согласился Вонифантьев, — но мне грустно, что негде скоро будет ходить. Города и железные дороги съедат леса; а таким, как нам с тобой, будет все хуже.

— Ништо! На наш век хватит! Да и ни к чему ты это, Лазарь Иванович! Леса, поля, да дороги навсегда останутся. Без них нельзя. Порядки хорошие установятся — беречь их будут. Вот!

— Нет, Липат. Земля тесна, мала земля для людей становится.

— Мала!.. Ну, и загнул!.. Еще как великато! А ты попробуй обойди ее всю!

— Ну что ж, давай, обойдем, — засмеялся Лазарь Иванович и закашлялся.

Н. Н. Железников.

2-й ВАРИАНТ.

Прошло несколько дней. Слух о задержанном в Кулагине Клешне быстро разползлся по округе, заползал во все избы и всюду вызывал разговоры. В эти дни весь Порточинский уезд только и говорил о пойманном бандите.

По всем дорогам в Кулагину шли люди: хотелось хоть одним глазком взглянуть на страшного человека и на его есаула, играющего на дудке. Приходили и в окошко разглядывали арестованных, как диких зверей.

Клешня в дурацком колпаке растерянно поглядывал на толпу, шумевшую под окнами, глядел на сплюснутые о стекло носы и лбы, и в глазах его было почти безумие. А есаул сидел на лавке и целыми днями, как ни в чем ни бывало, играл на дудке.

— Веселый малый! — говорили в толпе.

— Не увявает!

Но больше разговоров было о душегубе Клешне. Его разглядывали до тонкости и ни одно движение не уходило от внимания зрителей, с утра до вечера льнущих к окну.

— Пымали, когда, он без бороды был. А теперь, вишь, выпущает поманеньку. В роде сознаться начинает!

— Правильно было сказано: «борода подрезана». Вишь, она у него какая рубленая.

— Теперь все равно попался. Бороду нечего скрывать. В настоящем виде показывается.

— А почему на ем колпак от такой?

— Известно для чего! Для отводу глаз. Сказано в бумаге-то: часто меняет одежду.

— Правильно! Кабы честный человек был, колпак не носил бы!

Местные власти по несколько раз в день допрашивали Клешню. Уговаривали его во всем признаться и сказать, куда он запрятал тело Беспрозова. Допрашивали и есаула. Допрашивали их вместе и врозь. Старались сбить их или запугать самосудом, — но оба преступника держались первоначального показания и утверждали, что они знают ничего не знают и о бандите Клешне первый раз услышали тогда, когда к ним в сад приходили Беспрозов с писарем.

Не добившись ничего путного от арестованных, местное начальство под усиленным конвоем отправило их в Порточино для дальнейшего следствия.

В самый день прибытия арестованных бандитов в уездную милицию, там была получена из Карманова бумага довольно странного содержания:

— «Карманумилиция, — говорилось в этой бумаге, — сообщает, что бандит, известный в трудящемся крестьянстве под именем Клешни, сего числа пойман карманумилицией. Пострадавшим от незаконных действий одного социально-опасного элемента

порточинцам, как-то: грабеж, конокрадство, убийство или кража, предлагается явиться в Карманово для опознания элемента».

В Порточине эта бумага вызвала недоумение. Подумали и решили на эту провокацию не поддаваться, а ответить строго деловой бумагой:

— «Порточумилиция, — написал писарь, — доводит до сведения Карманумилиции, что порточинские пострадавшие производят опознание Клешни в своем уезде, где задержанный вместе со своим есаулом Клешня находится под арестом двенадцатые сутки. Желающие пострадавшие кармановцы приглашаются для опознания оных в порточумилицию».

Старая вражда между уездами разгоралась от этих бумаг необычайно остро. Бумажки сыпались из уезда в уезд дождем. Бумажки обидные, издевательские, насыщенные презрением. Нарочные с этими бумажками, встречаясь на дороге, переругивались неприличными словами и, разойдясь каждый в свою сторону, долго оглашали воздух прощальными приветствиями:

— У-хо-ре! Зы! — кричал посланный с порточинской бумагой.

— Ко-зло! Дои! — надрывался кармановец.

В конце концов в распрю вмешалась губернская милиция. Ознакомившись с делом, губернское начальство установило, что Клешня пойман только один. И поймала его не порточинская, а карманумилиция. В Порточине же томились в заключении совершенно неповинные люди.

Порточинского Клешню немедленно освободили вместе с есаулом. Клоун вышел, тут же сел на крыльцо и заплакал. Плакал он молча, без звука, как плачут на экране кино. Только плечи его подергивались, как крышка на кастрюле с кипящим молоком.

Порточинцы утешали его:

— Не плачь, родимый! Раз если ты не Клешня, то не плачь! Иди! Ничего не будет!

Вот именно, «ничего не будет». Все, что он скопил за свою долгую тяжелую жизнь, у него пропало «при обыске». И теперь уже этого «никогда не будет». Никогда!

Кармановский Клешня во всем сознался. Он возвратил деньги, ограбленные у артельщика, и рассказал, как производил обыск с порточинцами в яблочном саду у человека с собачками. Продиктовал писарю список вещей и денег, отобранных у клоуна, но возвратить их не мог:

— Раздели промез своими ребятами.

Когда порточинцы узнали, что они охотились на Клешню под руководством самого Клешни, они качали головами, чесали в затылках и мужественно, хотя и негромко, сознавались:

— Действительно, козлодон!

М. С. Степанов.

ПУСТЯК

Новелла ГВИДО МИЛАНЕЗИ

С итальянского пер. Е. ФОРТУНАТО

Иллюстрации А. В. ЮРГЕНСА

Командир миноносца «Проклион» удивленно приподнял брови и подозрительно поглядывал на письмо, положенное дежурным матросом на стол: прикоснуться к нему было противно, так был испачкан конверт грязными, мокрыми пальцами.

— Кто принес эту мерзость? — злобно спросил он с настроением человека, прошедшего отвратительную ночь из-за нестерпимой качки.

— Так что... каторжник... он в лодке здесь.

— Хотя бы их когда-нибудь заставляли мыть руки! — буркнул офицер и, взяв в одну руку циркуль, лежавший на мореходной карте, а в другую разрезательный ножичек из слоновой кости, заменил ими нож и вилку и ухитрился довольно ловко достать письмо из конверта, не прикоснувшись к нему.

— Ах... это от заведующего колонией преступников, — вполголоса сказал он, бросив беглый взгляд на подпись. — И что же этому заведующему от меня нужно?

Если бы лейтенанту Карло Б. не пришлось всю ночь слышать ритмичные удары волны о борт его судна, приставшего еще накануне вечером к бую в бухте Кап-райа, и к тому же еще не пришлось бы испытывать непрерывного нырянья от качки, а удалось бы спокойно, как следует, выспаться и отдохнуть, он, конечно, вспомнил бы тотчас же, что это письмо является ответом на его же послание. Ведь, он сам накануне, едва войдя в бухту, известил заведующего колонией преступников, — единственное должностное лицо на острове, — что он прибыл для технического осмотра мыса Траттейа и покорнейше просит «господина заведующего колонией преступников» прислать ему проводника. Ведь, он, командир миноносца «Проклион», совершенно не знает местности и не имеет никакого понятия, как здесь раздобыть себе возицу среди местных жителей.

Но при первых же любезных словах этого письма от заведующего колонией преступников лицо офицера, до того такое хмурое и недовольное, прояснилось и, когда обычная улыбка разгладила его — увы, слишком рано облысевший лоб, — он уже вспомнил все.

...«Среди местных жителей возицу раздобыть нельзя, и, вообще, здесь никаких способов передвижения не существует, а потому осмеливаюсь вам предложить мою, более чем скромную, таратайку, единственную на всем острове, и прошу вас располагать ею, как вам будет угодно. Впрочем, считаю своим долгом вам сказать, что по здешним дорогам ездить в сколько-нибудь сносном экипаже нет возможности, — так что не удивляйтесь допотопной конструкции моей двуколки, в которой даже не имеется верха. Один из арестантов поведет лошадь в поводу; он же заменит вам проводника. Это № 752, податель сего письма, кстати сказать, субъект права весьма буйного...»

— Вот тебе на!.. Так вот какой ты № 752? Ну, и молодчик! И такого выбирают мне в проводники... — Тут командир миноносца «Проклион» снова удивленно приподнял брови.

...«Права весьма буйного, так что мы принуждены удалять его от других и посылаем его одного на землекопные работы как раз к мысу Траттейа, где он исправляет дорогу; место это очень пустынное и отдаленное от всякого жилья, в чем вы убедитесь сами. Мне приходится дать вам в проводники именно этот № 752, потому что только он один знает, как пробраться на мыс, не запутавшись в скалах. Покорнейше прошу вас не заговаривать с ним и не обращаться к нему ни с какими вопросами: только в таком случае я могу безусловно отвечать за него. Если же, против чаяния, он что-либо себе позволит, будьте любезны тотчас же известить меня по телефону из винодельного управления, находящегося на полпути к мысу...»

— Что же... прекрасно! Проїдем взглянуть на этот 752 №, — воскликнул Карло Б., слегка почесывая себе лоб и стараясь восстановить в памяти образец усмирительной рубашки, виденной им на тюремной выставке в Риме...

Буйный преступник был тут, около борта, в своей лодке; он приподнял голову, когда командир миноносца «Проклион» высунулся из-за трапа, поглядывая по сторонам, как будто без всякой определенной цели

Стоял неподвижно, между двумя скамьями, в грубой холщевой одежде сероватого цвета с широкими, более темными, продольными полосами; между его плечами, на спине, слегка согнутой; на фоне более светлого квадратика, темнею его позорное клеймо № 752, отпечатанное на холсте. Арестантский колпак, белый, цилиндрической формы, по черногорскому образцу, скорее низкий, закрывал всю его бритую голову и был плотно надвинут на лицо; и из-под этого гадкого арестантского колпака иногда сверкал давящий взгляд мрачных, черных глаз, до неприятного похожий на взгляд закованных в цепи медведей. Так они смотрят, когда кто-нибудь чужой подходит к их логовищу.

— Недурно! Спросите-ка: эта лодка прислана за мной, чтобы свезти меня на берег? — обратился офицер к одному из матросов.

— Да! — позорная арестантская шапка ответила утвердительно, прежде чем к ней непосредственно был обращен вопрос. И при этом утвердительном знаке показалось на мгновение лицо, мертвенно-бледное, с лиловатыми тенями на подбородке и вокруг рта.

— Интересно было бы знать, сколько он в своей жизни придумал? Я бы этакое в цепях закованного держал, а никак не посылал бы его проводником... — думал Карло Б., спускаясь в лодку и усаживаясь на кормовую скамью.

Несколько секунд полного молчания и неподвижности. Недаром первые нравственные соприкосновения между людьми бывают бесконечно разнообразны.

— Да, очень недурен этот 752 №, — продолжал рассуждать про себя командир миноносца «Проклион», закуривая папиросу. — Можно даже сказать: он очень хорош... А если будет впоследствии еще лучше, мы ему в награду бросим кость... Непременно! Но, покамест, хотя бы для того, чтобы показать, что он никого еще не грызет, не мешало бы ему взяться за весла... Ну-ка, 752!..

Но неожиданно арестант первый прервал молчание, и голос его прозвучал как-то робко, неуверенно, беззвучно. Так говорят люди, долго-долго молчавшие и разучившиеся говорить.

— Уключина на носу сломана, — сказал он, не поднимая головы, — «рыбины» тоже нет, разрешите мне пересесть «на банку», на корму?

— Ну, конечно, — ответил Карло Б. очень удивленный безусловной правильностью морских выражений и изысканно-вежливым построением фразы.

Бритый человек в серой холщевой одежде, заклеенной позором, перелез через скамью и уселся рядом с офицером, как бы брызнув на него отвратительным запахом жирных неумытых волос и грязного тела и белья. И к коленям офицера то и дело притрагивались колени арестанта. А когда этот последний взялся за весла и начал очень энергично гребсти, это нечаянное соприкосновение превратилось в неизбежные регулярные толчки. И очень часто тяжелое

дыхание, вырывающееся из стиснутых губов арестанта, обдавало все лицо офицера, но он с удивительным спокойствием сохранял свою прежнюю неподвижную позу. Зато взгляды их ни разу не встретились. Что-то гнетущее, непоморно-тяжелое придавливало взгляд арестанта, и он не имел силы стряхнуть эту тяжесть, знав, что не сможет встретиться со взглядом своего противника, не вынесет его. И глаза его бежали, метались из стороны в сторону, чувствуя, что борьба непосильна и противиться ей бессмысленно. Ненависть, месть, злоба... раскаяние, стыд... как знать? — все эти чувства чередовались одно за другим, то сливаясь, то выступая отдельно, и в совокупности они производили удивительное впечатление, освещая порой сумрачным мерцанием, а порой яркими молниями экзальтированный порыв души в полной прострации, или... пустое место вместо души.

И, словно боясь, чтобы как-нибудь не угадали всего, что в нем происходило, человек этот, буквально надрываясь, силился подавить каждое проявление своих чувств яростной греблей; и скоро дыхание его превратилось в ужасающее клокотание, свист и шипение, и пот исполосовал лицо.

— Полегче, полегче, не надрывайся так! — неожиданно сказал ему командир миноносца. А сам в душе тотчас же раскаялся, что заговорил и мысленно пугнул себя: «вот как хватит он меня сейчас веслом!..»

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное и странное, хотя само по себе незначительное: № 752 задержал в воздухе неподвижные весла и в первый раз осмелился медленно приподнять свой взгляд до взгляда того, кто заговорил с ним, и встретиться с его глазами. И при этом точно что-то давно-давно залитое грязью, изуродованное ею, разложившееся, опять вырвалось из этой грязи и выглянуло на свет божий.

— Спасибо вам, — кратко и просто сказал он. И как бы в виде благодарности стал тотчас же гребсти еще ретивее и сильнее; но взгляд его опять омрачился и ускользнул от взгляда офицера. И выражение глаз, и каждое движение тела снова стали не человеческими, а звериными: то робкими и приниженными, то яростно-злыми...

— Ладно, ладно, ничего больше тебе не скажу! — подумал Карло Б. и закурил вторую папиросу.

Узенькая тропинка змеилась среди скал, белая, каменная, сухая, как высохшее русло потока. Слоями поднимался из нее жар и зной: июльское солнце казалось как-то особенно скопилось и сгустилось в ней, и рождалось впечатление, что какие-то невидимые костры пылают под этой тропинкой, накаливая ее. От времени до времени далеко мелькала полоса лазурного моря; оно вырезывалось как бы в рамке, среди углов нагроможденных каменных глыб. Но это море было так далеко, как будто оно находилось уже на другой планете, там, где кипела жизнь, пестрели краски и цветы, а смотрели на него с другой, уже умер-

шей, потухшей планеты, где даже кустарники мастиковых деревьев производили впечатление каких-то ископаемых окаменелостей, готовых рассыпаться при первом к ним прикосновении.

Лошадь в поводу арестанта окончательно выбилась из сил, вся спина ее вспарилась, она шаталась, ей постоянно приходилось изображать козу: так трудно было карабкаться по камням. Но человек был безжалостен к ней, и его непрерывный, понукающий крик повторялся безостановочно все с одной и той же интонацией, и походил на грустное, монотонное завывание голодных диких зверей по ночам в пустыне. Впрочем он и к себе не знал никакой жалости: помогал лошади изо всех сил, и его пропотевшая спина сравнила теперь цвет маленького белого квадратика, как бы стирая это клеймо позора.

Взгляд командира миноносца останавливался то на крупной лошади, то на спине человека с громадным удивлением. Было ли это вызвано солнцем, или нестерпимыми толчками тележки или белым сверканьем скал, но что-то новое рождалось в его мысли, что-то, похожее на раскаяние при виде этих двух живых существ, страдающих из-за него; и, сам себе не объясняя почему, он чувствовал громадную разницу в своих теперешних переживаниях и тех былых переживаниях, когда он смотрел на такие же согбенные, измученные, желтокожие фигуры японцев и китайцев, «кули», которые столько раз тащили его в «джерикше». Тогда он глядел на их обливающихся потом тела совершенно равнодушно; почему же теперь он относился к этому совершенно иначе, глядя как из-за него страдает этот злодей, совершивший какое-то преступление? Потому ли, что он знал, что с

ним нельзя было говорить... и ему нельзя было заплатить? Но как-бы велика ни была вина этого человека, все же становилось нестерпимым сознавать, что он, Карло Б., является теперь каким-то орудием искупления этой вины.

Вот почему при особенно крутом и трудном подъеме, когда животное и человек, слившись в одном усилии, образовали как бы одно измученное, доведенное до отчаяния существо, лошадь дрожала и подгибала колени, а человек, надрываясь, тащил ее, понукая и голосом, и жестом, — командир миноносца не смог дольше терпеть, крикнул «стой» и соскочил.

— Ну и теперь, конечно, этот изверг № 752 сбросит меня туда в овраг, сказал — про себя Карло Б. — С ним ведь, говорят, шутки плохи, и разговаривать не рекомендуется, а тем более, что, ведь, ему терять нечего, прикончит — одним человеком больше или меньше, для него все равно... Впрочем, посмотрим...

— Вам что-нибудь угодно, господин командир? — униженно спросил преступник,

— Я бы этого в цепях закованного держал, а не посылал бы его проводником, — думал лейтенант Б.

— Успокойся, — повторил белый серому с полосами, — что с тобой? Кем ты был?

обнажая голову и вытягиваясь по-военному рядом с лошадью.

— Э, 752-й, да ты еще хитришь! — подумал изумленный офицер.

Но вслух он сказал:

— Да! Мне угодно, чтобы ты малость отдохнул, торопиться не к чему.

— Как вы изволили сказать? — переспросил каторжник с таким выражением в голосе, как говорит человек, который услышал что-то совершенно ему непонятное.

Усталость придала его глазам абсолютную чистоту и наивность детского взгляда, и, засияв безграничным удивлением, смотрел теперь эти глаза на офицера, который с самым невозмутимым видом глядел вперед и, казалось, думал о чем-то совершенно другом. Пот крупными, обильными каплями стекал с лица арестанта. Грубым в своей застенчивости жестом он несколько раз стер его со щек наружной частью руки и снова повторил:

— Как вы изволили сказать?

— Говорю, чтобы ты отдохнул, кажется, понятно, и ничего в этом нет удивительного!

— Для меня это удивительно... ведь, я уже отвык... — пробормотал 752-й и не без усилия прибавил: — Спасибо вам!..

И с неестественной напряженностью стал смотреть куда-то в пространство: видно

было, что все мускулы его лица и рот дрожали от бесплодного усилия что-то выговорить. И вдруг, выпустив поводья лошади, он сжал голову обеими руками, зажурился и, начав какое-то ужасное проклятие, тотчас же, без всякого перехода, не договорив этих страшных ругательных слов, зарыдал так глухо, безнадежно долгим рыданием что оно напоминало не человеческий голос а завывание ветра. И лошадь повернула голову к нему, стараясь еще один раз решить задачу, неразрешимую не только для лошадей, но и для всех, — понять, что такое человек. Но она ничего не поняла и не стала больше смотреть.

— Клянусь честью, есть еще нечто неожиданное и непредвиденное на этом свете. — решил про себя Карло Б. — Хорош бы я был, если бы я поверил словам заведующего колонией преступников и не заговорил с ним.

И, обратившись к арестанту, рыдающему все с тем же безграничным отчаянием, он сказал ему:

— Успокойся... успокойся!..

Вокруг них грозные, гордые скалы, вспыхивая тысячами ослепительно белых огней, как бы преломляли в себе, отражая их эхом, вопли отчаяния и слова утешения. Лошадь укомпанировала ровным правильным ритмом своего дыхания рыданиям каторжника, словно намеренно внося эту новую спокойную ноту в безнадежность других звуков. И все понятия людские — страсти, пороки, предрассудки, условности, законы — казались теперь лишь абсурдом, чем-то давно-давно изжитым народами легендарных времен; и не существовало в эту минуту других людей, кроме этих двоих, сравненных абсолютным одиночеством, не знающим прошлого.

— Успокойся, — повторил белый серому с коричневыми полосами, — что с тобой? Кем ты был?

Рыдание постепенно стихало и перешло, наконец, в молчание, но в нем чувствовалась какая-то нерешительность, замешательство...

И вдруг серый человек с коричневыми полосами решился, приподнял голову:

— Вы видите перед собой бывшего матроса нашего итальянского королевского флота, — сказал он. — Да, истинная правда. Звали меня Баттист Н... И я был вестовым командующего эскадрой миноносцев М. семь лет тому назад... А!... Вы уже поняли? Вспомнили? Ну, и довольно.

Да, довольно. Взгляд офицера стал холодным, как лед, и он этим взглядом показал, что с него «довольно» и дальше слушать он не желает. К чему это «дальше»? Конечно, он помнит. Ведь, все газеты того времени были полны этим ужасающим случаем, и весь флот долго и много говорил о нем... Так, значит, перед ним сейчас человек, совершивший ряд постыдных преступлений: он был вестовым командующего эскадрой и вместе с ним прибыл в отпуск в Турин, там влюбился во француженку, шансонетную певичку, обокрал все драго-

ценности у жены своего командира и дезертировал, убежав со своей девидей в Марсель... дезертир и вор... Но через несколько дней, — судебным процессом не выяснены были мотивы преступления, — через несколько дней он задушил эту порочную особу, погубившую его... убийца... Его разискивали, нашли, преследовали, и он защищался, как зверь, ранил одного из агентов, и арест его, судя по газетным сообщениям, был «выдающимся по буйству». Итак: дезертир, вор, убийца и бунтарь...

— На несколько лет приговорен? — едва слышно спросил Карло Б.

— На двадцать, — глухо ответил каторжник; и эта цифра сама собою как бы наметнула на страшную угрозу пожизненного заключения, ибо в ней была грань жизни и смерти.

Наступило продолжительное молчание. Собравшись в невидимые облака, законы людские, законы непреложные, поднялись от далекой земли и, опустившись на дикие скалы этого безлюдного острова, стали между двумя людьми ледяной перегородкой, диафрагмой, не дающей им обоим дышать. По одну сторону этой перегородки была ужасная судьба человека, шагнувшего от любви к преступлению, были глаза, видевшие так близко последний страшный взгляд жертвы на своего убийцу, и эти глаза теперь, казалось, видели все это еще раз: были руки, с пальцами, сведенными безмерной злобой, умножившей их силу в тот момент, когда они сдавливали шею, как бы перекрывая ее артерии; и эти пальцы, как цепкие когти грозных драконов, создаваемых больной фантазией желтых азиатов, сейчас тоже машинально и судорожно сжимались и разжимались, словно пробуя опять «то». А по другую сторону ледяной перегородки стояло непреодолимое отвращение и тщетное усилие найти еще где-то в глубине души то, редко встречающееся и так труднонаходимое, что называется «состраданием». Но вместе с тем стояло то же любопытство, потребность наблюдать и изучать этот новый экземпляр латинского слова «homo»... (человек).

— Я раньше был в Низиде, но год тому назад меня перевели сюда... За все эти годы мне еще ни разу не пришлось видеть с тех пор чего-нибудь близкого к флоту, чего-нибудь даже соприкасающегося с ним... Я не видел никого, одетого так, как прежде был одет я... Не видел ни нашей формы, ни наших кораблей. Ваш миноносец, — первый корабль, который мне пришлось увидеть с тех пор... Не сказать вам, что я сегодня пережил. Убиться хотелось бы мне... А вместо того, вот видите, плачу... Не спрашивайте, не спрашивайте ни о чем... дайте мне поплакать...

И он зарыдал, — № 752, — рыдал, обливаясь слезами, с безумным отчаянием, низко наклонив голову. Потом вдруг приподнял ее, и глаза его сверкнули.

— Господин командир, — выговорил он, — вы были очень добры к такому несчастному существу, как я. Вы такой же добрый, как все там во флоте, я не забыл. И я осмеливаюсь просить вас об одной милости.

— Милости?

— Да! Когда изволите выйти в море?

— Сейчас, как только вернемся.

— Так вот что... Клянусь вам, мне все на свете безразлично, я уже человек конченный, тут и умру среди этих скал. Одним номером меньше, что за важность? Только вот одно осталось для меня важное... Мне бы хотелось, чтобы флот простил и отнесся с снисхождением... Понимаете?.. Ведь, я убил тогда потому, что проявился мой разум, и я понял, как гадка и ничтожна эта мерзкая тварь, которая толкнула меня на то, что я сделал. Это был мгновенный порыв, порыв ужаса, гнева, мщения... Уж очень она была подлая и низкая... Я в этом никому еще не признавался, да, пожалуй, никто бы мне и не поверил...

Он зажмурился, с отчаянием тряхнул раза два головой и продолжал:

— И вот теперь я прошу у вас одной милости. Не требуйте разъяснения, я бы не мог вам его дать... Пусть это будет маленькая странность человека заживо-погребенного и много-много перекумавшего. Когда отвалит миноносец, я буду смотреть на него с самых крайних камней мола. Прикажите дать сигнал сиреной... С меня этого достаточно... Как видите, я не слишком многого прошу у флота и у вас лично. Малую толику пара, — вот и все... Пустяк! Вы окажете мне эту милость, да?

Командир миноносца «Проклион» ответил не сразу: он несколько раз прикусывал губы и потом лишь утвердительно кивнул головой.

— Садитесь! — сказал ему каторжник почти повелительно.

И, схватившись за повод лошади, он заорал, что было силы, среди безмолвия скал, свой обычный подбадривающий крик:

— Аррринини!!

— Право руля! Ход вперед! Средний! — скомандовал командир «Проклиона», едва они отцепились от буя. — Помощник командира, дайте сигнал сиреной...

— Сигнал сиреной? — с удивлением переспросил унтер-офицер, — но, ведь, мы же одни? И, чтобы увериться еще раз, что он не ослышался, повторил:

— Изволили приказать сигнал сиреной? Отчеканивая каждый слог, лейтенант Карло Б. подтвердил:

— Да, я приказал дать сигнал сиреной. И погромче, и попродолжительнее!

И сирена кинула свой громкий, необычайный призыв в далекое небо. Скалы Капрайи тысячами отголосков ответили ей, что они поняли. И казалось, целое далекое племя громадных гранитных гигантов рассмеялось неожиданным радостным смехом, рассыпая его по этой скорбной земле.

Рассказ К. БОГОЛЮБОВА

Иллюстрации С. ЛУЗАНОВА.

Баль выполз из пещеры рано утром, когда голубой туман еще клубился в долине, но соседние холмы уже были освещены солнцем. Жизнь казалась ослепительной, как молнии, и утренний холод не заставлял отчаиваться. Согрев очоленевшие пальцы дыханием, Баль сорвал какой-то цветочек и разглядывал его с наивной радостью, которая может показаться сентиментальной и даже смешной, но которая приличествует человеку, только что вышедшему из тюрьмы.

Обстоятельства жизни Балья не представляли ничего особенного. Восемь лет он пробыл в тюрьме, созерцая белые стены своей камеры, а когда его выводили на прогулку на двор, он мог полюбоваться еще и небом. Небо может быть величественным и прекрасным, но оно пустое и неинтересное, и не в силах наполнить наши глаза. Потому Баль не смотрел на небо. Он ходил положенные полчаса, опустив голову, вдоль тюремной стены, такой же белой и скучной, как и стены его камеры. Все трещины в камне, углубления и выпуклости были изучены. Баль знал до мельчайших подробностей, где именно осыпалась штукатурка и сколько кирпичей выглянуло на свет из под извести. Он знал наперечет все дарашины, сделанные на полу каблуками его предшественников в шестой камере второго этажа.

Но это было ужасно. Восемь лет видеть одно и то же—это было ужасно, и, вспоминая об этом, Баль дрожал больше, чем от холода.

Однако, ему удалось бежать. Тюрьма была старая и находилась в захолустье городке. Охрана же отличалась необычайной сонливостью и не сумела помешать предприимчивым заключенным, которые, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, прорыли подкоп и в одну прекрасную ночь бежали. Следуя заранее принятой тактике, сразу же за стенами тюрьмы беглецы начали действовать по одиночке: разными улитами достигли они предместья, разные дороги привели их в лес.

Баль целый день блуждал в чаще, потеряв представление о севере в юге, и не раз

бледнел при мысли, что—вдруг заросли раздвинутся, трава станет совсем низкой, и он очутится в двух шагах от городской заставы, где, конечно, его возвращению будут рады. Наконец, в сумерки Баль выбрался на берег безымянной лесной реки и шел вниз по течению, пока не наткнулся на маленькую пещеру в береговом обрыве. Здесь он провел свою первую ночь на свободе.

Теперь он стоял с цветочком в руке, охваченный беспомощной радостью и подавленный необыкновенным разнообразием окружающего мира. Под ногами была густая трава, серебристая от обильной ночной росы, потом росли низкорослые пышные кусты, осыпанные белыми цветами, а еще дальше возвышались деревья с коричневыми стволами и необычными кронами. По небу плыли тонкие облачка, и кружили на горизонте аэроплан—черная точка, которую можно было принять за птицу, если бы она не выдавала свое подлинное значение гудением. Издали доносились завывания фабричных гудков, и Баль понял, что он отошел от города достаточно далеко для того, чтобы не тревожиться понапрасну.

Тюрьма была в прошлом, впереди—начиналась жизнь. Темная камера сменилась несказанно великим лесом, по которому можно было идти бесконечно долго, встречая все новые и новые чудеса.

Заботы о пище еще не угнетали, но Баль захотел пить и, спустившись к реке,пил воду большими глотками, изредка переводя дух, причмокивая и облизывая мокрые губы. Напившись, он посмотрел на небо, желая вновь испытать трепетное восхищение облаками, но—вместо того—стал слушать.

Отдаленное гудение пропеллера теперь превратилось в рев, отрывистый и возбужденный. Аэроплан медленно волочился над деревьями, почти касаясь их вершин своим брюхом, и вдруг, нелепо накренившись, упал вниз.

Баль побежал по тому направлению, куда упал аэроплан, чтобы узнать в чем дело, и увидел следующее: в двух шагах от его пещеры, на полянке, лежала на боку стальная птица. Впрочем, теперь она была только неуклюжим сооружением из ме-

тала, с вывороченным шасси, с безнадежно искореканными крыльями и поломанным пропеллером. Возле сидел человек с наведенным на самые брови кожаным шлемом.

Когда Бэль подбежал к нему, охваченный страхом и жалостью, человек сказал довольно спокойно:

— Ничего особенного не случилось... Снизился я довольно удачно...

Затем он стал ошупывать свою правую ногу, осторожно поглаживая ее ладонями, и в то же время продолжая говорить:

— Я всегда знал, что с этими машинами ничего доброго не выйдет... Мне еще удалось снизиться... Видимо, простой вывих..

Попробовав изменить положение своих ног, человек застонал.

— Я помогу вам, — сказал Бэль, но человек застонал.

— Помогу вам, — сказал Бэль, но человек раздраженно ответил:

— Лучше сбегайте в город. Я видел, он неподалеку.

Бэль конфузливо улыбнулся.

— В город я не пойду.

— Глупости... пойдите в город и скажите, что Эффери требует помощи.

Бэль повторил свой отказ громче:

— Не пойду. Меня там арестуют.

Человек окинул его взглядом и, видимо, правильно оценив серую куртку Бэля. Во всяком случае он замолчал.

— Я сам сделаю, — сказал Бэль, раньше я делал это довольно удачно.

Стараясь действовать возможно нежнее, он ошупал ногу летчика и понял, что действительно имеет дело с простым вывихом. Затем, придерживая колено, он несколько раз всгряхнул распухшую лодыжку.

— Хорошо, — сказал он, — опухоль должна опасть.

Когда эта болезненная операция была закончена и сустав занял свое естественное место, летчик спросил:

— Вы беглый каторжник?

— Да.

Бэль кивнул головой и озабоченно заговорил о другом:

— Я перенесу вас в пещеру. Там будет удобнее, а дня через два вы встанете на ноги.

— Вы думаете встану? Хорошо. У меня там — человек указал на разбитый аппарат — шерстяное одеяло.

Час спустя, Эффери лежал у входа в пещеру, повествуя о своем последнем полете...

— Когда аппарат начал работать с перебоями, я стал искать удобное место, какую-нибудь поляну. Понимаете?

Бэль взглянул на него равнодушно.

— Понимаю. Но вам нужно полежать несколько дней, а в город не пойду.

я — Что же мы будем есть?

— Что мы будем есть, — повторил Эффери, — а что вы будете есть?

— Я — другое дело. Я не думаю сидеть в этой берлоге. Где-нибудь в лесу я достану себе... а в город я не пойду.

Сказав последнюю фразу весьма сердитым голосом, Бэль отвернулся и смотрел на реку. Эффери следил за ним сзади, спрятав руку в карман, где был револьвер. Он понимал, что появление постороннего человека мешает замыслам беглого каторжника, и готовился ко всему. И вдруг он заметил, что пасмурное лицо Бэля светлеет. По волосатым губам человека в серой тюремной куртке проползла улыбка, его маленькие круглые глазки сощурились, а тело, распластанное на земле, задрожало от сдержанного хохота. Действительно, Бэль смеялся, зажимая рот ладонью и не отрывая глаз от реки.

— Что с вами? — спросил Эффери.

— Молчите, — шепнул Бэль, сдвинув брови и даже погрозив пальцем.

Тогда Эффери осторожно подполз к нему и растянулся рядом. Они лежали на краю высокого глинистого обрыва, внизу кипела река, бросая вверх голубые взорванные волны. И с противоположного берега, осторожно топя широкими пятками, спускалась к воде медведица, а за нею ковылял медвежонок. Внизу медведица огляделась и затем погрузилась в воду до самых ушей; ласковым ворчаньем она приглашала своего ребенка сделать то же самое. Но медвежонок трусливо макал лапу в воду и мгновенно отскакивал назад, видимо, пугаясь холода. Потом он сел в сторонке и жалобно подвывал, пока медведица стояла по горло в воде.

Эффери толкнул своего товарища локтем.

— Что она делает?

— Выгоняет из шкурки блох, — ответил Бэль шопотом, — я слышал об этом.

Выкупавшись, медведица пошла обратно в лес, и медвежонок плелся за нею по пятам, наклонив морду к земле и, повидимому, с трудом преодолевая крутизну берега. Когда он споткнулся и упал на спину, задрав лапы кверху, Бэль не выдержал:

Он захохотал, разевая рот, как только мог, приплясывая и хлопая в ладоши, как мальчишка.

Он ошупал ногу летчика...

Выкупавшись, медведица пошла в лес. Медвежонок споткнулся и упал на спину, задрал лапы вверх...

— Цирк, честное слово... переваливаются, словно кегли, — приговаривал он в промежутках между взрывами неистового хохота.

Эффери смеялся более сдержанно, но и в его глазах была та же простодушная радость, как и у его товарища. Мало-помалу Бэль успокоился и почему-то устыдился своего поведения. Неуверенно почесал в затылке, как будто бы это действие могло оправдать его мальчишество.

— Ну и что ж, — сказал он со злостью. — Что же тут удивительного? Я не виноват, что просидел восемь лет в тюрьме.

Ему почему-то казалось, что Эффери его осуждает.

— Конечно, не виноват, — повторил Бэль необыкновенно энергично: — Восемь лет я видел одно и то же, и неудивительно, что всякая диковинка меня забавляет. Что ж тут смешного? Я, ведь, не летал, как вы, по триста километров в час, а из года в год мотался по камере. Это вам известны разные разности, а я...

Он умолок, поглядывая на Эффери исподлобья. А тот сосредоточенно копал пальцем песок и не возражал ничего.

— Ну, да, между нами огромная разница, — настаивал Бэль, предполагая молчаливое возражение: — вы исколесили весь свет, а я сидел в конуре и плевал в стену. Вы только сейчас неподвижны, а я только сейчас освободился. Я не виноват, если обрадовался медведям.

— Нет, вы неправы, Бэль, — сказал Эффери, — разницы между нами нет. Действительно, я делал по триста километров в час, но, послушайте... Я летал так высоко, что земля казалась серым, невзрачным пятном. Кое-где были домики — белые камушки, кое-где — синие полоски речек, зеленые рошды казались хлопьями ваты. Это похоже на раскрашенную модель Альп. Нередко земля была покрыта туманом, нередко подо мною был океан, косматый

и неприятный, а вокруг — небо. Кроме того, земля бежала подо мною, как вода с гор, и я не успевал рассмотреть ничего. Я только слушал одно и то же гуденье мотора и, делая по триста километров в час, видел так же мало, как и вы, Бэль.

— Я не знаю, — продолжал он, — понимаете ли вы меня? Мы воспринимаем каждый предмет во времени и пространстве, и между временем и пространством должно быть равновесие. Чтобы ознакомиться с вами, я смотрю на вас минут десять, сколько понадобится. Но если вы будете передо мною пять или шесть лет, у меня появится отвращение. Так и у вас восемь лет перед глазами была одна и та же камера. А я? Если я окинул вас беглым взглядом, если вы стояли передо мною одну сотую секунды, что я скажу о вашем лице? В вашей тюрьме было слишком мало пространства и много времени, а у меня — мало времени и много пространства, потому что я делал по триста километров в час. Одно и то же нарушение равновесия между формами наших восприятий. До сих пор я, как и вы, не слышал шестиста листьев, не видел кипящей воды и купающихся медведей. Сейчас я освободился, как и вы, обрел потерянное равновесие между временем и пространством: я могу смотреть на предметы столько, сколько захочется.

Эффери перевел дух и Бэль воспользовался этим перерывом, чтобы откашляться.

— Возьмите у меня револьвер, — продолжал Эффери, опуская руку в карман, — и убейте на ужин птицу, — я думаю, что выстрелов никто не услышит. Мы подождем здесь, пока я буду в состоянии ходить, а потом вместе перевалим через холмы, чтобы уйти от полиции. Вдвоем нам будет безопаснее, и мы увидим прекрасный зеленый лес, который шумит, дует и благоухает, в котором живут невиданные звери, и чудесные птицы таятся среди листвы. Мы, ведь, этого не видели никогда.

В НОВОМ КИТАЕ

Рассказ ФРЕДЕРИКА ОБРИЕН

ПАССАЖИРЫ.

Я лежал на своем раскидном кресле, когда мы вышли из гавани Гонолулу.

«Бива-Мару» простояла в Гонолулу несколько часов по пути из Сан-Франциско на восток. Я был в Гонолулу своим человеком, «камаа-ина», как говорят гавайцы, и за короткое время стоянки успел искупаться в Вайкики и позавтракать с моим приятелем Альбертом Тейлором. Он сказал мне, что еще увидится со мною на пароходе, куда придет провозить своего друга Лойда Гордона, англичанина, прожившего на Гавайях несколько недель и возвращавшегося теперь к себе домой в Гонг-Конг.

Тейлор пришел в мою каюту на «Бива-Мару» и повел меня знакомиться со своим приятелем. В каюте Гордона звенела гитара и в центре маленькой веселой группы гавайцев сидел сам Гордон. Это был высокий человек лет тридцати, с очень черными волосами. На шее его была гирлянда из желтых «Маули-пима», прекрасных, но слишком пахнущих цветов, которыми сентиментальные гавайцы украшают уезжающих друзей, приходящих к ним гостей, собутыльников, вообще всех, кто хочет быть весел.

Раздался предупреждающий звонок. Вверх и вниз по коридору зазвучал гонг. Гордон обнял одну из девушек—гавайтянок, самую красивую, взял в руки миниатюрную португальскую гитару и звучным баритоном запел песенку.

С последним свистком веселая компания сошла на берег и посыпала отсюда приветствия. Настроение Гордона изменилось, как только расстояние между берегом и пароходом стало слишком велико, чтобы махать рукой остающимся.

— Я люблю этих людей,—сказал он,—они простые и сердечные.

Странно, что голос Гордона звучал теперь другим тембром. До этого голос сто был обыкновенным голосом культурного англичанина. Теперь легкий оттенок волнения выдавал несомненную южно-китайскую интонацию. Я внимательно посмотрел на Гордона и заметил в его правильном английском лице легкий намек на вылающиеся скулы и на узкие глаза Средней Империи.

Пока пассажиры смотрели на удаляющиеся берега, я мимоходом прочитал имена, приколотые на раскидных креслах на палубе, рядом с креслом, занятым мною. На трех была надпись: «От Лос-Анжелос до Гонг-Конга. Мистер Альберт Бакстер, миссис Бакстер, мисс Бакстер».

Мистрис Бакстер! Это должна быть Реби Стоун. Я мысленно вернулся на двадцать лет назад. Я не видел ее со дня ее заму-

жества. Когда-то она причиняла мне много хлопот. Реби и я вместе работали в одной газете в Лос-Анжелосе. Она была первой привлекательной женщиной-репортером, которую я встретил в своей жизни. Высокого роста, широкоплечая, с тяжелой поступью и с сильной примесью мужественности. В красоте ее было нечто дерзкое. У нее был прекрасный цвет лица, сверкающие черные глаза, блестящие каштановые волосы, рубеновский бюст, широкие бедра. Сильное, здоровое, ароматное тело, мучительно привлекательное для худошавых, бледных, нервных мужчин, как наш редактор Фэрчайльд.

До Гонг-Конга три недели плавания и мне придется провести это время в обществе семьи Бакстер.

Я прогулялся по палубе и, вернувшись к своему креслу, увидел крупную женскую фигуру. Преду мной была Реби Стоун. Я узнал ее сразу. Двадцать лет изменили ее ровно настолько, чтобы лишить всякого обаяния и преувеличить все недостатки. Рост, фигура, выражение лица были те же, но когда-то крепкий подбородок утроился, уши, потерявшие форму от долгого ношения тяжелых серег, были очень красны и напоминали вареных раков. Мертвенный вид каштановых волос говорил о борьбе с сединами. Крупные, преувеличенно наманикюрные руки сверкали кольцами.

Только глаза ее были те же, блестящие, дерзкие, двичные, несмотря на коричнево-желтоватые круги под ними и отяжелевшие веки. Она сняла пенсэ и протянула мне руку, не беспокоя своего массивного тела.

— Приятно видеть вас снова,—сказала она.—Как давно мы не виделись? Ах, не будем говорить о прошлом. Вы познакомились с мистером Бакстером? Вы знаете, что у меня взрослая дочь? Ей девятнадцать лет, но она настоящее дитя... ну, понимаете, в познании грязных сторон жизни.

Она сделала паузу и критическим взглядом проводила проходившую мимо женщину.

— О чем я говорила?—продолжала она.— Да, гр-о Сюзанну. В ней еще, может быть, проснется моя любовь к литературе. Мне-то пришлось выбирать между литературной карьерой и материнством. Я не написала ни одной книги после этой последней книги о Кубе.

Я воспользовался первым удобным случаем и бежал от ее болтовни. Ее слова «последняя книга о Кубе» напомнили мне как Реби Стоун, пробив десять дней на Кубе, издала книгу, ловко сшитую, некоторые главы которой были целиком взяты из старого путеводителя. Разоблачил ее критик оппозиционной газеты. Это и было поворотом в ее карьере. Она бросила редактора,

отказалась от работы в газете и вышла замуж за пожилого, состоятельного банкира.

Сюзанну я в первый раз увидел за обедом. В этой девушке не было и следа мистера или мистрис Бакстер. Она была среднего роста, с характерными, но в то же время не крупными чертами лица, волосы ее были подрезаны по мальчишески, а большой рот постоянно улыбался и в улыбке этой была как будто и насмешка, и серьезность.

Видя, что я близко знаком с ее родителями и, вероятно, предпочитая общество нейтрального лица, Сюзанна стала вести со мной разговоры о жизни и о том, что видела во время своих путешествий. Японцы и китайцы были для нее до сих пор только слугами, мелкими торговцами, злейшими врагами, какими их выставляют американские писатели и полидейские. Я рассказывал девушке про Китай, про величие его истории, про его прекрасное и самобытное искусство, про его знаменитых писателей и поэтов.

Я хвалил ей поэму Ли По на английском языке и книгу Ресселя о Китае. Сюзанна заинтересовалась, но все же слегка сомневалась в китайской культуре.

— Я совершенно не вижу тех стран, в которых мы бываем,—жаловалась мне Сюзанна.— Возьмите хотя бы Китай. Мама черпает все свое представление о Китае из романов. Она думает, что это всего только болшая, грязная страна, полная курильщиков опиума, но она с ума сходит по нефритовым серьгам, интересным ожерельям и разным таким вещам. Ах, почему я не мужчина! Я увидела бы все эти сады и храмы, про которые вы рассказываете.

— Какого вы мнения о мистере Гордоне?—спросил я.

— Он симпатичный, но какой то таинственный. Все, что я знаю про него, это что он юрист, холостой, и родился в Кантоне. Ну, завтра я уж буду знакома с книгой Ресселя и с Ли По.

Она унесла книги, которые я ей достал из своей каюты.

На «Бива-Мару» был великолепный бассейн для купанья. Дно бассейна понемногу понижалось. Соленая вода была восхитительной температуры и так прозрачна, что тела купающихся казались золотыми рыбками в стеклянном аквариуме. В розовом купальном костюме Сюзанна казалась новой девушкой. Она была прекрасно сложена, а на обнаженных руках и ногах сохранился загар от солнечных лучей южной Калифорнии. Гордон в воде чувствовал себя в своей сфере. Он учил Сюзанну плавать и, когда они держались за руку, можно было заметить, как радостны для них эти прикосновения.

Наши каюты с Гордоном были рядом. Моя близость с ним началась с общей дружбы к Тэйлору, но мы скоро нашли, что у нас очень много общего. У него была свобода взглядов, утонченный культурой вкус и всякое отсутствие искусственности. Это очень удивило меня, потому что за малым исключением англичане в Китае ли-

шены всякой культурности, поверхностны, не любят жителей Востока, интересуются только собственным преуспеянием, национальным усилением и спортом. Во время путешествия мы много разговаривали с Гордоном. На десятый день пути он мне сказал:

— Завтра мы будем в Йокагаме. Что вы оденете сегодня на маскированный бал? Я хочу удивить своих знакомых и, быть может, узнать, что они на самом деле обо мне думают.

Он говорил веселым, но вызывающим тоном.

— У меня есть полный костюм мандарина, который мой отец надевал несколько раз в Кантоне. Он был пожалован мандарином за содействие постройке Кантон-Ханкоуской железной дороги. Но теперь мандарины в Кантоне редки. Кантон стал демократичнее лондонской Мэн-Стрит. А знаете, я сказал сегодня мисс Бакстер, что во мне есть китайская кровь. Вы то, конечно, об этом догадывались? Если говорить о крови, то я на одну восьмую китаец. Но я не стыжусь своей китайской крови. Она не манджурская, а чистая китайская. Я считал, что должен все это сказать мисс Бакстер, потому что против китайцев существует какое-то странное предубеждение. Я же не хотел бы обманывать именно мисс Бакстер. Не знаю, как отесется к этому ее мать, хотя, кажется, американцы смотрят на это иначе, чем англичане.

— Сюзанна—новая американская девушка,—сказал я.—Она приобретает собственные, независимые взгляды. У каждого поколения есть «новая девушка». Мать ее тоже была такой в свое время.

ГОНГ-КОНГ.—БЕЛЫЕ И КИТАЙЦЫ.

Не существует более странного современного города, чем Гонг-Конг. На скалистом острове, на котором когда то жило несколько рыбаков, англичане построили великолепную столицу с тысячами каменных дворцов, с домами и конторами, с отличными мостовыми и внушительными укреплениями. Для нужд горсточки белолицых там целое войско прислуги, поваров, лакеев, рикш, шофферов и нянек. Полмиллиона настоячивых, жестких китайцев просочилось в эту коммерческую и военную крепость, воздвигли другие каменные фабрики, магазины и здания, настроили дома для жилья и лачуги. Желтое море азиатских лиц заливает большие улицы, где белые лица властелинов из-за моря проплывают точно экзотические цветы. Тут — лачуги, дворцы, тюрьмы, собор и другие церкви, банки и финансовые ячейки всего мира, бифштексы, эль, виски, лошадиные скачки, приемы у губернатора, дни рождения короля, вся пустая пышность империи, раскинувшейся от Лондона и Ланкашира до Тасмании и Родезии. Это центр британского могущества на всем Дальнем Востоке, святое святых фунта стерлингов.

Теперь Гонг-Конг был в тревоге. Банкиры встречались и покачивали головами. Британские канонерские лодки жужжали

вокруг морской базы. В Кантоне, несколько часов тому назад, Сун-Ят-Сен стал президентом Южной Республики Китая и генералиссимусом китайской армии. Англичане были возмущены им. Коммерческие дела рушились. Этот самый знаменитый в мире китаец, уничтоживший вековую монархию, распространил из Кантона ненависть к капитализму и к британской короне. Слуги стали менее почтительны; они просили прибавки жалованья; рикши торговались с седоками о плате. Десятки тысяч людей, пятьдесят лет ежедневно и молча переносивших пинки и удары английских начальников и их индусских полицейских-сиков — теперь бастовали и выражали протест.

Воздух был насыщен недовольством, когда я приехал в Гонг-Конг, после небольшого путешествия по Корее. С «Бива-Мару» я распростился три недели тому назад в Йокагаме. Приехав в Гонг-Конг, я вызвал по телефону Гордона. Он сказал, что хотел бы немедленно меня повидать. — В ресторане Гонг-Конг отеля, — предложил он.

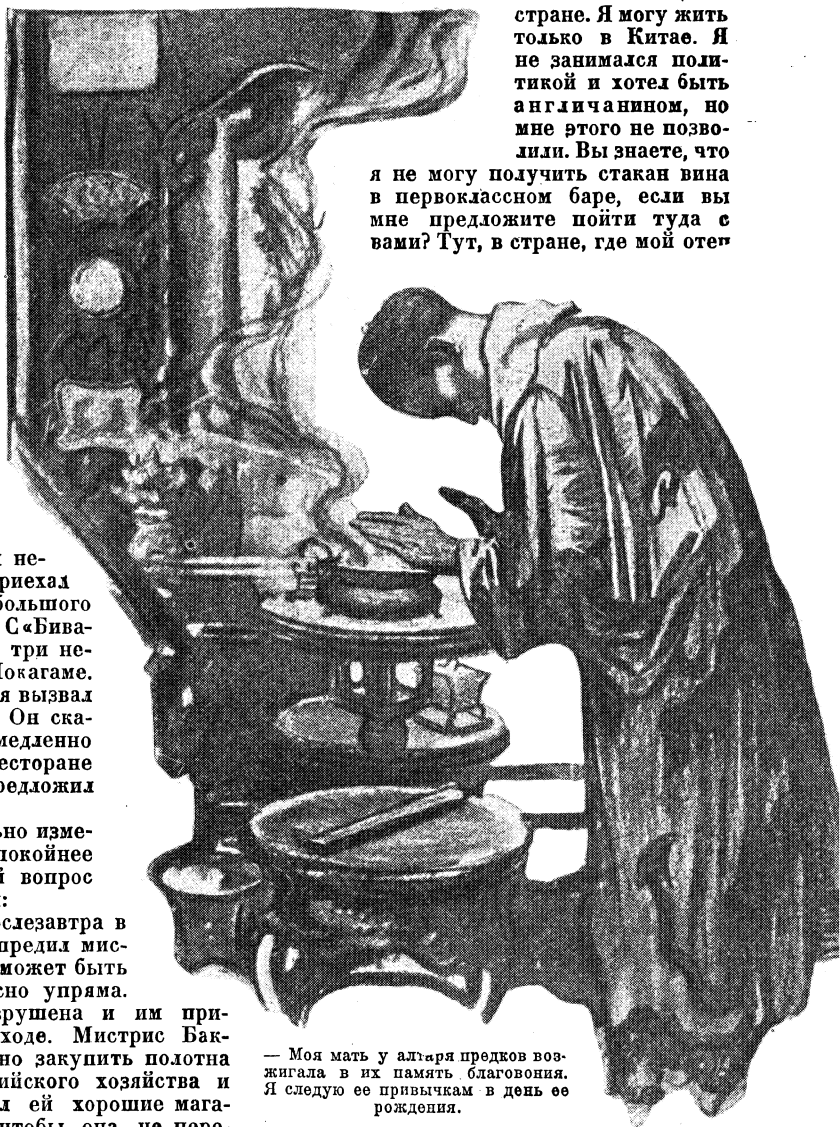
Я нашел, что он сильно изменился, стал как то спокойнее и вдумчивее. На мой вопрос о Бакстерах он сказал:

— Я еду с ними послезавтра в Кантон, хотя и предупредил мистрис Бакстер, что это может быть опасно. Но она ужасно упряма. Железная дорога разрушена и им придется плыть на пароходе. Мистрис Бакстер желает непременно закупить полотна для своего калифорнийского хозяйства и хочет, чтобы я показал ей хорошие магазины и последил бы, чтобы она не переплатила. У меня может не быть случая поговорить с Сюзанной наедине. Если вы истинный друг, уговорите родителей отпустить с вами завтра на прогулку Сюзанну. Я буду вас ждать с моторной лодкой в гавани.

Я обещал сделать все, что в моих силах. Мы невольно перешли к разговору о Китае и его засушных задачах.

— Китай выплывает, — горячо говорил Гордон. — Он существует уже четыре тысячи лет. Когда мои английские прадеды одевались в шкуры и отрывали зубами с костей сырое мясо, Китай глубоко погрузился в философию и художественную

культуру. Вы знаете, что сегодня платят делье состояния за фарфор, лаки и нефрит того времени. Я только на одну восьмую китаец, английский гражданин, но все мои симпатии — в этой стране. Я могу жить только в Китае. Я не занимался политикой и хотел быть англичанином, но мне этого не позволили. Вы знаете, что я не могу получить стакан вина в первом классе баре, если вы мне предложите пойти туда с вами? Тут, в стране, где мой отец

— Моя мать у алтаря предков возжигала в их память благовония. Я следую ее привычкам в день ее рождения.

и дед были почтенными англичанами, я — отверженный. Он помогал, потом продолжал все с той же горечью: — У меня привычки англичанина, но мне, вероятно, придется жениться на китаянке. Разве англичанка или американка захочет разделить со мной такое изгнание из общества?

Я расстался с Гордоном и отправился к Бакстерам, жившим в грандиозном отеле на берегу залива. Тысячи рабочих за невероятные гроши в два года превратили каменистый склон горы в роскошную местность в западном вкусе. Пообещав мистрис Бакстер, что дочь ее будет все время нахо-

даться в тени британских орудий, я добился разрешения показать Сюзанне на следующий день некоторые достопримечательности.

— Мы проведем день в настоящем Китае, правда? — умоляюще сказала Сюзанна.

Я тотчас же дал знать Гордону и, когда мы с Сюзанной встретились на следующий день, я спросил девушку:

— Сюзанна, чего бы вы хотели сегодня больше всего?

— Я знаю, что вы устроите это для меня, — воскликнула девушка. — Мне просто необходимо поговорить с Лойдом. Знаете, мама запретила мне с ним разговаривать наедине. Мэди Пенсонби — супруга губернатора — сказала ей про Гордона, что они его не принимают, что это очень печально, но англичане принуждены проводить черту, и что Гордон — за этой чертой.

— Вы серьезно заинтересованы Лойдом? — спросил я.

— Ах, если бы я знала! — Девушка готова была сделать признание, но сдержалась. — Я знаю, что он любит меня. Он все мне про себя рассказал. Его мать была на четверть китайкой. Отец же Лойда был английский инженер.

— Не одни только англичане предрешены против цветных рас, — сказала Сюзанна. — В некоторых из наших Соединенных Штатов человек является негром по закону, если у него одна шестнадцатая африканской крови. Англичане же твердо решили сохранить свою кровь совершенно белой. То же самое происходит и в Индии, и везде, где находятся англичане.

Грустное лицо Сюзанны вдруг сразу повесело. К нам навстречу шел Лойд в белом спортивном костюме. Мы сели в моторную лодку и направились в Ковлун. Лойд был видимо взволнован свиданием с Сюзанной. Девушка же вся порозовела и оживилась. В Ковлуны мы высадились, и уже в автомобиле поехали по безукоризненным военным дорогам, проведенным англичанами по этой их территории, мимо прекрасных вилл, ферм, британских укреплений, будок часовых и солдат. После непродолжительной езды мы остановились у красивого дома в большом саду. Это был загородный дом Гордона, в котором он провел все свое детство. Улыбающийся китаец-слуга провел нас в дом. Убранство комнат было соединением лучшего европейского и китайского вкуса. Одно крыло было в чистом китайском стиле и в одной из комнат был алтарь предкам.

— Моя мать часто любила тут вспоминать своих прадедов и возжигала здесь в их память благовония. Вот ее портрет. Я следую ее привычкам в день ее рождения.

Портрет масляными красками был кисти лондонского художника. Он изображал женщину лет тридцати, в европейском платье, с выразительным красивым лицом, в котором было гораздо более восточного, чем у ее сына.

Мы отлично позавтракали и затем пошли в сад, полный аромата роз. Я оставил там Гордона и Сюзанну, сам же пошел в би-

блиотеку. Я провел в библиотеке час, когда они вошли ко мне. Пора было возвращаться.

Мистрис Бакстер так довольна была, что мы рано вернулись и что у дочери ее счастливый вид, что я тут же получил от нее приглашение ехать вместе с ними в Кантон.

КАНТОН.

«Иат-Шан», с поднятым на нем флагом Соединенных Штатов, вышел из гавани ровно в семь часов утра. Мы все были голодны и первые полчаса провели за завтраком. Потом любопытство Реби пробудилось и мы должны были пойти осмотреть пароход.

«Иат-Шан» было почти совершенно новое судно, построенное для торговли Гонг-Конг-Кантон. На пароходе был удобный салон, он же столовая. Мы прошли по узким коридорам мимо кухни и помещений для команды и пришли к крепкой железной решетке, отгораживавшей всю заднюю часть судна. У запертых ворот этой решетки стоял высокий чернородый сик, обычный британско-индусский страж в Китае. У него в руках было ружье, а на поясе — револьвер.

— Не стоит туда идти, — сказал Гордон. — Как видите, в этих второклассных и третьеклассных отделениях почти нет пассажиров. Из Кантона же здесь будет настоящий муравейник. Теперь в Кантон не едет никто, кроме нас, глухых. Все, кто могут, наоборот, уезжают оттуда из-за беспорядков и постоянных стычек враждебных генералов. Второклассных и третьеклассных пассажиров запирают за решетку, чтобы они не могли броситься в переднюю часть судна и завладеть ею, как уже делали это не раз за прошедшие десять лет.

Гордон провел нас на верхнюю палубу и, лежа здесь на раскидных креслах, мы кое-как спасались от жары. «Иат-Шан» скользил по глубокому заливу Гонг-Конга, мимо множества островов, и вошел в реку, показавшуюся нам сначала только рукавом залива. С обеих сторон были темные горы, потом они исчезли, и около часа мы шли мимо плодородных полей, раскинувшихся на милю вглубь страны. Большие пространства оливково-зеленого риса, высокие бананы и бамбук окружали деревни с глиняными домиками, которые быстро приходили на смену одна другой в этой богатой и усердно культивируемой дельте.

По постоянной перемене нашего курса мы поняли, как затруднительно плавание по этой реке, которая, по словам Гордона, была одной из самых коварных рек в мире. Мы увидели на скалистой отмели пароход, разбитый пополам. Это был пароход нашей же линии, потерпевший здесь крушение в прошлом году.

Деревни на берегу теснились все ближе и ближе одна к другой. Рисовые и фруктовые поля, различных оттенков зеленого и коричневого цвета, нарезанные на маленькие кусочки, точно картонные головоломки; фарфоровые башни, знаменитые пагоды из географии моих детских лет. Вне-

реди показалась высокая гора, и мы стали приближаться к Кантону, самому большому городу Азии.

Очертания, маячившие впереди, напоминали западный город. Гигантские фабрики и торговые дома иностранных фирм. Растянувшиеся по набережной на милю пяти и шестиэтажные здания оказались магазинами и гостиницами, маскировавшимися тысячеклетный старый город, стоявший за ними.

Мы высадились на небольшом каменном молу и тотчас же были подхвачены течением уличного движения. Рикши, носильщики с не-

вероятными жестями, раздосчки, нищие, калек, лодочники, автомобили с солдатами, стоящими на подножках и держащими наготове револьверы... Автомобиль сбивал с ног пешеходов, и мы, в наших носилках с тремя рикшами на каждую, жалась к домам в тучах вонючей пыли и мух, двигаясь по желанию мистрис Бакстер к оазису из деревьев и травы. Мы прошли через ворота, где нас окликнул внимательным взглядом китайский солдат во французской форме, перешли небольшой мост через канал и очутились в спокойном месте.

Рек Стоун с проклятиями слезла со своих носилок. Пот стекал по ее лицу и образовал в белой пудре темные борозды. Жа-

ра, действительно, была мучительная. Мы были в тропиках.

— Солнце скоро оставит нас в покое, — сказал успокаивающе Гордон.

Вокруг нас были лужайки, цветущие сады, низкие строения контор и типичные европейские жилища. На консульствах развевались английский, американский, французский, японский флаги. Площадки для тенниса, для крокета, маркизы

— Мы пошли в сад, полный аромата роз. Я оставил там Сюзанну и Гордона...

и чайные столы придавали местности совершенно англо-саксонский вид. Площадки для футбола еще усиливали это впечатление.

Но нужно было только посмотреть через узкий канал, чтобы увидеть человеческий водоворот в Кантоне, из которого мы сейчас вынырнули. По берегу канала на мели тянулись маленькие плоские лодки.

— В этих крошечных лодках живут двести тысяч страшно бедных людей, —

сказал Гордон. — Они — в Китае. Это — остров Шамин. Эти сорок пять десятин принадлежат Европе, Америке и Японии. Они не Китай. Единственные китайцы, которые могут здесь жить, — это слуги иностранцев. Мы можем отдохнуть здесь несколько минут и затем вернуться в Кантон. Магазины с полотном приблизительно в миле отсюда.

Мистрис Бакстер и Сюзанна отправились отдохнуть в Виктория-отель, единственную гостиницу на острове.

— Мы вряд ли захотим бродить по улицам города, — сказал мистер Бакстер, вытирая потное лицо; — мне этот город кажется каким-то адом. Пожалуйста, уговорите мистрис Бакстер вернуться прямо на пароход.

Мистрис Бакстер очень неохотно отказалась от своего плана, но жара и пугавшая ее толпа заставили ее согласиться на доводы Гордона и мужа. Ведь, полотно можно было купить и в Гонг-Конге.

НА ПОЛОЖЕНИИ ЗВЕРЕЙ. — РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГЕНЕРАЛ. — ЗАХВАТ ПАРОХОДА.

Возле «Иат-Шана» стояла ужасная толкотня. Гавань была полна людьми, спорившими и грубо толкавшимися, чтобы попасть на пароход. Эластический предел вместимости пассажиров второго и третьего класса был уже достигнут. Сики отгоняли людей прикладами ружей, когда для нас спустился трап.

— Я за то, чтобы отчаливать, — сказал старший офицер. — Два месяца тому назад у этого мола был разнесен «По-Сай». Эти люди хотят спасти от революции свое имущество и деньги. Банки тоже. Мы ведем несгораемый ящик, полный денежных пакетов.

Один свисток — и мы отчалили среди криков и проклятий с берега. За обедом оказалось кроме нас еще шесть пассажиров и среди них китаец в прекрасной одежде кушца, со смелым и умным лицом. Я прозвал его Чингис-Ханом.

Мистрис Бакстер захотела посмотреть на публику второго и третьего класса. Мы встали рядом с часовым и заглянули за железные прутья. Мужчины, женщины и дети с их имуществом заполняли каждый дюйм пространства. Ближайшие злобно смотрели на сика.

— Между индусами и кантонцами вековая вражда, — пояснил Гордон.

Мы оставались там недолго. Мы испытывали какое-то унижительное чувство небезопасности вблизи этого роя беглецов. Сюзанна с матерью скоро ушли в свою каюту. Ушел к себе и мистер Бакстер. Мы с Гордоном побродили еще по пароходу. Все было тихо, муравейник задремав, и только местами светилась лампочка курильщика опиума.

Мы, наконец, легли спать и спали уже несколько часов, когда я вдруг проснулся от чувства, что пароход пришел в гавань. Машины стояли. Я выглянул в окно, но

сейчас же откинулся назад. Пробежала гурьба людей, и раздались выстрелы. Я нажал на ручку двери, но дверь оказалась запертой снаружи. Я уже шарил рукой, чтобы зажечь электричество, когда Гордон положил свою руку на мою.

— Спокойно! — сказал он предостерегающим голосом. — Сики стреляют.

Еще выстрелы — и ужаснейшие крики по-китайски и по-индусски. Стук тел, падающих вниз по лестнице.

Я снова высунулся в окно, но удар по голове заставил меня отскочить назад. Гордон ошупал мою голову.

— Крови нет; ваше счастье, — сказал он. — Кто-то ударил вас куском хлеба. На ваших волосах крошки.

Мы услышали какие-то китайские слова приказаний.

— Это голос не кули. Кто-то отдает военные распоряжения. Это, во всяком случае, не обыкновенные пираты, — говорил Гордон.

Вдруг дверь нашу отперли. На пороге стоял китаец с направленным на нас револьвером. За китайцем было еще трое других. Это были оборванные, как будто изможденные голодом люди, но выправка у них была военная.

Гордон быстро надел сверх ночной одежды рубашку и брюки, сунул ноги в туфли и сказал мне уходя:

— Мне очень жаль, дорогой друг, но за мной пришли.

«Иат-Шан» покачивался, ветер и течения давали ему опасный крен. Я сидел запертый в каюте и мрачно размышлял о своей судьбе и о судьбе Сюзанны и Гордона.

Вдруг пароход задрожал совершенно иначе. Машины снова заработали. Ныряние и крен прекратились. На палубе зажегся свет, и луч прожектора заскользил по воде. Неужели команда отбила атаку?

Я зажег свет в своей каюте. В эту минуту открылась дверь и тот же китаец, который увел Гордона, сделал мне знак следовать за ним.

Он проводил меня до салона, где за столом сидел другой китаец, рассматривавший список грузов «Иат-Шана». Он поднял голову и я узнал Чингис-Хана. Прислонившись к стене, стояло еще четверо китайцев с ружьями. Чингис-Хан что-то сказал своему помощнику, и меня снова повели, но теперь уже на верхнюю палубу. У колеса стоял китаец, рулевой, а в нескольких шагах от него над картой склонился Гордон. Я почувствовал огромное облегчение.

Гордон взглянул на меня и произнес:

— Идите ко мне. Вы нужны мне для определения курса по береговым огням.

Он украдкой выразительно посмотрел на меня, и я понял, что должен разыгрывать под его руководством какую-то пантомиму. Я сделал вид, что исполняю его приказания, когда Гордон шепнул мне:

— Видели вы Сюзанну?

— Никого не видел, кроме китайцев. Где наш капитан? Чингис-Хан в салоне и, повидимому, глава пиратов?

— Он не пират, он генерал, — ответил Гордон. — Я знаю только одно, что сики перебиты. Он сказал мне, что пассажирам не будет причинено никакого вреда. У меня полные руки дела. Я никогда не был шкипером большого судна. Чингис-Хан спросил меня, хорошо ли мне знакома река. «Нельзя терять ни минуты — сказал мне Чингис-Хан. — Офицеры под арестом. Это дурачье не желает меня слушаться. Я все знаю про вас и от вас теперь зависит спасти свою жизнь и жизнь своих друзей. Доведите это судно до Пей-Фу. Если вы это сделаете, судно будет освобождено в Пей-Фу. Попробуйте меня обмануть, и я никого не пощажу. Сики убиты. Они — солдаты и всегда были врагами китайцев». Мне было разрешено привлечь вас для работы — продолжал Гордон — и затем послать вас за Бакстерами. Вы проведете их в салон. Сюзанна, наверно, очень волнуется.

В сопровождении вооруженного китайца я пошел и постучал в каюту Сюзанны. Сюзанна ответила мне срывающимся голосом. Когда я вошел в каюту, мистрис и мисс Бакстер сидели одетые и Сюзанна жалко улыбалась.

— Я проведу вас в салон, — сказал я. — Если вы будете сидеть тихо, все кончится через час или два. Вы попали в революционный вихрь.

Мы выпустили из каюты и мистера Бакстера, и отправились в салон. Он молча следовал за нами и казался очень старым и испуганным. Усадив их в салоне, я пошел на поиски какой-нибудь еды для них. Нигде не осталось ни крошки. Но Бакстерам в сущности было не до еды. Я коротко объяснил им положение дел и снова вернулся к Гордону.

КОНФИСКАЦИЯ НА ДЕЛО ОСВОБОЖДЕНИЯ РОДИНЫ.

Когда свет утра залил реку, мы увидели островок Пей-Фу, расположенный далеко от обычных пароходных линий. Чингис-Хан сам присоединился к нам и давал указания. Гордон приказал непрерывно измерять глубину. Мы находились в таинственном лабиринте рукавов, через которые большая река вливается в залив Гонг-Конга. Это — обширная, плохо нанесенная на карты область, в которой вели свою кровавую работу пираты еще до времен Конфуция. Когда мы обогнули Пей-Фу, мы увидели засевшие в бухточке два больших судна. На них щетинились орудия и они казались коричневыми от солдат в грязных хаки. Несколько моторных лодок стояло тут же. Взятые в плен «Иат-Шана» было расчитано с военной точностью.

Генерал в виде сигнала четыре раза выстрелил из ружья и приказал Гордону бросить якорь. Тотчас же началась передача груза на военные суда. Несгораемые ящики с деньгами и со слитками золота и серебра, рис, чай, сушеная рыба, бочки с ка-

пустой, соль, одежда.. Работали около сотни людей, генерал их все время подгонял и интендантская часть революционных войск скоро снова была готова для военных действий. Большие корабли ушли, остались только мелкие суда. Генерал минутку еще поговорил о чем-то с Гордоном.

Потом он церемонно раскланялся и в моторной лодке последовал за судами. С ним уехали и его солдаты.

— Пожалуйста, — сказал мне Гордон, — пойдите, скажите Сюзанне, что через пять минут командование «Иат-Шаном» перейдет снова к его экипажу.

Я пошел к Бакстерам и рассказал им все, что знал.

— Гордон спас нашу жизнь, — сказала я, — иначе наш пароход, а с ним и мы, погибли бы в реке.

— Кто-нибудь должен же был вести судно, — раздраженно ответила мистрис Бакстер. — Я не вижу в этом никакого геройства.

Я ушел из салона и слышал, как Сюзанна что-то горячо говорила матери. На палубе я встретил Гордона.

— Я только что освободил капитана и корабельных офицеров, — сказал он мне. — Они были связаны и заперты в каютах, Теперь они снова на своих местах.

Мы с Гордоном вошли в салон. При виде Гордона Сюзанна вскочила:

— Лойд! — воскликнула она, — Лойд! — потом бросилась ему на шею и разрыдалась.

Он склонился над ней, глубоко взволнованный и, забывая о нашем присутствии, поцеловал ее.

— Сюзанна! — яростно крикнула мистрис Бакстер, — ты окончательно сошла с ума!

Сюзанна вдруг успокоилась и, все еще прижимаясь к Гордону, заявила:

— Я уже говорила вам, мама, что люблю Гордона. Я выхожу за него замуж.

Мистрис Бакстер всплеснула руками:

— Боже милостивый! — воскликнула она. — За китайца!

* * *

Бакстеры не поехали дальше в Индию, а остались в Гонг-Конге, где дочь их вышла замуж за Лойда Гордона. Я же почти немедленно уехал в Маниллу.

— Я приеду к вам в Ковлун, — обещал я Сюзанне и Лойду.

Через три месяца я вернулся в Гонг-Конг и обедал у Сюзанны и Лойда. На их счастье и жизнерадостность было приятно смотреть. Вдали от Реби Стоп Сюзанна расцвела.

— А что ваша мамаша? — спросил я Сюзанну.

Молодая женщина весело рассмелась:

— Я слышала, что она хвастается всем знакомым в Лос-Анджелесе, что я сделала блестящую партию.

Рассказ ИГОРЯ ПОСТУПАЛЬСКОГО

Иллюстрации Ф. РАЙЛЯНА

Здесь так часто шумит
оглушительный бой
Влещут копыта и веют бурнусы...
И. Гумилев.

1.

Обожженная пустыня лежала перед оазисом. Еще не очнувшаяся от иступленного зноя, она уже болезненно розовела. В потемневшем небе загорались одинокие созвездия.

В тени деревьев, лежа у колючей изгороди, похрустывали недоеденными травами верблюды и лошади шейха. У ручья, выбегавшего из густой заросли акаций и длинностовольных пальм, булькали кувшины и слышались негромкие голоса воинов. Сидя перед палаткой на коврике, шейх сосредоточенно смотрел на погасавшую пустыню, когда сторожевой бедуин подвел к нему Саида.

— Шейх Сулейман, к тебе человек...

Шейх лениво поднял глаза. Саид склонился, прижимая руки к груди. Потом выпрямился и стал неподвижно рядом с проводником.

— Чего ты хочешь? — недовольно спросил шейх.

Саид склонился вторично. Потом заговорил:

— Дети Аллаха милостивы к правоверным. Почему же ты, шейх Сулейман, сегодня взял у Саида последнего коня? Трех скакунов имел Саид и, когда ты нуждался в лошадях, двух он тебе отдал безропотно. Но сегодня ты взял у меня последнего. Отдай Саиду коня, шейх Сулейман!

Хмуро посмотрел на него шейх.

— Ты знаешь сам... неверные перебили моих лошадей. О каком третьем коне говоришь ты? Твое селенье не богаче тебя. Ступай!

Шейх властно махнул рукой. Бедуин повернулся к Саиду. Но араб не хотел уходить. Настойчиво прозвучал его голос:

— Верни Саиду коня, шейх Сулейман! Двух скакунов он отдал тебе безропотно. Почему же ты взял последнего? Алла: не прощает зла, шейх Сулейман.

Шейх сдвинул брови:

— Ступай вон, собака.

Бедуин схватил Саида за плечо. Тот вырывался.

— Шейх Сулейман! Почему ты несправедлив к своим слугам? Разве я не отдал тебе двух лучших коней? Разве, защищая тебя, не погиб мой сын? Или ты разбойник? Но тогда я не хочу служить тебе...

Шейх вскочил с коврика.

— Собака! Шакал! Гассан, вели дать старому псу палок и гони вон!

Бедуин схватил упавшегося Саида и с ругательствами потащил его к белевшим у родника бурнусам. Успокоившийся шейх опустился на коврик.

В тени деревьев, у колючей изгороди, шептала по голому телу палка, двигались закутанные фигуры бедуинов и бесстрастно похрустывали травами отдыхавшие животные.

Перед палаткой на коврике сидел шейх, сосредоточенно смотрел на потемневшую пустыню, на крупные звезды в синем небе, и думал о ненавистных ему англичанах. Но он не думал о Саиде.

2.

Незадолго до описанных выше событий, комендант форга N, пожилой, но крепкий еще шотландец, сидя за столом, заваленным бумагами, шевелил седыми усами и говорил стоявшему перед ним молодому офицеру:

— Вы знаете сами... много выхода для нас нет. Разбойники становятся чересчур дерзкими. А мы должны помнить, что в наше время в подобном деле необходима особая решительность... В приказе его превосходительства маршрут указан. По последним сведениям, шайка вместе с ее вождем находится неподалеку от Аль-Баба. Вероятно, вы ее найдете где-нибудь в оазисах этого района. Собирайте свой отряд, дорогой Аллан, и выступайте сегодня же. Дело, в конце концов, достойно офицера армии его величества, и я убежден, что вы его выполните с честью...

Лейтенант, высокий и голубоглазый блондин, молодцевато козырнул.

— Слушаю, подполковник. Мне ваше поручение тем более приятно, что это будет моя первая самостоятельная экспедиция. Смею уверить, Джесси не придется разочароваться в своем женихе...

Подполковник отчески усмехнулся.

— Буду рад за вас и мою дочь, Аллан. Можете идти. Да, заодно пришлите ко мне О'Порр.

— Слушаю, подполковник.

Лейтенант вышел из комнаты в отличном настроении.

...От оазиса бесшумно скакал араб.

3.

На пороге глиняной хижины Айша в темноте ждала мужа. Она была единственной женой Саида, и она не хотела пускать его к шейху. Но мужчина не желает подчиняться женщине. Саид ушел. Теперь она должна беспокоиться. Старуха всплеснула руками, когда подошел жестоко избитый Саид. Саид рассердился, увидев слезы.

— Замолчи, жена! Принеси мне воды и перестань кричать, Саид не простит обиды. Саид был воином, сам пророк поможет ему рассчитаться с шейхом. Замолчи!

— Саид, Саид, как же я могу замолчать? Что они сделали с тобой, Саид...

Вздыхая, она принесла кувшин родниковой воды, прикрытый широким пальмовым листом, и тут же, на пороге хижины, при слабом звездном свете, омыла исполованную спину мужа. Потом натерла его тело маслом и подала ему чистый бурнус. Подошел сосед.

— Мир тебе, Саид. Что случилось с тобою?

— И тебе мир, Мохаммед. Когда шейх Сулейман не пожелал отдать Саиду его коня, Саид назвал шейха разбойником. За

это он получил пятьдесят палок. Я стар, Мохаммед, но я был воином. Шейх еще встретит Саида. Аллах не прощает неправых поступков.

— Ай-ай, Саид! Аллах не терпит зла. Но что же ты думаешь делать?

— Разве я знаю, что я думаю делать? Но я хочу отомстить шейху Сулейману за себя и за всех нас. Почему обнищало селение? Почему погиб сын Саида, почему твоих сыновей раньше времени взял к себе Азраил, почему дети многих других обглоданы шакалами в пустыне? Потому, что шейх несправедлив. Он уводит с собою наших юношей, он берет наших лошадей и верблюдов. Я говорю тебе, Мохаммед, шейх — разбойник.

Он воюет не только с неверными, он враждует и с соседями, и весь убыток возмещаем ему мы. Разве я не прав, Мохаммед?

Почему же ты говоришь мне «тише»? Разве я не прав?

— Ай-ай, Саид! Надо быть осторожнее. Мы будем говорить в твоём доме. Все сегодня сидят по домам, Саид, а бедуны шейха ходят по селению.

В тесной хижине, с двумя крохотными отверстиями в виде окон и открытым входом, старики поместились на кошах. Айша ушла в другую половину хижины,

как подобает жене мусульманина.

— Будь у меня лошадь, Мохаммед, я бы знал, что мне делать. Саид поехал бы далеко-далеко, поехал бы к шейху Омару, поклонился ему и сказал: шейх Омар, твой враг Сулейман отдыхает после набега в оазисе своего колена и людей с ним немного. И Саид привел бы бедунов шейха Омара... Но ты знаешь, Мохаммед, что у меня нет даже старого верблюда. А пешком идти я сейчас не могу. Саид избит. Саид должен ждать.

Мохаммед наклонился к лицу собеседника и зашептал:

— У меня осталась кобылица, Саид. Я дам ее тебе. Аллах поможет нам отплатить несправедливому шейху...

Спустя короткое время, от оазиса, со стороны, противоположной лагерю бедунов, на кобылице, копыта которой были обвязаны тряпками, бесшумно скакал араб. Темно-синее, почти черное небо, усыянное звездами, простиралось над ночной пустыней...

4.

Второй день лейтенант Аллан вел отряд. Кавалеристы его, обремененные саблями, патронташами и тяжелыми магазинками, изнемогали от полуденной жары. Но дромадеры их шли вперед мерно и неуклонно, песок скрипел и шуршал под тяжелыми стопами дрессированных животных.

Лейтенант на своем огромном верблюде ехал сбоку, лениво переговариваясь с сержантами. Лейтенант скучал и сердился. Он мечтал о героических приключениях, а вместо этого ему предстояло до самой ночи тащиться под отвесными лучами раскаленного солнца. Оазисы Аль-Баба еще не показывались. Кроме того, лейтенант не мог забыть, что он не простился с Джесси, выезжая из форта. Он даже думал, что его будущий тесть слишком исполнителен. Совершенно незачем так торопить жениха. Но дромадеры шли мерно и неуклонно, свое недовольство лейтенант был вынужден сохранять в себе. К тому же, он первый раз командир карательной экспедиции, ему поручено уничтожить шайку обнаглевших разбойников и доставить в форт мятежного шейха. В конце концов, дело, как говорил подполковник своему будущему зятю, достойно офицера армии его величества. Это утешало лейтенанта. Это мирило его с пустыней...

Уже день близился к концу, уже томился отряд ожиданием скорого вечера, когда на горизонте показалась черная точка, постепенно обратившаяся в быстро скачущего к отряду всадника.

Кавалеристы оживились. Лейтенант схватился за бинокль. В самом деле, несколько наискосок к ним, скакал араб. Блестел на кончик его копья.

Удивительно! — пробормотал лейтенант: — Вуд, куда и зачем, по-вашему, направляется этот почтенный магометанин?

Спрошенный сержант опустил свой бинокль.

— Куда он направляется, спрашиваете вы? Сдается мне, что не к нам. Я десять лет нахожусь в этих местах и никогда еще не замечал, чтобы во время беспорядков местные бестии любили встречаться с солдатами его величества. Скорее всего, мошенник нас не замечает — ведь солнце за нами и бьет ему в глаза.

Сержант Вуд не обидся. Скакавший, приблизившись к отряду, остановился и вдруг во весь опор поскокал в сторону.

— Э-э, господин лейтенант... птичка может нам повредить... Прикажите его догнать...

Солнце уже садилось, когда выносливые дромадеры настигли Саида. Он не сопротивлялся и, окруженный преследователями, вскоре предстал перед лейтенантом, сидя с длинным копьем в руке на своей утомленной кобылице, ноги которой уже были свободны от тряпок. Лидо его сделалось непроницаемым, когда лейтенант попытался узнать, куда он направляется и почему хотел скрыться.

— Саид — мирный араб из колена шейха Омара. Саид ездил продавать лошадей и возвращается с пустыми руками. Шейх Сулейман ограбил Саида и приказал своим воинам его избить. Посмотри, господин, на мое бедное тело и отпусти мирного араба.

У лейтенанта было доброе сердце, и он поверил Саиду, увидев его исполосованную спину. Сержант Вуд был грубее и подозрительнее.

— Господин лейтенант, его надо допросить основательнее. Почему ты убежал, мошенник?

Старик невозмутимо посмотрел на Вуда: — Саид — мирный араб. Он не любит вооруженных людей.

Как с ним ни бился сержант, другого ответа он получить не мог. Старик твердил одно:

— Саид — мирный араб из колена шейха Омара. Он никому не делал зла. Отпусти Саида.

Потеряв терпение, сержант перешел к другим вопросам.

— Где ты видел шейха Сулеймана, каналья?

— В первом оазисе Аль-Баба, господин. Шейх — жестокий разбойник. Аллах оставил его, и Азраил похитил многих воинов шейха.

Лейтенант был в нерешительности. Вмешался сержант О'Норр.

— Я думаю, беспокоиться не надо. Это не шпион. Арабы Омара живут несколько дальше и пока спокойны. К тому же, шейх Омар личный враг нашего бунтаря. Лучше расспросить старика подробнее, и пусть уходит...

Так и сделали. Саид охотно дал показания и, заканчивая рассказ, прибавил:

— Саид помолится пророку за тебя, господин, если ты накажешь беззаконного шейха. Саид — мирный араб и он не любит зла...

Но, отъезжая, старик как-то по особенному усмехнулся, глядя на лейтенанта, и это не понравилось Вуду. И вечером, когда тут же, в пустыне, совсем неподалеку от Аль-Баба, отряд остановился на отдых, он долго ворчал:

— А все-таки мерзавца напрасно отпустили. Эти бестии, случается, не любят шейхов, но еще больше они ненавидят нас. Как бы чего не вышло...

— Пустяки, Вуд. Там старика избили, а здесь с ним обошлись ласково. Ничего он не сделает.

Ночью лейтенанту Аллану снилась Джесси, встречавшая его после успешного завершения экспедиции.

5.

Утро было обычным для этой местности... Еще не пришедшие в себя от бешеной ночной скачки, наездники шейха Омара толпились за скалистыми нагромождениями. Шейх, невысокий, гибкий бедуй в расшитом шелками бурнуса, облокотясь на глыбу песчаника и глядя ввысь вдале маленькие ястребиными глазами, что-то сообщал. Рядом с ним находился Саид...

А перед первым оазисом Аль-Баба шел бой. Застигнутые врасплох люди шейха Сулеймана, рассыпавшись по зарослям и задворкам, долго отстреливались из глубины оазиса. Ряды дрессированных дромадеров лейтенанта Аллана значительно поредели. Но лейтенант разделил отряд на две части. И дромадеры сержанта Вуда подошли к оазису с тыла. Шейх Сулейман оказался окруженным. Он огляделся. Единственное, что ему оставалось, это попытаться прорваться через жидкую цепь лежавших кавалеристов той или иной половины англичан, под их непрерывным огнем. Шейх отдал приказание. И вскоре кучка оставшихся в живых бедуинов, размахивая копытами и стреляя на полном скаку из винтовок, вылетела из оазиса навстречу трескотне магазинов лейтенанта Аллана. Несколько бедуинов покатилося на песок. Остальные грудь с грудью встретились с мгновенно поднявшейся половиной отряда. Свалив выстрелом из револьвера сержанта О'Норра, шейх Сулейман с высоко поднятым клинком подскочил на своем скакуне к огромному дромадеру лейтенанта. Долговязый англичанин едва успевал отмахиваться от стремительных ударов шейха. Но уже подоспели кавалеристы Вуда. Десяток уцелевших бедуинов оказался в кольце.

... Гортанный крик пронесся над дерущимися. Из-за каменистого холма один за другим выскакивали воины на разгоряченных лошадях. Спустя короткое время, вся эта орущая масса обрушилась на сражающихся.

Шейх Сулейман дрогнул впервые в своей бесстрашной жизни. В маленьком ловком бедуине, мимолетно раскрывшим голову не успевшему опомниться лейтенанту и сейчас же занесшим кривую саблю над его собственной головой, — он узнал своего непримиримого врага, того, кого он меньше всего ожидал встретить сегодня.

— Шейх Омар!..

— Шейх Сулейман!..

Кривые сабли скрестились. Потом блеснули вторично и шейх Сулейман с разрубленным лицом свалился с коня. А по-

бедитель, не теряя времени, врезался со своими воинами в кучу дерущихся, хищно раздувая ноздри и поблескивая острыми глазками при каждом удачном ударе.

6.

Когда под отвесными лучами входившего в зенит солнца бедуины шейха Омара, прикончив раненых и раздев убитых, собирались двинуться в путь доверху нагруженным караваном, к маленькому шейху подошел Саид с группой односельчан:

— Шейх Омар, вели своим людям вернуть наших лошадей!..

Шейх изумленно посмотрел на просителей. Арабы смотрели сумрачно и непримиримо. Воины посмеивались, садясь на коней.

— Убирайся! Я твоих лошадей не знаю. Это моя добыча.

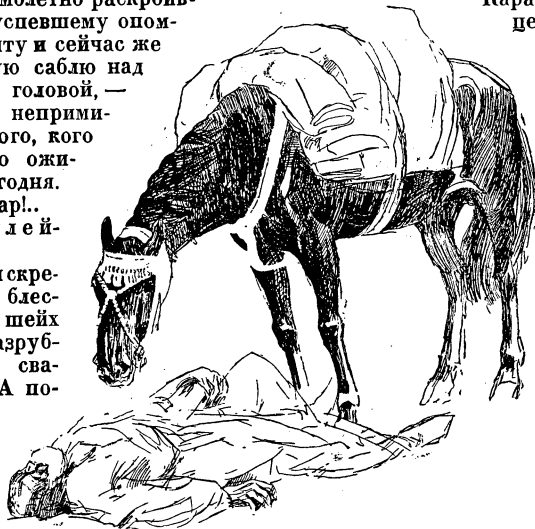
Саид гневно рванулся:

— Шейх Омар! Я предал тебе твоих врагов, я окровавил за тебя копые. Разве я и мои братья не заслужили твоей благодарности? Вот, погибли неверные, и придут сюда мстители, и могут сжечь наше селение. Разве мы не заслужили твоего сожаленья, шейх Омар? Или вы, шейхи, только враждуете друг с другом, а мирные арабы должны видеть от вас одно зло?

Саид не кончил. Лидо маленького шейха искажилось от ярости и, выхватив саблю, он полоснул Саида по шее. Старик упал, обливаясь кровью. Односельчане его отступили.

Караван двинулся. Длинной цепью шли дрессированные дромадеры белокурого лейтенанта и лошади шейха Сулеймана. И когда навьюченные скакуны проходили около распростертого на песке старика-араба, вороной жеребец остановился у трупя и жалобно заржал. Вожатый дернул его за повод.

Караван углублялся в пустыню...

ВОЛОСЫ ВЕРЕНИКИ

Рассказ РАУЛЯ АУЕРНХЕЙМЕРА

Рисунки ФЕЛИКСА ШВОРМШТЭДА

От Редакции. До наших дней — и кто знает: до каких еще веков в будущем? — на небесных картах пишется созвездие — «Волосы Вереники». Этому поэтическому названию уже свыше двух тысяч лет. Но любители астрономии, которых теперь у нас так много, вряд ли осведомлены о происхождении насчитывающего тысячелетия имени.

Впервые в литературе название это упомянул Каллимах, знаменитый греческий поэт, критик и историк литературы, учитель длинного ряда прославившихся потом ученых и писателей, Каллимах, живший в 3-м веке до Р. Х. Он написал несколько сот сочинений в прозе и стихах. Особенно славился его сборник элегий в четырех книгах, под общим названием «Причины». Здесь Каллимах в поэтических рассказах объяснял происхождение названий, обрядов, обычаев и проч. В числе элегий есть и «Локона Вереники», повествующий, как эта царица посвятила богине любви Афродите свой локон, ставший небесным созвездием. Впоследствии знаменитый римский писатель Овидий использовал эту же тему для своей элегии.

Помещаемый ниже рассказ — не перевод древней легенды. Не было бы смысла отрывками и для широких кругов русских читателей перепечатывать теперь «Метаморфозы» и другие произведения классической древности, несмотря на их красоту и занимательность.

Современный автор рассказа, сохранивший только канву легенды, делает центральной фигурой своего повествования самого Каллимаха — первого автора «Локон Вереники», т. е. лицо вполне историческое, и ставит его до известной степени в исторически правильное окружение. Царь Птоломей — это Птоломей III Еввергет, умерший в 221 г. до Р. Х. На фоне красочно пышной и грубо роскошной Александрии, столицы династии Птоломеев, развивается действие, такое психологически понятное, такое естественное для вдумчивого современного русского читателя, в сознании которого твердо заложено убеждение, что женщина — не раба и не вещь.

В этой основной мысли главное отличие модернизированной легенды о «Волосах Вереники» от ее древнего, чисто зрелищного прототипа.

Во внешности женщины имеет значение все, и больше всего — способ причесывать волосы. По прическе женщины можно сделать всевозможные заключения о том, что происходит в ее голове. Это знали еще две тысячи лет назад, при дворе Птоломеев, в Египте. Ярким доказательством этого служат хорошо известные всем астрономам «Волосы Вереники».

Вереника была единственной дочерью Мага, владетеля Кирены, маленького государства, расположенного по соседству с обширными владениями Птоле-

меев. Вереника росла без матери в сонном, пустынном доме отца, и в одиннадцать лет была обручена с наследником трона Александрии Птоломеем, который был всего только на несколько лет старше ее. Но жених, заинтересованный больше приданым, чем самой невестой, не явился к ней, а отправил вместо себя некоего Каллимаха. Этот посланец обратился к Веренике в присутствии всего двора с предложением, составленным в греческих стихах, которые ласкали ее слух, и отечески поцеловал ее в лоб, когда царь

Каллимах отечески поцеловал Веренику в лоб...

официально соединил их руки. Египтянка—няня Вереники—вслед за этим убрала с ее лба капризный локон, который при прикосновении Каллимаха выбился из ее прически и упал ей на лоб. Но Вереника терпеть не могла свою няню, как и все египетское, и поэтому упрямо снова вытащила локон. Так он там и остался, несмотря на все попытки царя, мачехи Вереники и достойной сожаления воспитательницы. Девочка проявила тут свой характер, да и на самом деле золотистые волосы никогда не хотели лежать гладко и всегда завивались. Так выбился и локон.

Со временем локон превратился в настоящую змейку из золотистых волос, и она придавала прекрасному правильному лицу Вереники странное очарование.

Шестнадцать лет Вереника вышла замуж за Птолемея. Это было для нее неожиданностью, так как мачеха ее, не взирая на уже совершившееся обручение, задумала выдать Веренику за сирийца, прекрасного принца Деметрия, и призвала его с этой целью к своему двору. Но Деметрий вместо того, чтобы загореться любовью к дочери, воспламенился страстью к матери, и однажды вечером, когда Вереника неожиданно вошла в покои царицы, она застала ее в объятиях гостя. В ту же ночь с царем случился удар и виновная пара погибла. На следующий день утром весь город был как в лихорадке, волны мятежа докатились до дворца. Тогда вышла Вереника, высокая и строгая, и собственными руками возложила себе на голову корону Кирены. Это движение нашло отклик, все радостно приветствовали молодую красавицу в тонком золотом обруче, который, охватывая ее голову, еще ниже спускал локон Вереники. Казалось, что золото перерезало золото.

В это время впервые заговорили в египетской столице про невесту царя, которую, вероятно, не без причины, считали ответственной за смерть мачехи и позабывшего о чести Деметрия. Птолемей назначил день бракосочетания, которое было отпраздновано в Александрии с неслыханной роскошью.

Два белоснежных слона везли в пурпурных палатках прекрасных повобратных. Золотые поводья держали шествовавший справа Агезилай, командующий дворцовой стражей и гвардией Птолемея, а со стороны Вереники—Каллимах. Впереди них ехал в золотой колеснице, которую везли шесть позолоченных лошадей, старейший при дворе верховный жрец и звездочет Конон, полвека находившийся при царской семье.

Свадебный поезд был зрелищем, ослепившим даже опьяненную красотой Александрию. Он казался змеей, переливавшей всеми красками и рождавшей из своего сверкающего тела все новых, еще более блестящих, змей. Восхищению толпы не было предела. На ряду с роскошными нарядами съехавшихся со всех частей государства гостей и иноземных посольств, занимали глаза и воображение и новейшие чудеса механического искусства. Больше всего привлекала внимание прекрасная фигура богини, высотой в одиннадцать футов. Поставленная на незаметную, задрапированную колесницу, она точно проносила над людьми по воздуху и лила в восторженную толпу вино и молоко из сосудов, которые чудесным образом все заново наполнялись. Все кричали от восторга, но крик этот уже уступал место другому, звучащему боязливей. Львы, тигры, пантеры, целое стадо, закованное цепями, спутанное сетями, мчалось мимо людей, которых только что обливали молоком и вином. Флейтисты и танцовщицы с позолоченными губами окружали диких зверей. Одна из таких танцовщиц подошла слишком близко к зверю и была им растерзана. На другую набросился лев, но он только вытащил паплю из искусственного, кукольного тела. Толпа снова закричала от восторга и замолкла, только когда появился целый лес вырванных с корнями деревьев, распространявших тень. Водарилась тишина, слышалось пение птиц. Привязанные пестрыми нитями, устремились к голубому сверкающему небу певцы в разноцветном оперении и их окружали шумом болтливые попугаи. Пр-

виде этого поющего леса даже нищие Александрии разорвали полученное подаяние и хлопали пустыми ладонями.

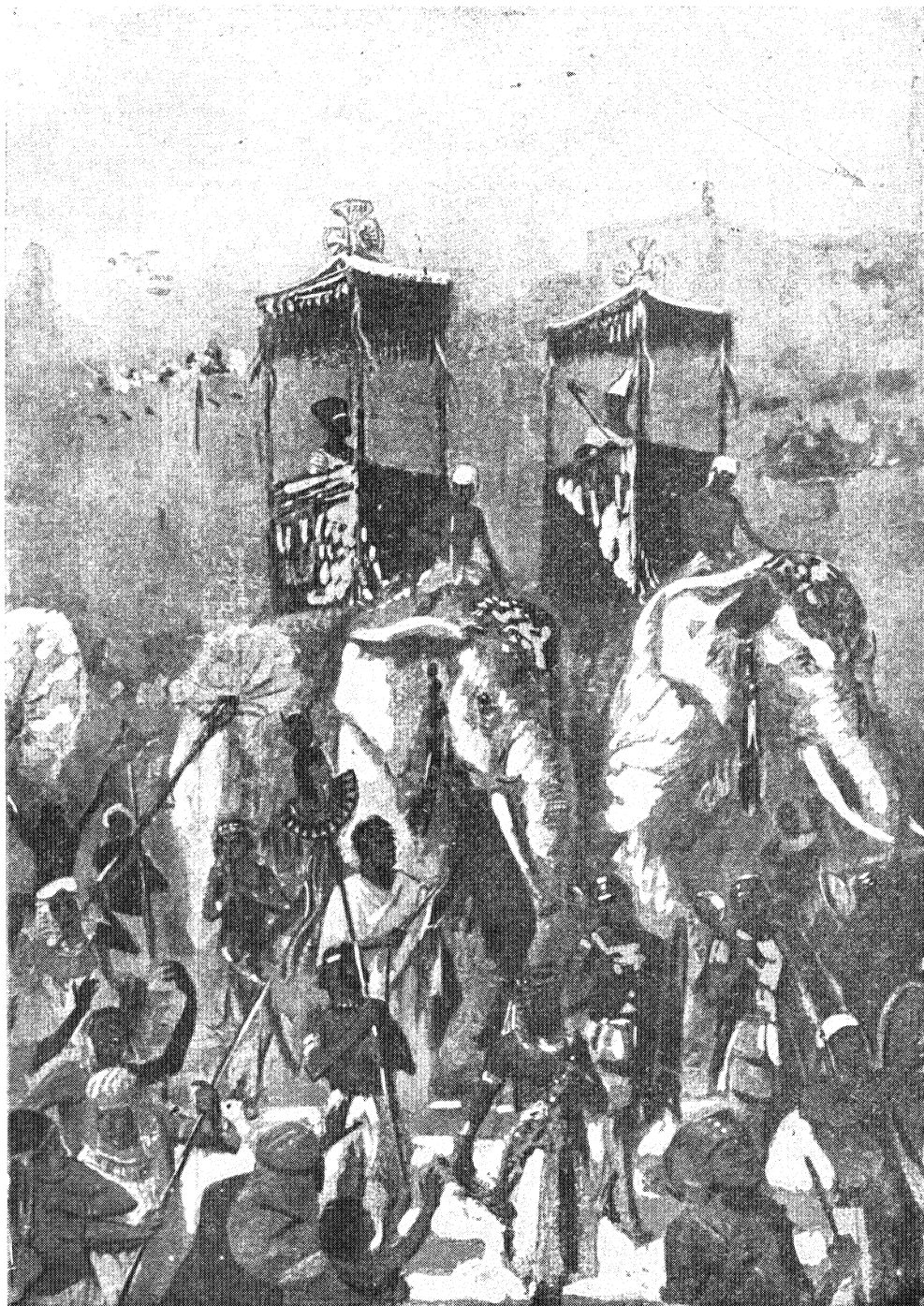
На все это равнодушно смотрела Вереника с высоты своей палатки. Ее греческий разум возмущался деспотическим безвкусием страны, где из авто-

Громадная статуя богини зла в восторженную толпу вино и молоко...

матов делали людей, а из людей—автоматов. Только во время пира почувствовала себя лучше, когда Каллимах прочел свою поэму в честь новобрачных.

— Я хочу иметь соты, из которых истек этот мед,—воскликнула она по гречески, протягивая руку за папирусом, на котором были написаны стихи.

Шествие было великолепное. Два белоснежных слона везли новобрачных.

— Каллимах принесет их тебе, — сказал Птолемей, сидевший возле нее, прямой и узкий, как фараон.

— Да, завтра! — безрассудно воскликнула она, — завтра, возможно раньше.

Царь разлил один из стоявших перед ним кубков. Его рассердило, что она забыла про свою брачную ночь.

Но была ли это брачная ночь? Придворные женщины, в подробностях обсудившие этот вопрос на следующий день, сомневались в этом и сомнения их основывались не на дознаниях, а на фактах.

Вскоре после этого неприятного случая Вереника встала и удалилась в свою спальню, куда за ней последовал не совсем твердыми шагами молодой царь. Но едва он вошел, как прислужницы услышали страшный крик. Вслед за этим они увидели, что Птолемей раздвинул плечом занавес у двери и вышел обратно с рассерженным лицом. Он придерживал правую руку левой и зажимал рану, из которой текла кровь.

В городе рассказывали, что как только царь подошел к ложу Вереники, на него набросилась молодая пантера. Злое животное вырвалось будто бы из свадебного шествия и по пальмовой аллее пробралось в помещение, примыкавшее к саду. Но пантера, очевидно, тем же путем и скрылась, потому что потом не нашли и следов ее во дворце.

Утром, на следующий день после этого жуткого происшествия, Вереника, как ни в чем не бывало, приняла Каллимаха. При этом все обратили внимание, что она была причесана точно так, как причесывалась молодой девушкой в Кирене. Только во время свадебного торжества спрятала она свой локон под высокой, похожей на опрокинутое ведро, голубой царской короной. Теперь локон снова выбивался, как золотая змейка, на гладкий лоб Вереники, который был слегка выше, чем лоб Афродиты, но не менее прекрасен.

Что означало это упрямство? Придворные женщины, получившие поручение вернуть голубую корону на ее прежнее, почетное место, ломали себе над этим вопросом головы.

Не изменила Вереника прическу и в следовавшие затем месяцы, несмотря на едва сдерживаемое неудовольствие ее царственного супруга. Говорили даже, что он заявил:

— Или я, или локон!

Никто хорошенько не понимал, что общего между этой прядью волос и брачной ночью, но царь с тех пор не входил в комнату Вереники.

Придворные толковали это на все лады. Некоторые, как Агезилай, считали, что Птолемей должен воспользоваться супружеским правом и силой удалить упрямым локон, даже, если бы пришлось пустить в ход меч.

Другие, в числе которых был и Конон, следивший за движениями звезд в башне из черного базальта, на самом краю царских садов, уверяли, что тут нужно взять лаской. Ведь у Вереники было отвращение к этой жуткой стране, где молились кошкам и звериным ромам и в разгар веселья обносили вокруг стола мертвое тело. Это отвращение гречанки выражалось в ее необычной прическе и в предпочтении, которое она отдавала Каллимаху, своему соотечественнику. Мудрый Конон советовал царю предпринять вместе с Вереникой морское путешествие в Грецию. Под греческим небом, среди вечной эллинской весны, — все образуется и страна обретет мать, в которой она так нуждается.

Пока царь колебался, что ему делать, и ничего не делал, началась война с Сирией. Он сейчас же перестал колебаться, встал во главе своего войска и отправился на поле битвы: он, ведь, был Птолемей. Веренику же он оставил дома.

Остался в Александрии и Каллимах. Эгого пожелала молодая царица, которая не могла расстаться со своим чтецом. Царь, нахмурившись, исполнил ее просьбу, но одновременно решил сделать Каллимаху предупреждение, что на языке восточного властителя выразилось в двух письмах, которые были получены любимцем Вереники в день отъезда супруга. В первом, которое точно по ошибке попало в его руки, было обращение к Агезилаю с поручением убрать К., если

он станет «подозрительно» вести себя при дворе. Второе послание было получено Каллимахом полчаса спустя. Гонец объяснил, тяжело дыша, что письма были перепутаны в спешке отъезда. В этом втором письме Каллимах назначался придворным философом и чтецом царицы, с уверением в царском благоволении. Каллимах в этот же день вступил в исполнение своих обязанностей, но по спине его слегка пробегала дрожь.

Дрожь усилилась, когда он по пути к царице встретил во внутреннем дворе начальника гвардии Агезилая, который явственно зашуршал в кармане папирусом, в то время, как мимо него проходил Каллимах. Но, несмотря на то, что Каллимах отлично себе представлял содержание этого папируса, Агезилай же знал, куда направляется придворный чтец, — оба раскланялись с той коварной придворной любезностью, которая никогда не исключает возможности убийства.

Каллимаху было сорок лет и ему совсем не хотелось умирать. Он пи-

сал стихи, иногда хорошие, иногда похуже, и решительно не оказывался дома, когда к нему стучались другие страсти. Что же касалось любви, то Каллимах по опыту знал, что она всего только прекрасный цветок, который умирает, если его сорвать. Для него же слаще всего был аромат цветка!

Итак, он ежедневно отправлялся в назначенный час к Веренике, но только для того, чтобы читать ей Гомера или, гуляя по саду, разъяснять ей философию Платона, к которой она проявляла жгучий интерес.

Когда они приближались во время прогулки к дворцу, они проходили мимо плещущего фонтана, возле мраморного бассейна которого сидели в вечерней прохладе придворные женщины и шептались между собой. Когда же они, наоборот, углублялись в сад, они неизменно встречали Агезилая, который шагал по темнеющим аллеям, как часовой, и неприятно шуршал в кармане папирусом. При такой обстановке трудно было начать настоящий разговор.

Птолемей вышел со страшным криком, зажимая рану, из которой текла кровь...

Веренике не нравилось быть перипатетиком¹, и она усиленно думала о том, как бы найти другой, более удобный метод обучения. Ведь, она так хотела кое чему поучиться.

Вереника целыми часами сидела перед зеркалом из полированного металла, рассматривала локон на своем лбу и думала. Виновата ли она, что ее судьба, так же как и локон, шла извилистым путем? И почему не приехал Птолемей шесть лет тому назад сам обручаться с ней? Зачем прислал он Каллимаха и заставил ее этим думать о другом человеке каждый раз, когда она хотела думать о нем, Птолемее? Почему не окружил ее нежной лаской царственный супруг? Почему хотел он, опьяненный винными чарами, властно привлечь ее к себе, как берут рабыню? Теперь он шел в Сирию от победы к победе и каждый раз поднимался в ее мнении. Но теперь было слишком поздно. Сирия была далеко, а манящий сад лежал совсем близко у ее ног.

Вереника удлинила часы занятий, она затягивала их все позднее и позднее, а наступающее лето давало ей удобный предлог. Она старалась быть особенно красивой и благоухающей в ту часть дня, которую посвящала своему любимцу. Она обрызгивала себя ароматами, кутала руки и плечи в прозрачные вуали; она полировала ногти, отодвигала локон то в одну сторону, то в другую. Она часами закручивала его на указательном пальце, завивала его горячими железными щипцами. И все это делалось для того, чтобы дать понять другу сердца, что с ней происходит и чтобы заставить учителя немнож-

ко больше высказаться. Но друг ее пожимал плечами, а учитель плохо соображал. Он, кажется, был единственным мужчиной в Александрии, который не замечал, что Вереника носит иную прическу, чем все остальные женщины в Египте.

Вереника решила переменить тактику.

Однажды она встретила своего учителя с грустным лицом. На вопрос о причине этого она призналась, что чувствует себя плохо из-за маленького прыщика, который всегда вскакивает у нее на верхней губе, когда не исполняется какое-нибудь ее желание. Но Каллимах не мог найти этого прыщика, хотя и обладал отличным зрением.

Другой раз она ему сообщила, что ждет его не во дворце, а на берегу моря, недалеко от совсем одиноко расположенной башни Конона. Как только Вереника появилась, она тотчас же отослала домой всех своих прислужниц и доверила Каллимаху вымышленную причину перемены места

— Ты получишь этот локон, мой Каллимах, — сказала Вереника...

встречи. Новый карфагенский посол будто бы сообщил ей, что посетит ее в послеобеденный час, она же сослалась на прогулку по морю, чтобы сделать возможной встречу с Каллимахом и могла показаться во дворце только с наступлением ночи. Карфаген был очень чувствителен и кроме того коварен. Если послу придет в голову сообщить ее отговорку Птолемею...

Вместо ответа Каллимах вынул из кармана Гомера и тотчас же начал читать. Это была Одиссея и песнь об Одиссее и Навзикае, которую они как раз проходили.

¹ Перипатетик — приверженец системы философского учения Аристотеля, имевшего обыкновение учить во время прогулок по улице.

— Как я понимаю эту молодую девушку! — говорила прекрасная Вереника. — Мне тоже всегда нравились мужчины уже в зрелом возрасте.

Они сидели на скале, которая была так узка, что им едва хватало места для двоих. Каллимах встал и стоя продолжал читать.

Уголок понравился Веренике и они стали часто приходить сюда. Как-то раз, когда они покинули уединенную скалу поздно вечером, и первые звезды сверкали уже над их головами, Вереника предложила посетить старого Конона в его базальтовой башне. Они тут же уговорились сделать это на следующий день.

Когда они, немного позднее, подошли ко дворцу, где их ожидали слуги с зажженными факелами, Агезилай согнал, прислонясь к колонне и заметно шуршал в кармане папирусом. Но эта бумага не предназначалась для Каллимаха. Это было донесение с поля битвы из Сирии.

— Царь стоит у врат Вавилона, — сказал Веренике Агезилай почти угрожающим голосом.

— Благодарение богам, — отвечала она, не замедляя шага.

На следующий день вечером они посетили Конона. Напрасно уверял мудрый старец, что в его башне не на что смотреть кроме звезд.

— Они-то как раз и манят меня, — возражала Вереника и упрямо настояла на своем.

— Возвращался бы скорее дарь, — вздыхали придворные женщины у фонтана. — Если он еще долго будет одерживать победы...

Внутри башни был полный мрак. Это было круглое помещение с четырьмя узкими окнами на все стороны света. В них видны были звезды.

Посреди стоял круглый каменный стол, который Конон окружил венком из роз и на котором поставил прохладительные напитки. Маленькая глиняная лампа слабо светила.

За этим столом сидели теперь ночь за ночью Вереника

и Каллимах. Мудрый Конон напал на след новой звезды, 847-й, по его каталогу. И он пользовался этой отговоркой, чтобы каждый вечер оставлять своих гостей вдвоем.

Как-то раз ночью лампочка погасла. Каллимах хотел вскочить и позвать кого-нибудь из свиты, чтобы снова зажечь свет. Но теплая рука во мраке мягко легла ему на рот и заглушила его зов. Он схватил эту руку, обнял шею и поцеловал локон на лбу.

— Чудный локон! — шепнул он и потом умолк. Но Вереника оценила его молчание.

— Ты получишь этот локон, мой Каллимах! — сказала она, лежа в его объятиях...

Звезда, мерцая, робко заглянула в темное помещение. Вереника встала и подошла к окну: над ее головой сияла Венера.

Старый Конон торопливо ковылял вниз по лестнице со своего наблюдательного пункта.

— Царь возвращается! — крикнул он еще с лестницы.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Вереника.

— Звезды! — ответил Конон и указал рукой на небо.

Где твой локон? —
спросил Птолемей.

На следующий день утром, под звуки труб и звон литавр, въезжал Птолемей в Александрию. И первое, что победитель Азии спросил у встретившей его на лестнице дворца и розовевшей утренним светом Вереники:

— Где твой локон?

Птолемей сразу заметил, что на лбу любимой не было локона, который так сердил его когда-то.

Вереника успела приготовить ответ.

— Он в Пантеоне!—сказала она.— Я дала обет принести его в жертву богам, если ты победителем вернешься на родину.

Она грациозным жестом подала ему чашу приветствия.

Царь чувствовал жажду, но он едва омочил губы в украшенном драгоценными камнями золотом кубке. Отставляя его, он крикнул голосом, в котором чувствовался победитель:

— Агезилай!

Агезилай выступил из толпы приближенных и, проходя мимо стоявшего за спиной Вереники Каллимаха, зашуршал чем-то в кармане.

— Немедленно окружить и обыскать Пантеон—приказал царь. Если локон исчез, — он окинул всех орлиным взглядом, — ты убьешь того, у кого найдешь локон. Ты уполномочен обыскать всякого, кто покажется тебе подозрительным.

Агезилай сделал движение, но Птолемей прибавил:

— Как только покажутся на небе звезды. До тех пор мы будем отдыхать от утомительного ночного пути.

Когда стало темнеть, царь бодрым шагом прошел через сад к морю, где стояла башня Конона.

— Я знаю все!—сказал он угрожающе. Его шпионы сообщили ему больше, чем хотелось бы прекрасной Веренике.

Верховный жрец и старший звездочет ответил с естественной твердостью старого мудреца, которого мало страшит смерть:

— О, царь! Даже если ты и много знаешь, то ты знаешь очень мало. Суть не в том, что происходит, а в том, отчего это происходит. Это же

покрыто мраком. Разве только звезды освегят иной раз этот мрак.

— В прошлую ночь исчез локон Вереники,—сурово прервал его царь, не вдаваясь в тонкости такого разговора.—Тот, у кого его найдут—умрет. И локон найдут потому, что это слишком драгоценный дар, чтобы мужчина мог добровольно отказаться от него.

— Его найдут!—подтвердил мудрый Конон.—И счастливый—несчастный обладатель его умрет. Но века спустя будут еще говорить о твоём несчастном супружестве. Не забывай, что ты обессмертил себя своими подвигами. Это было бы и твоим поражением!

Птолемей мрачно нахмурил лоб.

— Так найди мне другой выход,—сказал он.

Старый Конон указал на небо.

— Вот благородный выход!—Он улыбнулся. Его серебристая борода казалась неотделимой частью млечного пути.—Сами боги предлагают его тебе, но избереешь ли ты его—это твоё дело!

— Прошу тебя не говорить загадками!

Конон указывал на небо, в восточной части которого робко сверкала первая звездочка.

— Через полчаса, — сказал он, — загадка будет разгадана. Пока же, царь, я прошу тебя призвать сюда всю твою свиту. Я хочу сообщить тебе в присутствии всех об одном великом событии.

Мудрый старик скрылся в дверях черной башни, а Птолемей задумчиво стал разглядывать устройство своих сандалий. Потом он выпрямился и повелительно хлопнул в ладони.

— Свиту!—приказал он низко склонившемуся перед ним слуге.

Тотчас же загорелись красные огни факелов и, окруженная женщинами, появилась закутанная в белые вуали Вереника.

Весь двор встал полукругом возле мрачной башни. Точно в театре. Царь стоял, как герой драмы, посреди образовавшегося пустого пространства. Вереника видела только его спину.

Вперед выступил Агезилай, опираясь рукой на меч. Он сделал свой

доклад. В Пантеоне не нашли и следов локона. Но есть большое подозрение...

— Потом, — прервал его Птолемей. Он указал на верхушку башни, где, как облачко, видна была седая борода Конона, освещенная снизу светом факелов. — Наверх!

Агезилай отступил назад. Полный сдерживаемой ненависти взгляд его метнулся в сторону Каллимаха, стоявшего со скрещенными на груди руками. Он точно защищал что-то, скрывавшееся там.

Старый Конон уже подавал знак с высоты башни.

— О, сын солнца! — кричал он вниз через сложенные рупором руки. — Звезды ждут тебя!

Птолемей медленно стал подниматься по лестнице. Вереника, Каллимах, Агезилай и несколько человек придворных последовали за ним и взойшли на круглую площадку наверху башни. Остальные заняли всю лестницу сверху до низу. Внизу же остались только факельщики, по приказанию Конона, так как земные огни плохо уживались с небесными. Факелы образовали вокруг базальтовой башни точно магический круг, превращая отблеском своего света черный камень в розовый кварц.

Поднявшись наверх, Птолемей вошел в магический круг звездочета. Посреди площадки стоял круглый каменный стол, на поверхности которого Конон обозначил свои 846 звезд. Над столом поднимались измерительные приборы и квадранты. Сбоку стояло нечто вроде подзорной трубы. Конон пользовался ею по временам, чтобы направить глаз на определенное созвездие и чтобы не мешал сбоку свет.

У этой трубы, вытнутой, как указующая рука, стоял мудрый старец и ждал своих гостей. Когда они поднялись наверх, Конон подошел к прислонившемуся к столу Птолемею.

— О, царь! — воскликнул он. — Тебе выпало на долю большое счастье.

— Да, я вижу волосы Вереники! — громко прозвнес Птолемей.

Боги услышали твою благородную супругу, молившую их о ниспослании тебе победы над врагом, и, в знак того, что они милостиво приняли ее жертву — ее драгоценный локон, — они включили его в сонм своих звезд. Взгляни только в эту трубу, о сын солнца, и ты сам убедишься в этом. Новое созвездие парит, как золотое облачко на небесах, между Львом и Девой. Я помещу это созвездие, с твоего милостивого разрешения, на звездный стол, как 847 звезду. Но ты, о Птолемей! будешь первым из всех смертных, увидевшим ее. Ибо таково желание богов!

Когда прозвучали эти слова, взгляды всех устремились на царя. Но при слабом свете звезд лица его нельзя было разглядеть и видны были только очертания его склоненной головы. Птолемей стоял неподвижно и, казалось, обдумывал что-то. И все, даже Вереника, затаили дыхание. Решалась судьба.

Потом точно облегченно вздохнул многоголовый хор. Птолемей подошел к трубе и, под руководством мудрого Конона, стал смотреть на небеса. Он долго не говорил ни слова, очень

долго. Потом вдруг громко произнес, точно желая, чтобы услышал весь Египет:

— Да, я вижу волосы Вереники! Я вижу их совершенно отчетливо и ясно.

Он уступил место жене, чтобы и ей дать возможность увидеть, как в небесах сверкают ее собственные волосы. И Вереника увидела.

— Волосы Вереники! Волосы Вереники!—шептали друг другу придворные. Ни одно созвездие не получало так быстро названия и не приветствовалось с такой радостью.

Каллимах тоже посмотрел в трубу и даже раньше Агезилая. После того, как он долго и задумчиво смотрел на небо и затем скромно отошел в сторону, Птолемей обратился к нему со словами:

— Я знаю, мой Каллимах, что ты мечтаешь о возвращении в родную Ионию. Это будет даровано тебе: ты можешь ехать. Желаю тебе, чтобы ты мог целиком отдаться прекрасному искусству!

Каллимах склонился под взглядом Птолемея. Он хотел что-то ответить, но не успел, так как царь удалился. Придворные желали Каллимаху сча-

стья и среди них и скрежетавший зубами Агезилай. Каллимах же думал, что он, в сущности, не без удовольствия уедет в Ионию,—чтобы выполнить то, что делают поэты, когда они ничего не переживают: чтобы создать из всего этого поэму.

Из сверкавшего серебром моря поднялась полная золотая луна и все звезды померкли в ее сиянии.

Птолемей подал Веренике руку, чтобы провести ее обратно ко дворцу. Они молча шли рядом, погруженные в свои мысли. «Она стала еще прекраснее»,—думал Птолемей.—«Он покинул меня мальчиком, а вернулся мужем и поступил как муж»,—думала Вереника.

Так молча шли они под звездами до самого дворца.

Только у порога покоев Вереники замедлил Птолемей шаги.

— Не лежит ли снова пантера под ложем?—спросил он, останавливаясь и точно просыпаясь от сна. Вереника опустила женственным и виноватым движением голову:

— Ты можешь в этом убедиться!—сказала она, улыбаясь ему в свете луны, и легкими шагами прошла в дверь.

И дверь осталась открытой.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА

КОНКУРС НА ПРЕМИИ № 6 откладывается до будущего номера, т. к. читатели имеют сейчас в проработке задачи по конкурсам № 3 и № 5.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 2.

Кратчайший путь.

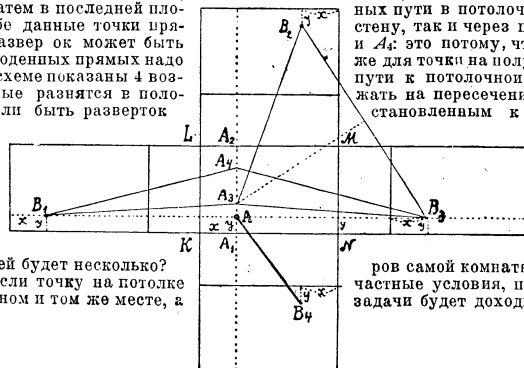
Задача № 4.

Задача не исчерпана по всем предложенным в ней вопросам. Даем решение лишь частично, в уверенности, что читатели не уступят сами довести решение до конца.

Для нахождения искомого пути надо развернуть все стены, потолок и пол комнаты в одной плоскости, напр., в плоскости пола. Затем в последней плоскости надо соединить обе данные точки прямой линией. И так как разверток может быть несколько, то из всех проведенных прямых надо выбрать наименьшую. На схеме показаны 4 возможных развертки, которые различаются в положениях потолка (может ли быть разверток свыше четырех?) Для требуемого соединения точки A на полу с точкой B на потолке кратчайший путь будет (см. графику) AB_4 .—Является ли такой путь всегда единственно возможным? И когда равных путей будет несколько? Это обнаружится яснее, если точку на потолке держать неизменно на одном и том же месте, а

для точки на полу искать различные места. Пусть, напр., точки B_1, B_2, B_3 и B_4 , обозначающие одну и ту же точку B в различных развертках, везде одинаково отстоят от ближайших ребер потолочной грани—в расстояниях x и y (см. графику). Тогда Прямая $A_1 A_2$, проведенная по полу параллельно стороне KL в удалении от нее на величину x , будет геометрическим местом точек, равно отстоящих от B_1 и B_3 . Другими словами, для каждой точки, лежащей на прямой $A_1 A_2$, будет два равных пути в потолочную точку: как через левую стену, так и через правую (напр. для точек A_3 и A_4 : это потому, что $AB_1 = AB_3$). В частности же для точки на полу A_3 будет три одинаковых пути к потолочной точке, если A_3 будет лежать на пересечении с перпендикуляром, восстановленным к линии $B_2 B_3$ из ее середины (тогда $A_3 B_1 = A_3 B_2 = A_3 B_3$; эти пути, не в пример приведенной графике, могут быть и кратчайшими).

Анализируя многие иные случаи, с учетом относительных размеров самой комнаты, можно определить все те частные условия, при которых число решений задачи будет доходить даже до шести.

ТАИНСТВЕННЫЙ СОСЕД

Рассказ ЛЕОНИДА ЛАРИОНОВА

Иллюстрация А. СЕРГЕЕВА

Инженер Ранов вернулся с работы и сидел у себя в кабинете с газетой в руках. В комнату постучали.

— Войдите!—произнес инженер.

Никто не отвечал.

— Войдите!—повторил Ранов. Никакого ответа. Он встал и сам открыл дверь. За дверью никого не было.

— «Вероятно послышалось»—подумал Ранов.

Через несколько минут снова постучали. Идя к двери, он крикнул:

-- Войдите!

Никто не входил. Ранов распахнул дверь и увидел, что в соседней комнате по-прежнему пусто и тихо.

Тогда, не закрывая двери, он вернулся в кабинет, остановился посреди комнаты и настороженно прислушался. Стук повторился, но шел он не от двери, а от противоположной стены. Ранов подошел ближе, приложил ухо и услышал странный, настойчивый стук, который сменялся едва слышными стонами и криком, исходившими откуда-то из глубины стены.

Некоторое время он молча слушал, потом, едва шевеля губами, в недоумении тихо произнес:

— Что это может быть? Откуда эти крики?

Крики раздавались в стене, как будто на расстоянии саженей двух от окон и на высоте метра над полом. Это было более, чем странно.

Дом, в котором жил Ранов, стоял на окраине города и одиноко возвышался шестиэтажной громадой среди пустырей и огородов. Вдалеке, за пустырем, виднелись трамвайная линия и трубы фабрик.

Ранов жил в четвертом этаже. Он знал, что за этой боковой стеной уже нет соседних квартир, что стена эта наружная, глухая, сплошь из красного кирпича. Никакой звук с улицы не мог проникнуть через эту стену. Крысы тоже не могли произвести такого шума. Осталось предположить, что эти крики и стуки исходят из нижней или верхней квартиры. Ранов сходил в эти квартиры. Там удивленно развели руками: здесь ничего не слышали. Тогда он зашел к управдому и повед его к себе.

Управдом встал у стены, долго прислушивался, потом в недоумении повернулся:

— Нет. Ничего не слышу. Вы, вероятно, ошиблись.

Ранов тоже не услышал не малейшего шума. Стук больше не повторялся. Вместе с управдомом он вышел на улицу и снаружи осмотрел стену. Огромная стена, освещенная последними лучами мартовского солнца, казалась багрово-красной. В ней не было прорублено ни одного окна. Все возможные предположения скоро были отброшены, как нелепые. Допустить, что в стене замурован человек и что это он стучал оттуда, призывая на помощь, — было нельзя, во-первых, потому, что в стене он уместиться не мог; во-вторых, для этого нужно было бы разобрать стену на высоте четвертого этажа и сделать это или с улицы, или из комнаты инженера. Но никаких следов в кабинете Ранова не было. Да и такая операция, конечно, не могла бы в квартире пройти незамеченной. С улицы это можно было бы сделать только при помощи большой лестницы, достигающей четвертого этажа дома. Но и это было бы, конечно, замечено жильцами дома. Да и затем, вообще, какому преступнику придет в голову замуровывать живого человека в стене, да еще на высоте четвертого этажа?

Ранов так и вернулся домой, совершенно не представляя себе, как можно объяснить происшедшее. В этот вечер стуки больше не повторялись. На другой день он вернулся домой только около полуночи, прошел в кабинет и, подойдя к стене, стал прислушиваться. Все было тихо.

На третий день Ранов, как обычно, вернулся с работы, сидел и читал. Вдруг, неожиданно, в стене раздался резкий стук. Ранов вскочил, подбежал к стене и явственно услышал нечеловеческие крики, которые умолкали, как только начинался размеренный, ритмический стук.

Он выбежал из комнаты и немедленно вызвал управдому. Тот пришел, прижался ухом к стене, но через минуту с ужасом отскочил от нее и испуганно пробормотал:

— Да, тут что-то неладное! Не понимаю. . . Ничего не понимаю.

Он пошел к телефону, позвонил в Уголовный Розыск и торопливо рассказал о случившемся. Оттуда сообщили, что через час придет агент с собакой...

За несколько минут до агента крики и стуки неожиданно прекратились... Это было в то же время, что третьего дня. Часы показали 6 часов 40 минут вечера — время за-

хода мартовского солнца в Ленинграде и его округе. Агент Угрозыска не раз прикладывал ухо к стене, но так ничего и не услышал. Ранов упросил его остаться на ночь. Ночь шума за стеной не было.

Рано утром собака залилась громким лаем и перебудила всех квартирантов. Ранов выбежал из спальни и застал агента у телефона. Он звонил в отделение и вызывал наряд милиционеров; затем он взял собаку на цепь, спустился в квартиру управдома и пошел с ним осматривать подвальные помещения. Он надеялся найти в стене потайной ход. Но нигде ничего похожего не было.

Тогда агент решил, что остается только проломить в этом месте стену и сделать это или с улицы, или из комнаты инженера. Тем более, что настойчивый стук и крики не умолкали.

Решили ломать стену с двух сторон. Для этого вызвали пожарную команду с лестницей и отрядом топорников.

Через пять минут пожарные были у дома. Пока устана ливали огромную лестницу, собралась целая толпа любопытных.

Молодой пожарный, с едва пробившимися усиками, быстро полез вверх по лестнице, сверкая на утреннем солнце своей медной каской. Все подняли головы вверх и следили, как он поднимается все выше и выше.

Наконец, на уровне 4-го этажа он остановился и стал пристально во что-то вглядываться. Он рассматривал маленькое отверстие в полкирипча величиной. Это был душник, какие обычно делаются для вентиляции в стенах домов. Пожарный засунул в него руку по самое плечо, но... через мгновение вдруг резко вскрикнул, выдернул руку и стал торопливо спускаться вниз, быстро скользя по ступенькам.

Он соскочил на землю, что-то лепетал и бледный от страха разглядывал правую руку. Около него столпились и увидели, что на указательном пальце у него была маленькая ранка, из которой сильно текла кровь. Пожарный весь дрожал и торопливо говорил:

— Больше не лезу туда! Ткнул я рукой во что-то живое и мохнатое, а он мне чем-то острым проколол палец, да еще хотел задержать меня, когда я выдернул руку.

Из толпы вышел молодой парень.

— Позвольте мне! Я хочу туда слазать.

Он взял из рук пожарного тонкий ломик и неуклюже полез по ступенькам лестницы.

Все с затаенным дыханием смотрели за его движениями. Он взобрался наверх, остановился перед дыркой и со всего размаха засунул туда весь лом.

Оттуда раздался предсмертный, нечеловеческий крик.

Парень быстро вытащил лом обратно. Лом был в крови.

В ту же минуту из дырки что-то выкинулось и камнем упало к ногам стоящих внизу людей...

Это был обыкновенный дятел.

Ранней весной, в конце марта, дятлы начинают делать свое гнездо, выдалбливая для этого в дереве дупло.

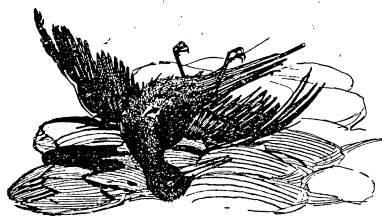
Этой работой они хлопотливо заняты с восхода и до заката солнца. Обычно в это же время самец издает звуки, похожие на крик, которые перемешиваются с громкими ударами его клюва о сухое дерево.

В лесу эти удары бывают слышны более, чем за версту.

Несчастливая птичка, лежащая у ног людей, вероятно не нашла поблизости укромного деревца и принуждена была залететь в это отверстие и там, в деревянных балках стены, пыталась выдолбить себе гнездо. Но в самом же начале ее постигло несчастье.

И вот теперь, умирающая, она лежала на земле.

Из пробитого и разорванного бока сочилась темная кровь. Одно крыло было сломано и урод-

ливо выворочено. Дятел лежал на боку и все время раскрывал клюв, словно задыхаясь от предсмертных страданий.

В глазах его была бесконечная скорбь и тоска. Он медленно закрывал их и снова открывал, озирая толпу людей, склонившихся над ним. Теперь ему уже не страшен был человек... Через несколько минут он тихо вздрогнул и уронил голову на холодную, еще покрытую слякотью, землю.

А еще через некоторое время все увидели, как к стене полетела другая птичка. Она робко села на край отверстия; заглянула внутрь; жалобно чирикнула, раз, другой... третий; долго порхала около стены и, призывно чирикавая, полетела в соседний пустырь.

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 2.

Криптограмма.

Задача № 3.

„Своим светом освети чужую тьму и все тебе будет приятно“.

(„Исповедь“ М. Горького).

Из пятиугольника квадрат.

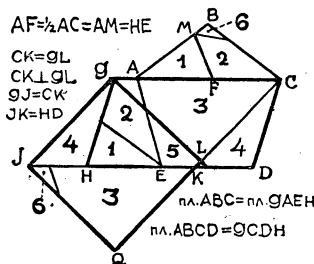
Задача № 6.

Из прямоуг. треугольника COE гипотенуза CE будет равняться $\frac{1}{2} \sqrt{5}$ (считая радиус $CO=1$, а $OE=1/2$; см. рис. в № 3 журнала). Значит $FO=FE-OF=CE-OE=\frac{1}{2} \sqrt{5}-1/2=\frac{1}{2}(\sqrt{5}-1)$. Последняя же формула является выражением стороны правильного десятиугольника, вписанного в окружность радиуса=1. Следовательно в треугольнике COF катеты таковы: OF —сторона десятиугольника, а CO —радиус описанной окружности; в таком случае гипотенуза FC будет стороной правильного пятиугольника (в курсах геометрии есть такая теорема; то же яс о при опре-

делении длины $CF=\frac{1}{2} \sqrt{10-2\sqrt{5}}$). Итак, фигура $MCNPK$, построенная на базе CF , есть правильный пятиугольник.

Вторая, более трудная часть задачи, решена в построении, приведенном рядом— $ABCDE$ —данный пятиугольник. F —середина его диагонали AC . $AM=AF$ и $HE=AF$, а GH параллельна CD . Нетрудно разобрать, что параллелограмм $GCDH$ равен велик $ABCDE$, так как у этих двух фигур, при их общей части $ACDE$, дополнительные площади ABC и $GAEH$ равны между собой. Значит, остается превратить параллелограмм $GCDH$ в равновеликий ему квадрат; ясно, что сторона этого квадрата будет

средней пропорциональной между основанием и высотой параллелограмма. Пусть $GL=CK$ проведены под прямым углом одна к другой; тогда GL и будет стороной искомого квадрата (нетрудно доказать, что $GL=CK$ естественная пропорциональная между основанием и высотой параллелограмма). Если теперь GI параллельна CK , а IQ параллельна GL , то легко убедиться, что $GLQI$ и есть искомый квадрат ($GI=CK$, а $IQ=GL$). Помимо долей №№ 1, 2 и 5,

входящих в параллелограм и уже отвечающих таким же долям в $ABCDE$, еще три доли №№ 3, 4 и 6 тоже соответственны равны долям квадрата, обозначенным теми же номерами.

В результате искомый квадрат выкладывается по нашему чертежу при разрезании данного пятиугольника всего на шесть частей (в премированных решениях дается деление от 7 до 13 частей). Неправильными математически, хотя и близкими по размерам, являются те решения, где сторона искомого квадрата приравнивается полусумме из стороны пятиугольника и его диагонали. Предлагам любителям подсчетов определить цифровую разницу в таком неправильном решении сравнительно с верным.

ИЗ АЛТАЙСКИХ БЫЛЕЙ

Рассказ А. М. СМИРНОВА

Иллюстрации И. А. ВЛАДИМИРОВА

1.

Когда по приалтайским деревням пронесся слух, что продотряды отбирают пшеницу и мед, Аверьян, первый богатей в селе, долго чесал лохматую голову, думая, куда бы спрятать свое добро. С пшеницей, правда, он покончил быстро: вырыл у займки в тайге яму и ссыпал в нее золотистое зерно. Но что делать с медом?

А год, как на зло, выпал урожайный для меда. Давно уже не цвели так душисто липы, не пестрели таким богатством красок притаенные дуга. Даровая работница-пчелка без усталости целое лето таскала душистый нектар в колоды Аверьяна. А колод этих было у него триста штук. Если считать только по пуду, и то выходило триста пудов! В горшке под лавкой не спрячешь.

— Везти в Семипалатный¹ — отберут. Дома оставить — тоже отберут. Ну, и времени пришли... Хоть плачь!..

Три дня ходил Аверьян сам не свой. На четвертый его вдруг осенило, — даже по лбу себя стукнул. Фу ты, дьявол! Да чем мед хуже пшеницы? Только поплотней застелить дно, да обшить стены накатником.. Малость пропадет, повятно, — не без этого, но когда тут сотни пудов, стоит ли говорить о фунтах?

В тот же день вечером, лишь только угломонились соседи, Аверьян с сыном, захватив топоры и лопаты, направились в тайгу. Придя на займку, сообразили, какой величины должна быть яма для меда и приступили к работе. Два дня рыли и обдѣльвали яму, столько же времени возили и сливали мед. А когда была опорожнена последняя колода, и накатник покрыл наполненную медом яму, Аверьян присыпал сверху землей, забросал прошлогодним листом и сказал:

— Приходи теперь! Три года будешь искать, а меда не понохаеть...

И торжествуя пригрозил кулаком в пространство.

2.

Воистинным зеленым ковром раскинулась тайга по Алтайским предгорьям. Солнце, не обжигая, гнется книзу. Лес лениво пробуждается от полуденной дремы.

Первым очнулся пестрый дятел; вставив в расщелину дерева еловую шишку, он задобил так часто, точно хотел наверстать упущенное время. Из пади на этот стук нежным криком ответила какая-то птичка. Выводок тетеревей тяжело прогромыхал над поляной.

В густой заросли орешника послышался треск и вслед за тем на поляну вышел бурый медведь. Щурясь от света, он остановился на опушке в раздумьи. В какую сторону пойти? Хотя он был и не очень голоден, но после сна не плохо было бы чем-нибудь освежить рот. Хорошо было бы найти, например, малинник, а еще лучше, если бы попался мед...

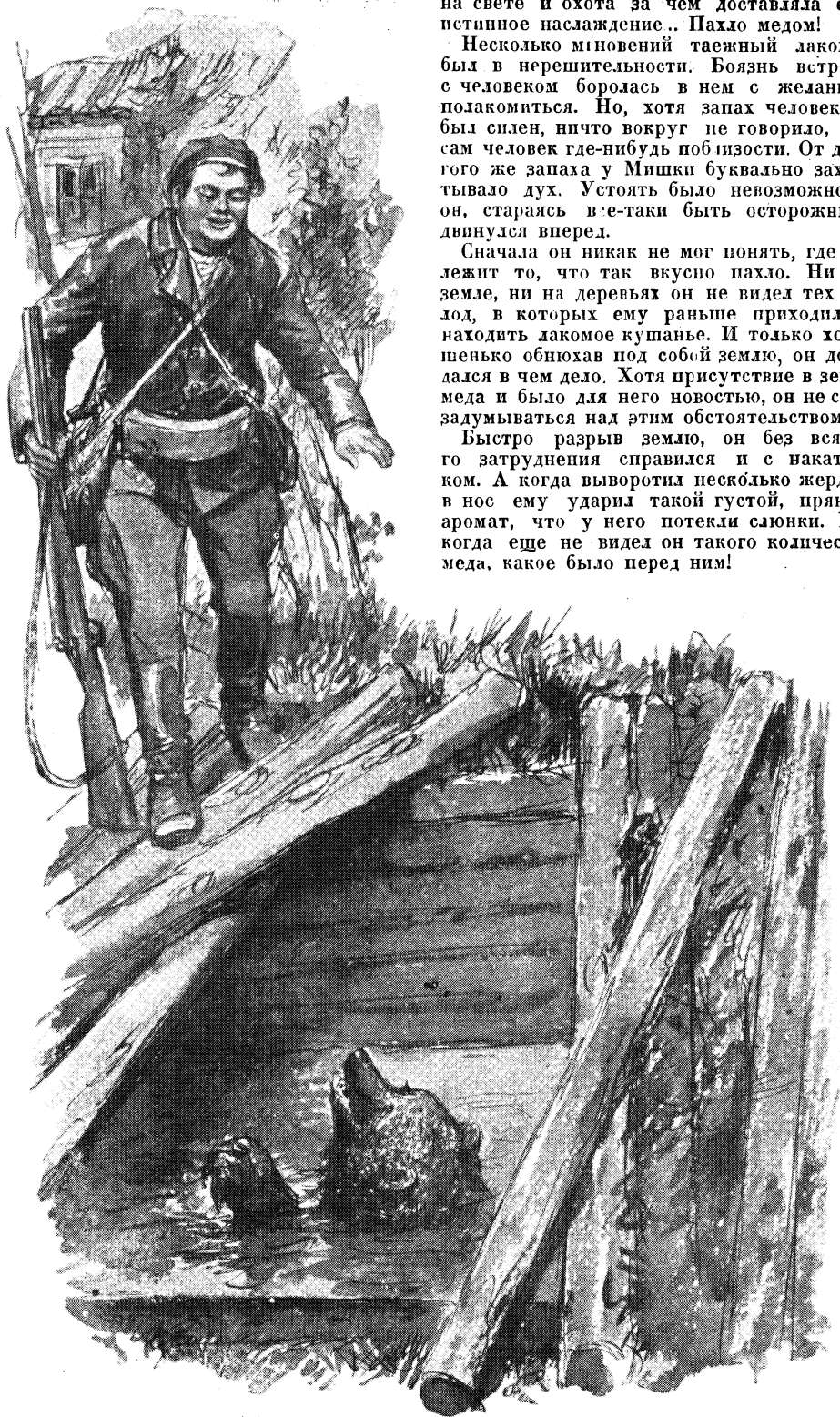
Медведь вспомнил, что в той стороне, откуда падал ему сейчас в глаза свет, не так давно он нашел сочные красные ягоды малины. Правда, он тогда не оставил ни одной ягодки, но за это время могли вырасти новые. Лениво переваливаясь, он пересек поляну и по откосу стал спускаться в падь.

Он шел не спеша, как домовитый хозяин, осматривая свои владения. Его интересовало все: колоды, коряги, кучи, дупла. В одном месте он выкопал несколько кореньев, но съел их без особого аппетита. Муравьиные яйца ему больше нравились: он пожирал их, причмокивая от удовольствия.

Пройдя таким образом некоторое время, медведь вдруг увидел между деревьев сруб займки. Это было то, что пахло человеком, а этого запаха он избегал. Он было уже сделал движение, чтобы свернуть в сторону и обойти неприятное место, но в это время его ноздрей коснулся совсем другое. Медведь остановился и потянул носом.

Несомненно, это было запахом того, что в его представлении было самым вкусным

¹ Семипалатинск.

на свете и охота за чем доставляла ему истинное наслаждение.. Пахло медом!

Несколько мновений таежный лакомка был в нерешительности. Боязнь встречи с человеком боролась в нем с желанием полакомиться. Но, хотя запах человека и был силен, ничто вокруг не говорило, что сам человек где-нибудь поблизости. От другого же запаха у Мишки буквально захватывало дух. Устоять было невозможно, и он, стараясь в-е-таки быть осторожным, двинулся вперед.

Сначала он никак не мог понять, где же лежит то, что так вкусно пахло. Ни на земле, ни на деревьях он не видел тех ко-лод, в которых ему раньше приходилось находить лакомое кушанье. И только хорошо обнюхав под собой землю, он догадался в чем дело. Хотя присутствие в земле меда и было для него новостью, он не стал задумываться над этим обстоятельством.

Быстро разрыв землю, он без всякого затруднения справился и с накатником. А когда выворотил несколько жердей, в нос ему ударил такой густой, пряный аромат, что у него потекли слюнки. Никогда еще не видел он такого количества меда, какое было перед ним!

— Выручай, товарищ, погибаю,—как будто хотел сказать таежный сластун...

Сгорая от нетерпения, медведь запустил вниз лапу. Мед лежал низко, и чтобы достать его, ему пришлось, опираясь на левую переднюю лапу, сильно наклониться над ямой. И тут произошло нечто совершенно неожиданное: лапа вдруг соскользнула с бревна, и медведь, мелькнув над ямой своим толстым задом, полетел вниз...

3.

Аверьян закопал мед во-время: не прошло и двух дней, как в село явился продотряд собирать разверстку.

— Ну и благодать тут у вас, — сказал начальник отряда Насонов председателю сельсовета, когда служебные разговоры были окончены, — места-то, места для охоты какие!..

— А что, разве охотничать любишь? — спросил тот.

— Не выходил бы из леса.. А только теперь не до охоты. Вот кончу службу, тогда другое дело.

— Почему не до охоты? Покончим с продразверсткой, возьми ружье, да и пошатайся денек..

Однако истратить в такое время денек на охоту Насонову показалось слишком много, — он решил удовлетвориться полднем. Раздобыв у местного охотника двухстволку, он вышел на заре, думая вернуться к обеду, чтобы тотчас же выступить с отрядом дальше.

Но охотиться за птицей без собаки трудно; ему удалось поднять вывенок тетеревей лишь перед самым возвращением. Он убил трех молодых тетеревят и хотел было на этом закончить, как вдруг услышал какой-то странный рев. Сначала он подумал, что это кричит сохатый, подзывая самку, но когда рев повторился, понял, что ошибся: рев, который он слышал, не мог принадлежать сохатому.

Насонов перебрал в памяти всех зверей, каких знал, но ни на одном из них не мог остановиться. Ближе всех этот густой рев подходил к реву медведя, но медведи режут редко и, главным образом, в минуты борьбы и опасности. По этому же реву трудно было предположить, чтобы там, где ревел зверь, происходила борьба. Рев слышался в одном направлении почти через правильные промежутки времени.

Переменив в стволах дробь на пули, Насонов двинулся в сторону пади, из которой доносился странный рев. Когда он перевалил за перевал, рев послышался совсем ясно. Насонов уже не сомневался, что это ревет медведь. Но что заставляет его реветь так, как будто он попал в беду?

В просвете деревьев мелькнул сруб, — это была заимка. Насонов остановился. Рев раздавался почти рядом. Но где же тот, кто ревел? Насонов даже посмотрел вверх, не забрался ли зверь на дерево.. И только когда рев повторился еще раз, охотник увидел свежесрытую землю.

— Медведь попал в яму, — догадался Насонов и, подойдя ближе, заглянул вниз. Его

рука уже тянулась к спуску, но не дотянувшись, так и застыла.. Потом он опустился ружье..

Медведь по самые уши сидел в яме, в полужидкой клейкой массе, — он тонул в меду..

— Выручай, товарищ, погиба-аю.. — как будто хотел сказать таежный сластун, заревев при виде Насонова, а тот, схватившись за живот, так и присел перед ямой..

4.

Весть о том, что на заимке Аверьяна в яму с медом попал медведь и не может из нее выбраться, взбудоражила все село. И когда продотряд, вооружившись топорами и веревками, направился к заимке, за ним устремились все, кто только мог двигаться. Пока шли, шуткам и остроумам не было конца.

— Ай, да Аверьян, мед в яму схоронил..

— От людей схоронил, а медведь нашел..

— Это он нарочно придумал, чтобы медведей ловить..

— А что теперь будет с медом?

— Медведя вытащим, Аверьяна посадим..

— Эй, Аверьян, слышишь? В яму тебя с медом..

Но Аверьян не слышал: он сидел в это время на гумне, ни жив ни мертв от страха.

Когда пришли на заимку, Насонову не мало пришлось покричать, чтобы установить порядок: давя друг друга, все разом лезли к медовой яме, чтобы скорей увидеть диковинное зрелище. Тетка Митродора даже чуть-чуть не составила компанию медведю.

А медведь? Он не обнаружил особого беспокойства, увидев вокруг себя столько людей. Ему, повидимому, было тошнехонько, и он не чаял, как выбраться скорей из беды. Поэтому, когда ему подали два суковатых толстых бревна, он весьма охотно стал карабкаться по ним вверх. Но, засев в сладкую массу по уши, потом выбраться из нее дело не легкое..

Медведь освобождал свое неуклюжее тело из липкой жижи с большими усилиями. Вот он уже почти вылез. Ему оставалось сделать только одно усилие. А когда он его сделал, то от натуги не удержался и.. издал звук.. Это было встречено таким взрывом хохота, что заяц, дремавший под кустом в версте от заимки, как безумный сорвался с места и бросился наутек.

Хохотали до слез. Даже Фрол, на что мужик серьезный, а и тот не удержался от улыбки.

— Я убил двадцать слишком медведей, — сказал он, — видел их во как, ну, а что бы это.. Этого мне не приходилось слышать..

Между тем медведь обнюхивал клетку, которую на скорую руку смастерили красноармейцы из толстого орешника. Эта клетка была поставлена у ямы таким образом, чтобы зверь, выбравшись на поверхность, не мог миновать ловушки. Но медведь, считая, вероятно, что хуже не будет, даже не пытался это сделать. Оставляя за собой

дорожку из меда, он тяжело шагнул вперед и уселся посредине клетки.

— Уф,—с облегчением фыркнул он, укоризненно качнув головой, и посмотрел вокруг с таким видом, точно хотел сказать:

— Ну, и напасть, братишки!.. Ей богу, чуть не умер!..

Когда пошли в село, Мишка, облепленный медом, важно восседал в клетке,—точь-в-точь, как китайский мандарин в паланкине...

5.

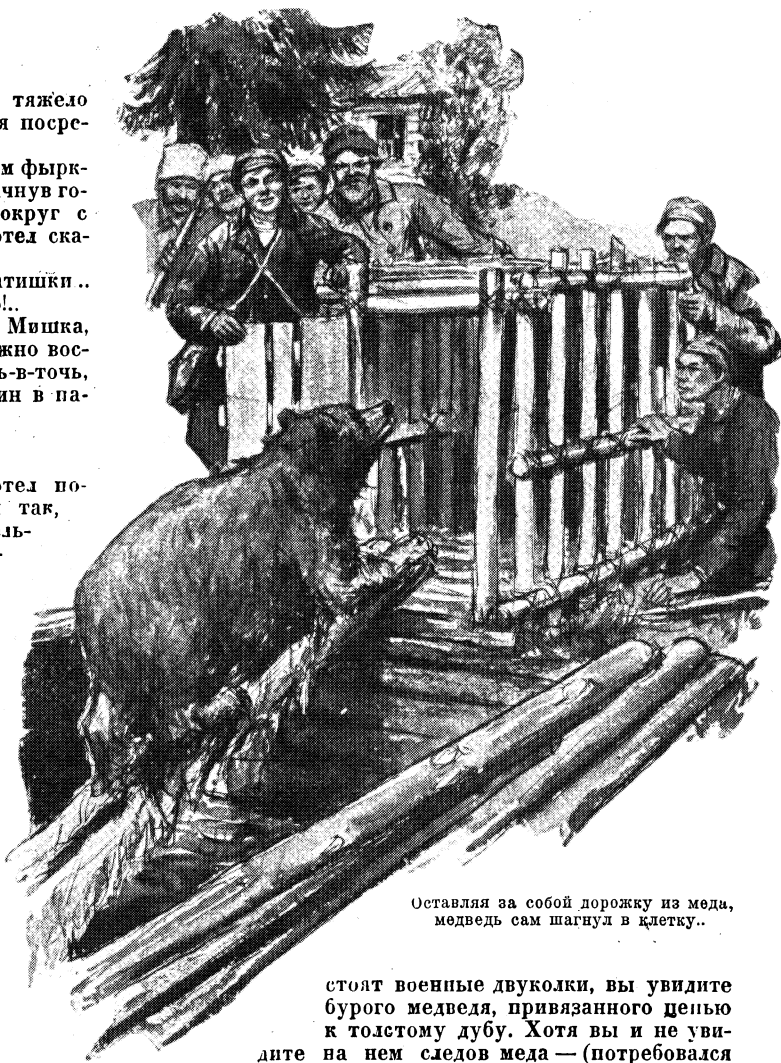
Сначала Насонов хотел поступить с Аверьяном так, как говорили его односельчане, когда шли на зимку: посадить на место медведя... Потом встали. Уж очень красноармейцы были довольны, что заполучили живого Мишку...

От меда, что вылил Аверьян в яму, пришлось, однако, отказаться. Известно, что если медведь сильно испугается, то у него начинает болеть живот. Эта неприятность случается не только с медведями, и носит название «медвежьей болезни». Когда вытащили Мишку из ямы и попробовали мед, то оказалось, что бедняга оставил в нем весьма явственные признаки этой болезни...

Словом,—продотряд от этого меда отказался, а его разобрали по ведрам односельчане Аверьяна. Потом они помаленьку продали его спекулянтам в Семипалатном...

В заключение этой правдивой от начала до конца истории—два слова о дальнейшей судьбе Мишки-Медового.

Если вам придется побывать в г. Т.,—маленьком городке на побережье Черного моря,—и вы будете проходить по Ленинской улице, то в одном из дворов, где

Оставляя за собой дорожку из меда, медведь сам шагнул в клетку..

стоят военные двуколки, вы увидите бурого медведя, привязанного цепью к толстому дубу. Хотя вы и не увидите на нем следов меда—(потребовался год, чтобы отмыть его холодной водой, так как горячую воду он не переносил)—но это и есть тот самый медведь, который семь лет тому назад попал в яму с медом.

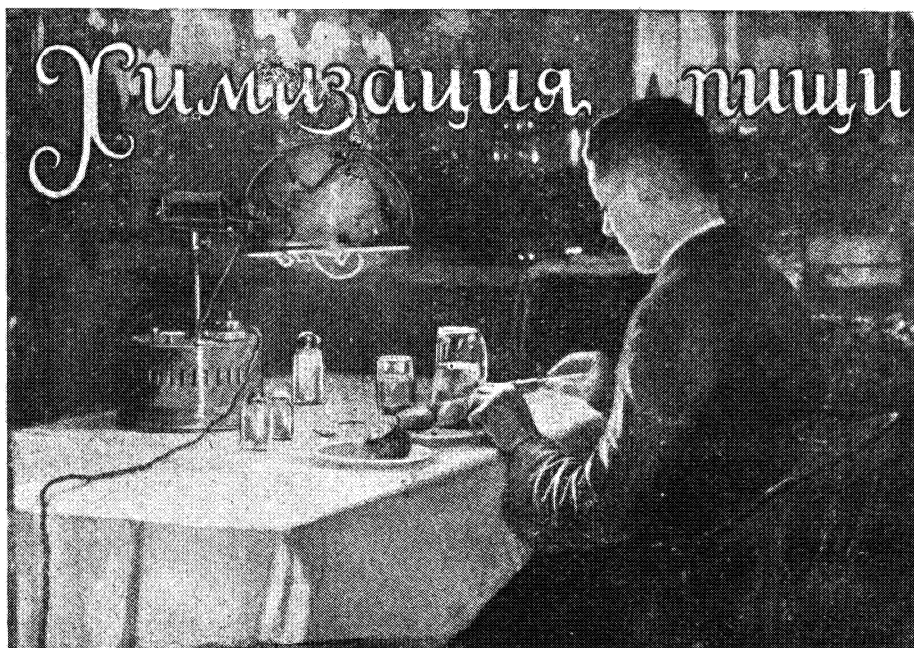
Теперь он совсем ручной. Если вы протянете руку, он охотно даст вам лапу. Но если вы скажете при этом:

— А ну, скажи, Мишенька, как ты в меду тонул?

Он оттолкнет в шу руку и с досадой фыркнет, как бы говоря:

— Тонул, ну и ладно,—чего вспоминать старое?

Не любит, когда ему напоминают об этом случае, и терпеть не может меда...

За домашним столом. Просвечивание потребляемой пищи.

Очерк д-ра Э.

Профессор Висконсинского (Америка) университета Гарри Стинбок изобрел аппарат, с помощью которого ультрафиолетовые лучи будут пронизывать любую пищу человека.

Изобретение профессора Стинбока, употребляя более или менее технические выражения, заключается в следующем: профессор овладел тайной питательного элемента, известного под именем витамина Д и, при посредстве лампы с ультрафиолетовыми лучами, ввел этот витамин почти во всякую общепринятую пищу: в ишеницу, овес, муку, капусту, шпинат, масло, молоко, яйца в маргарин, картофель, рис, короче говоря — во всякую пищу, за исключением сахара и соли.

Химики недавно открыли, (см. № 4 «Мира Прик». 1928 г.), что витамин Д есть то свойство пищи, благодаря которому человеческий и животный организм получает из пищи количество кальция, которое исключает всякую возможность рахита у детей и в то же время помогает росту костей до ма симума, допускаемого наследственностью ребенка или животного. После солнечного света, витамин этот в наибольшем количестве нам дает жир тресковой печени.

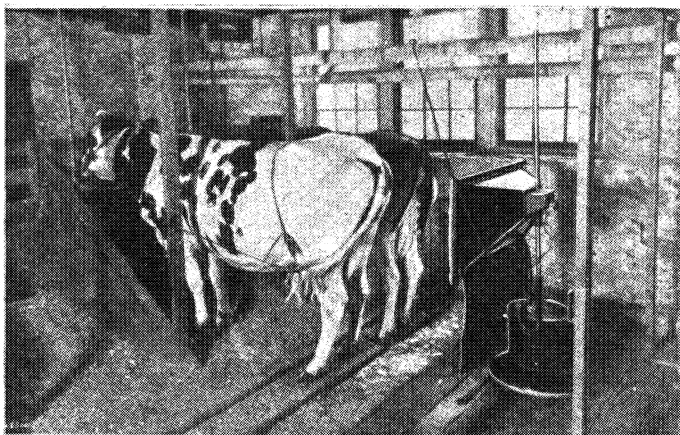
— Солнце заключает в себе великие жизненные силы, — говорит профессор Стинбок, — химические процессы организма в значительной степени зависят от солнца. Еще совсем недавно ученые думали, что

росту способствует вернее тепло, чем свет солнца. Между прочим и тщательные наблюдения над треской разрушили теорию тепла. Мы нашли, что ультрафиолетовые лучи сравнительно легко проникают через воду. И суть химических процессов в треске заключается в том, что поглощается и сохраняется значительное количество витамина Д, которое рыба получает от солнечного света.

Но даже когда было доказано, что световые лучи представляют собою целебное средство при рахите, все еще продолжали думать, что их с пользой можно употреблять только непосредственно применяя их на субъекте. После долгих исканий профессор Стинбок пришел к убеждению, что должен существовать какой-то другой способ пользоваться ультрафиолетовыми лучами. И он произвел опыт, давший ему бо́льшее имя.

Кварцевой ртутной лампой профессор ежедневно в течение нескольких недель освещал подложины крыс. Потом он их умертвил. Вторую партию крыс он одновременно кормил так, что они все страдали рахитом. Профессор взял затем печень убитых им крыс и кормил ею рахитичных крыс. Виродожение десяти дней больные крысы совершенно поправились.

Это убедило Стинбока, что не только ультрафиолетовые лучи сами по себе химически воздействуют на ткани тела, но что лучи эти можно передавать через

Наука наткнулась на препятствие, когда попыталась ввести витамин Д в организм коров и улучшить питательность молока посредством освещения. На рисунке справа видны большие кварцевые лампы.

пищу, даже если они исходят и не от самого солнца. Это открытие повело к дальнейшим опытам.

— В молоке, а также в масле нет активного витамина Д, говорит Стинбок.—Мы делали продолжительные опыты с коровами и нашли, что они ни в какой степени не отзываются ни на прямое просвечивание, ни на жир тресковой печени. Это замечательный факт, и мы до сих пор еще не нашли причины его.

Подводя итоги своей работе и многочисленным опытам, профессор Стинбок говорит:

— Употребление в будущем просвеченной пищи при лечении рахита и для детей вообще неоспоримо. Недавно было даже окончательно доказано, что лучистой энергией можно пополнить недостаток кальция в материнском молоке. Некоторые формы туберкулеза, как известно, легко поддаются излечению просвечиванием, и мы получаем хорошие результаты также и при анемии.

Во время своих опытов, Стинбок и некоторые его товарищи по работе в Висконсинском университете нашли, что цыплята очень подвержены рахиту. Они также знали, что высиживаются в инкубаторах около 30% всех зимних яиц. Сопоставляя эти два факта, ученые пришли к заключению, что яйца высиживаются с таким трудом потому, что цыплята рахитичны и не в силах сами себе пробить дорогу из скорлупы.

Стинбок был уверен, что просвечивание разрешит это затруднение и приведет к тому, что большее количество кур станет класть более легко высиживаемые яйца, что, в свою очередь, приведет к удешевлению зимних яиц. Стинбок начал освещать одну группу кур, но содержал одновременно такую же группу, той же стаи и породы, без искусственного освещения. Первым результатом было, что в течение февраля освещаемые куры снесли 173 яйца.

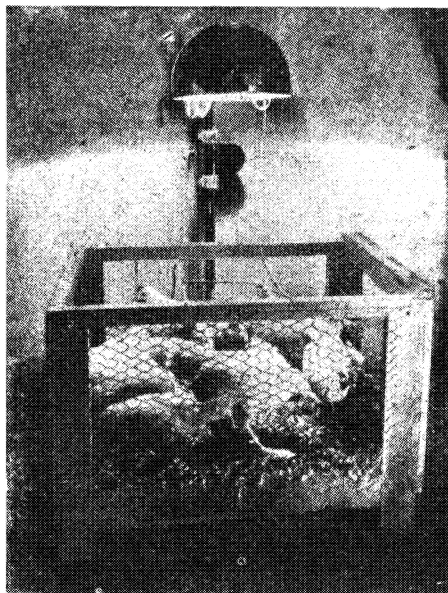
Неосвещаемые куры дали за тот же самый период 68 яиц. Яйца от освещенных кур были положены в инкубатор и из 168 вылупились здоровые цыплята. Из второй же группы вылупилось всего 22 цыпленка. В марте был проделан тот же самый опыт, давший еще больший процент яиц и цыплят для освещаемой группы.

Будь это научное открытие сделано у нас, в СССР, да и вообще в Европе, продолжались бы бесконечные дальнейшие научные исследования лабораторного порядка, но в практической и гонимой за всякими техническими новинками Америке дело сразу получило коммерческий характер.

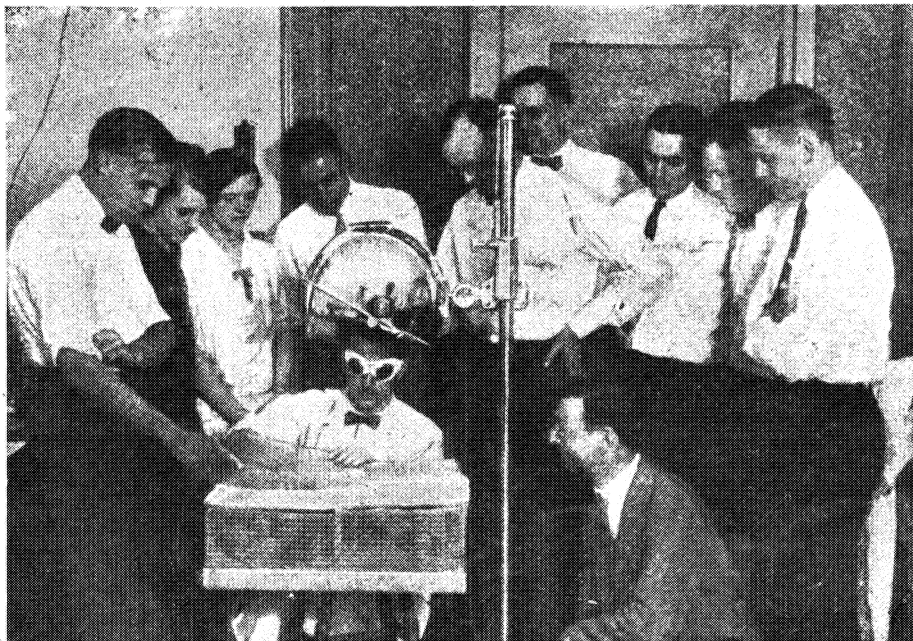
Профессор Стинбок взял патент на сконструированную им особую ртутную лампу, и целый ряд промышленных предприятий занялся проведением в жизнь нового изобретения.

В настоящее время одна компания производит опыты как лучше всего пронизать живительными ультрафиолетовыми лучами овес. Его будут медленно проводить в больших корытах под кварцевыми лампами.

Другие фабрики делают опыты с аппаратами, которые они приспособляют для употребления людьми во время обычной

Группа кур, освещаемая ежедневно в течение 10-ти минут кварцевой лампой. В результате продукция яиц зимой удваивалась.

Профессор Гарри Стинбок демонстрирует птицеводам и школьным учителям как уничтожить обычные потери при взращивании цыплят.

домашней еды, для ферм, чтобы дать больше жизненных сил свиньям и цыплятам.

Конечно, открытие профессора Стинбока является только продолжением известных наблюдений над влиянием света на произрастание растений и на повышение жизненных сил некоторых видов животных. Быть может, читатели вспомнят хотя бы обошедшие все русские журналы фотографические снимки курятников в американских фермах, курятников, ярко освещаемых электрическим светом, что в зимнее время

усиливает носку яиц. Но несомненно, что, введя в опыт новый элемент—лампу кварцевую,—профессор Стинбок сделал новый значительный шаг на пути изучения химического воздействия энергии ультрафиолетовых лучей и значительно расширил горизонты для той новой науки будущего, которую, вероятно, когда-нибудь назовут «химией питания». Не так много пройдет времени, и человечество станет лицом к лицу с печальной необходимостью изучать весь цикл знаний, составляющих эту науку.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА

ИТОГИ КОНКУРСА НА ПРЕМИИ № 2.

Вследствие происшедшего запоздания в выходе №№ 3 и 5,—запоздания, независимого ни от редакции, ни от издательства,—этот конкурс вышел неудачным, так как подписчики не имели достаточно времени для решения предложенных задач. В конкурсе приняло

участие всего 15 человек, из коих по 3 задачам получили зачеты 8 человек, по 2 задачам—4 чел. и по 1 задаче—3 чел. Оценка очками: трое—по 11 очков (по жребью премии 1—3), трое—по 9 очков, двое—по 7 очков, двое—по 5 очков, а остальные—менее 5 очков.

ПРЕМИИ РАСПРЕДЕЛЕНА ТАК:

1-я премия. Издание „Красота форм в природе“—проф. Геккеля (атлас ценностью в 26 рублей)—Н. В. Успенский (Тула).—2-я премия. „Демон“ Лермонтова (худож. изд. ценностью в 8 руб.)—А. С. Базаров (Ленинград).—3-я премия. „Наука о небе и земле“—Е. Игнатьева, (ценность изд. 5 руб.)—С. И. Соколов (Москва).—4-я премия. Сочинение проф.

С. О. Грузенберга „Гений и творчество“—В. В. Замбрицкий (Ленинград).—5-я—10-я премии. Книги из числа указанных в условии конкурса: 5) Б. А. Янковский (Ленинград); 6) Б. В. Смирнов (Одесса); 7) Ш. Б. Горцев (Ростов); 8) В. И. Ланин (Новгород); 9) Х. Файфман (Киев); 10) И. Федоров (Минск).

Издатель: Изд-во «П. П. Сойкин».

Редактор: Редакционная Коллегия.

Ленинградский Областлит № 12878. Зак. № 1442.

Тип. Л.С.П.О. Ленинград, Лештухов, 18. Тираж—30.000 экз.